

Министерство образования и науки Российской Федерации

**федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный педагогический университет»**

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

*Книга для будущего учителя, реализующего историко-культурный
стандарт школьного образования*

Ответственный редактор, профессор С.В. Любичанковский

Допущено УМС ОГПУ в качестве учебного издания (учебного пособия) для обучающихся по направлениям подготовки 44.03.05 Педагогическое образование, профили «История и обществознание», «Русский язык и история», «История и иностранный язык», 44.04.01 Педагогическое образование, направленность «Историческое образование», 46.06.01 Исторические науки и археология, направленность «Отечественная история», «Археология»

Оренбург 2018

УДК 947 (075)

Л 93

ББК 63.3 (2 Рос) 4/5я7

Допущено УМС ОГПУ в качестве учебного издания (учебного пособия) для обучающихся по направлениям подготовки 44.03.05 Педагогическое образование, профили «История и обществознание», «Русский язык и история», «История и иностранный язык», 44.04.01 Педагогическое образование, направленность «Историческое образование», 46.06.01 Исторические науки и археология, направленность «Отечественная история», «Археология» (протокол №5 от 15.03.2017 г.)

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Пушкарёва Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав.сектором Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва);

Полторац Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала для ученых «Клио», президент Международной ассоциации исторической психологии им. проф. В.И. Старцева (Санкт-Петербург);

Аллагулов Артур Минехатович, доктор педагогических наук, член Бюро научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки Российской академии образования, профессор Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург).

Авторский коллектив:

Любичанковский С.В. (руководитель) – предисловие, главы 5, 6, 8.

Бурлуцкая Е.В. – главы 1, 3, 4, 7.

Евгеньев А.А., Краева Л.А. – глава 2.

Л 93 Любичанковский С.В. (руководитель авторского коллектива), Бурлуцкая Е.В., Евгеньев А.А., Краева Л.А. Трудные вопросы дореволюционной истории России. Книга для будущего учителя, реализующего историко-культурный стандарт школьного образования / отв. редактор, проф. С.В. Любичанковский. – Оренбург, 2018. – 176с.

В работе представлен цикл из восьми научно-популярных лекций, в качестве тем которых избраны «трудные вопросы» истории России, предусмотренные историко-культурным стандартом школьного образования и тематически связанные с дореволюционным периодом отечественного прошлого.

Книга предназначена для использования школьными учителями истории при подготовке к урокам, а также студентами, магистрантами и аспирантами исторического профиля подготовки.

ББК 63.3 (2 Рос) 4/5я7

© Любичанковский С. В., 2018

© авторы, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Глава 1. Образование Древнерусского государства и роль варягов в этом процессе.....	6
Глава 2. Существование древнерусской народности и восприятие наследия Древней Руси как общего фундамента истории России, Украины и Беларуси.....	26
Глава 3. Исторический выбор Александра Невского.....	39
Глава 4. Роль Ивана IV Грозного в российской истории: реформы и их цена.....	59
Глава 5. Попытки ограничения власти главы государства в период Смуты и в эпоху дворцовых переворотов, возможные причины неудач этих попыток.....	83
Глава 6. Присоединение Украины к России (причины и последствия).....	99
Глава 7. Фундаментальные особенности социального и политического строя России (крепостное право, самодержавие) в сравнении с государствами Западной Европы... ..	122
Глава 8. Причины, особенности, последствия и цена петровских преобразований.....	138
Рекомендуемая литература.....	168

Предисловие

Представленная Вашему вниманию книга для будущего учителя содержит информацию о многочисленных сюжетах отечественной истории с древнейших времен до начала XIX вв., которые не получили однозначной оценки в науке. Глубина раскрытия содержания этого периода истории России, безусловно, требует знакомства с ними в ходе изучения конкретно-исторического материала. С другой стороны, подготовка, получаемая российскими школьниками, предполагает обязательное усвоение ими дискуссионных вопросов исторической науки. Только так можно сформировать современного человека, толерантно относящегося к альтернативным точкам зрения и отличающего исторические факты от их интерпретации.

Именно такие дискуссионные вопросы и были выделены в действующем Историко-культурном стандарте школьного образования в качестве «трудных вопросов истории России». Их перечень был составлен на основе предложений учителей истории, на практике сталкивающихся с недостатком материалов и достоверной информации о ряде сложных исторических вопросов. Авторы стандарта указали, что «представляется целесообразным подготовить серию тематических модулей, методических пособий и книг для учителя, ...соотносящих наиболее распространённые точки зрения на эти события».

Реагируя на этот призыв, коллектив историков Оренбургского государственного педагогического университета – старейшего высшего учебного заведения Оренбургской области, имеющего опыт подготовки учителей истории с 1919 года, предлагает вниманию читателя книгу для будущего учителя, которую Вы держите сейчас в руках. Она представляет собой цикл из восьми научно-популярных лекций, в качестве тем которых избраны именно те самые «трудные вопросы» истории России, которые обозначены в историко-культурном стандарте – точнее говоря, первые восемь из них, связанные с до-революционным периодом нашего прошлого (остальные вопросы, касающиеся истории России XX века, будут представлены в отдельной работе).

Каждая лекция на простом и понятном литературном русском языке раскрывает тот или иной дискуссионный вопрос, показывает палитру основных подходов к его решению, имеющих место в современной исторической науке, разбирает основные аргументы историков. Авторский коллектив не претендует на то, что закрыл тему насыщения образовательного пространства страны научно обоснованными материалами для учителей, однако мы видели свою задачу в том, чтобы внести определенный вклад в этот процесс и предложить свое видение возможных путей в решение данной проблемы.

В путь, читатель!

Глава 1. ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА И РОЛЬ ВАРЯГОВ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

Вопросы генезиса и политической природы древнерусской государственности – одни из наиболее актуальных и старейших в отечественной историографии. Своими истоками они уходят в первые летописные своды, а серьезная их научная разработка ведется со второй четверти XVIII в. – начального этапа становления отечественной исторической науки.

В. Н. Татищев, А. Л. Шлецер, Н. М. Карамзин, Н. А. Полевой в первых же Рюриковичах видели монархов, государей. В середине IX века государство, по их мнению, уже существовало, уже сложилось. Его создали князья-иноземцы по своим иноземным формам. Этих форм было две – Киевская монархия и Новгородская республика. Эту точку зрения впоследствии поддерживал *М.А. Дьяконов*, отмечавший, что «элементы государства были налицо у русских славян с древнейшего исторического времени».

В трактовке *И. Ф. Г. Эверса* государство и другие общественные институты представляли продуктом длительной эволюции общества. Семья, род, племя – эти три ступени составляли патриархальное общество. Развитие происходило от более узкого союза, семьи к более широкому, роду и племени. Последнее являлось переходным звеном к государственному образованию. «Государства, которые потом начинают развиваться, – писал Эверс (второй шаг в постепенном образовании человеческого рода) – суть не что иное, как соединение отдельных родов... под властью одного общественного главы». В XX веке о том же писал *М. Н. Покровский*, утверждая, что «древнейший тип государственной власти развился непосредственно из власти отцовской. Разрастаясь естественным путем, семья могла при благоприятных обстоятельствах сохранить свое хозяйственное единство, или, по крайней мере, прежнюю военную и религиозную организацию. Так образовалось племя, члены которого были связаны общим родством, а стало быть и общей властью...».

На базе направления, заложенного Эверсом и его последователями, выросла знаменитая «государственная школа», у истоков которой стояли *С. М. Соловьев*, *К. Д. Кавелин* и *Б. Н. Чичерин*. По их мнению, политический строй Древней Руси определялся началами родового быта. Родовой строй сменился государственным не сразу – последнему предшествовала промежуточная эпоха вотчинного строя, который начал свою историю то ли с Андрея Боголюбского (*К. Д. Кавелин*), то ли с первого появления на Руси варяжских дружин (*Б. Н. Чичерин*). Форм гражданского общежития, согласно мнению Чичерина. Было две: 1) Княжеская вотчина – частная наследственная собственность князя и 2) Вольная община (Новгород, Псков), где отношения с князем строились на основе свободного договора обеих сторон.

Выход за рамки «культы монархии Киевской и республики Новгородской» был осуществлен в работах *Н. И. Костомарова*, *Ф. И. Леонтовича*, *М. Ф. Владимирского-Буданова*, и других исследователей. Древняя Русь стала рассматриваться как совокупность «волостей-земель», во главе со старшими городами. В историографию того времени прочно вошли понятия «вечевое государство», «вечевой период». По мнению *Костомарова*, этнографические и местные условия выработали в славянской среде самобытность отдельных земель и племен. Всякий член княжеского рода имел право на волость, т.е. на управление землей. Родовое единство князей ассоциировалось в сознании с единством народностей. Однако вече стояло выше князя. Вече было суверенным государем, владельцем земли, князь же – лишь его органом, господином. Князь был необходим, но он избирался, его можно было изгнать, если он не удовлетворял потребностям народа или злоупотреблял своими властью и значением. По мнению *С. А. Корфа*, государственного единства страны, о котором говорили Карамзин и его последователи, в варяжский период «никогда не существовало». Каждая «волость обладала всеми необходимыми элементами государственности; у нее была и своя определенная территория, и свой народ, и самостоятельная верховная власть, осуществляемая независимым органом вечем».

С другой стороны, *П. Б. Струве* в своей «Социальной и экономической истории России с древнейших времен до нашего времени» считал государственностью всякое проявление патриархальной власти, что позволяло ему, в частности, ввести термин «племенная государственность». «Племенные князья восточных славян были не единственными и единовластными их вождями, - считал он, - они не были монархами. ...Социально они были старейшинами, политически - начальниками племен, и этим начальникам и племенным старейшинам в неоформленных, несложившихся еще правовых бытовых очертаниях принадлежала какая-то государственная власть».

Таким образом все перечисленные выше историки так или иначе утверждали наличие зачатков государственности у восточных славян даже до появления в их землях Рюрика с братьями. Государственность постепенно вырастала из отцовской власти (князь), либо из общинных и племенных структур (вече).

На противоположных позициях стоял *Н. А. Рожков*, утверждавший, что в начале IX в у восточных славян государства даже самого примитивного не существовало, потому что племя - союз кровный по существу своему, и власть в племенном союзе имеет кровную основу, а государство есть некровнородственный союз. Согласно его мнению, государство «в конце концов образовалось путем завоеваний, сделанных Рюриком и особенно Олегом, а успех этих завоеваний был обусловлен, во-первых, потребностью в установлении внутреннего порядка и, во-вторых, необходимостью защититься от иноземного владычества и вражеских нападений. Племенные князья отчасти были уничтожены, отчасти подчинены варяжским князьям. Власть варяжских князей вытекала уже не из кровного родства, а из завоевания. Поэтому варяжское княжество и может быть признано государством».

Одним из виднейших историков XX века, также стоявших на позициях отрицания существования внутренних предпосылок для образования государства в Древней Руси до пришествия варягов, был *П. Н. Миллюков*, избравший отправной точкой методики своего исследования «историческое следствие», т.е. оче-

видную для него отсталость принципов государственности России по сравнению с западноевропейскими. «Дело в том, - писал П.Н. Милюков в своих «Очерках по истории русской культуры», - что у нас государство имело огромное влияние на общественную организацию, тогда как на Западе общественная организация обусловила государственный строй. Европейское общество строилось, так сказать, изнутри, органически, от низших этажей к высшим. [...] У нас исторический процесс шел как раз обратным порядком - сверху вниз». «Торговые интересы привели иностранных промышленников и авантюристов на речные пути внутренней России, положив, таким образом, начало русской государственности», - писал он.

Советская историография выработала несколько точек зрения на генезис и природу восточнославянской государственности. Наибольшее распространение получило мнение, согласно которому Древнерусское государство, являясь продуктом классового общества, сформировалось в форме раннефеодальной монархии, а в XII в. распалось на независимые или полунезависимые княжества. Таким образом, советские историки на ином методологическом уровне вернулись к старой «татищевско-карамзинской» схеме «монархии Киевской и республики Новгородской».

В определенном смысле классическими для советского периода российской историографии Древней Руси явились труды *Б.Д. Грекова*, взявшего на себя задачу показать наличие как классового, так и сословного деления древнерусского общества и существование социально-экономических предпосылок для образования Древнерусского государства. Греков пришел к выводу, что «в IX в. мы имели уже право говорить о классах, в X в. эти классы делаются нам известны с достаточной ясностью, об XI-XII вв. нужно сказать то же, но с гораздо большей конкретностью. Этим самым мною показаны основания, по которым мы имеем право говорить и о возникновении государства». Древняя Русь рассматривалась Грековым как единое государство с сильной княжеской властью.

Другие историки по-прежнему видели Киевскую Русь «непрочным», «эфемерным», «лоскутным» объединением с примитивными отношениями «вассалитета без ленов». Многие из них вели речь о дофеодальном характере восточнославянского государства на ранних этапах его развития. *С.В. Бахрушин* считал, что признаков единого, прочного государства на Руси не было до последней четверти X в. По его мнению, «говорить о прочной государственной организации в эту эпоху еще трудно. Нет даже государственной территории в полном смысле этого слова. Покоренные племена отпадают при первой возможности, и приходится их покорять сызнова». Только с конца X столетия начинает складываться государство как целостная организация, но и тогда «нельзя еще говорить об окончательно сложившемся государстве». В еще более категоричном варианте высказывали свое мнение *В. А. Пархоменко, Н. Л. Рубинштейн, К. В. Базилевич*, утверждавшие, что до середины XI в. нет никакой возможности говорить об объединении Владимиром и Ярославом восточнославянских племен в одну великую державу, а с XI в. начинается период феодальной раздробленности. Соответственно понятие «Киевское государство» не имеет под собой никакого основания.

Со значительными оговорками государственность восточных славян признавал *И. Я. Фроянов*. По его мнению, признаками, указывающими на завершение процесса политогенеза, являются «1) размещение населения по территориальному принципу, а не на основе кровных уз, как это было при старой родовой организации; 2) наличие публичной власти, отделенной от основной массы народа; 3) взимание налогов для содержания публичной власти». Формирование всех этих компонентов завершается в конце X – начале XI вв., хотя классовая структура у восточных славян к этому времени так и не сформировалась.

В начале 1990-х гг. отход от признания классовой обусловленности образования Древнерусского государства стал массовым. Изменились подходы к пониманию характера ранней государственности, трактовке сущности и этапов политогенеза. Русь X в. все больше виделась историкам доклассовым образованием, разновидностью «варварского» государства, предгосударственным обра-

зованием более близким к суперсоюзам племен, чем к государству. Например, *А. П. Новосельцев*, охарактеризовал Русь этого времени, как «типичное варварское государство», представлявшее по форме «федерацию княжеств, возглавляемую Великим князем Киевским». Отмечая внутреннюю противоречивость концепции *И. Я. Фроянова* о доклассовом, потестарном государстве, *И. Н. Данилевский*, в целом, принимал многие выводы петербургского исследователя, в том числе: 1) в Киевской Руси не удастся найти классовых структур; 2) правом на принуждение в Киевской Руси обладали князь, дружина и городское вече.

Еще в 1980-е гг. московский историк *А. А. Горский* выдвинул положение, согласно которому именно дружина являлась корпорацией (возглавляемой князем), объединявшей всю светскую часть господствующего класса. На этой основе им была оформлена концепция существования на Руси примерно до второй половины XII в. «дружинного государства». Дружина, совпадающая по сути с государственным аппаратом, играла ведущую роль в обществе, являлась корпоративным верховным собственником земли, осуществлявшим корпоративную эксплуатацию населения, посредством полюдья. О том же писала и *Е. А. Мельникова*. По ее мнению, «переход от родового к классовому (феодалному) обществу в Восточной и Северной Европе ... осуществлялся через несколько последующих типов социально-политических систем: вождийство, являющееся еще догосударственным образованием, дружинное государство, в котором потестарные структуры представлены военной организацией, и раннефеодалное государство». Основной особенностью политической системы «дружинного государства», согласно Мельниковой, является то, что его функции выполняются главным образом дружиной, или аналогичной ей организацией.

Однако следует помнить, что еще в XIX веке *И. Е. Забелин* отрицал пригодность дружинного элемента для развития государственности. По его словам, «впоследствии, когда ход истории потребовал так или иначе создать государство, в Южной Руси не нашлось основания, в ней не оказалось народа, т.е. той промышленной по преимуществу городской простонародной среды, без которой, как дом без четырех углов, государство не ставится». Государственность,

по мнению Забелина, окрепла на Северо-Востоке Руси, где основу жизни дала не бродячая дружина, а оседлый посад.

Ряд исследователей в поиске новых методологических ориентиров обратился к идеям представителей западной политантропологии. Речь идет, прежде всего, о теории вожества, получившей широкое признание на Западе. С конца 1970-х гг. эти идеи стали распространяться в советской историографии, но особое развитие получили в постсоветской науке. По мнению петербургского историка *А. Ю. Дворниченко*, путь от антов и склавен к восточным славянам в плане общественного развития было движением от военной демократии к вожеству, которое определяется как промежуточная форма социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей теократического характера и знати, где существует социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легального репрессивного и принудительного аппарата. При Олеге черты вожества обозначились уже довольно четко: княжеская власть была устроена по иерархическому принципу, власть и должности сохранялись в рамках одной родственной группы, возник принцип наследования власти вождя в его главной линии, ярко проявлялись военно-организационные функции вожества. Ко временам Владимира вожество на Руси сформировалось окончательно. Именно в это время в наибольшей степени проявили себя его сакральные, теократические функции. Аппарат управления усложнился: князя окружала дружина, верхушку которой составляли бояре, по-прежнему значительную роль играли старейшины («старцы градские»). Структура киевского общества (свободные и рабы) также соответствовала представлениям о вожестве. Именно в это время развиваются основные формы редистрибуции – княжеские пиры и дарения.

Интересную концепцию предложил американский ученый *Р. Пайнс*. Согласно его концепции, «Варяжское государство» в России являлось, скорее, торговой компанией по типу Ост-Индской компании или Компании Гудзонова залива, созданных для получения прибыли, но вынужденных из-за отсутствия какой-либо администрации в районах своей деятельности сделаться как бы сур-

рогатом государственной власти. Великий князь был прежде всего купцом, и княжество его являлось по сути дела коммерческим предприятием, составленным из слабо связанных между собой городов, гарнизоны которых собирали дань и поддерживали – несколько грубоватым способом – общественный порядок. Князья были вполне независимы друг от друга. Вместе со своими дружинами варяжские правители Руси составляли обособленную касту. Они жили в стороне от остального населения, судили своих по особым законам и предпочитали, чтоб их останки хоронили в отдельных могилах. [...] В пору расцвета киевской государственности властью пользовались в духе средневекового торгового предприятия, не стесненного ни законом, ни народной волей».

Опираясь на положения К. Маркса, «империю Рюриковичей» белорусский исследователь *Н. И. Ермалович* считал «искусственным и потому недолговечным военно-административным объединением», не имевшим общей экономической базы, в которое «наспех и вопреки их воли и интересам включались племенные земли».

Таким образом, в настоящий момент историки довольно критически относятся к идее возникновения Древнерусского государства в IX веке. Основные признаки государственной власти – территория, законодательство, налоговая система, аппарат управления – сложились у восточных славян не ранее конца X – середины XI вв. Таким образом, процесс складывания государственности растягивается на несколько столетий.

Другим спорным вопросом являются предпосылки складывания государственности у восточных славян.

Традиционно утверждается, что к IX веку в сообществах восточных славян, расселившихся по территории от Балтийского моря до Черного и от Вислы до притоков Оки, уже сформировался ряд явлений, способствующих формированию государственных отношений. К таковым можно отнести:

1. Успехи в развитии экономики. Улучшение орудий труда (переход от деревянных и костяных орудий к орудиям с металлическими наконечниками) позволили значительно улучшить качество обработки почвы. Это, в свою

очередь, привело к появлению излишков производства, которые можно было использовать для содержания дружины и аппарата управления.

2. Начало активной эксплуатации пути «Из варяг в греки» в X веке. Киев и Новгород – два центра будущей древнерусской государственности – стояли на конечных точках этой крупнейшей транспортной артерии, соединявшей скандинавские страны с Византией. Для повышения эффективности этого торгового пути и контроля рынка сбыта потребовалось собрать все племена, жившие вдоль него (ильменских словен, кривичей, древлян, северян, полян) под единой властью.
3. Имущественная и социальная дифференциация общества. Развитие хозяйства восточных славян потребовало их расселения на значительной территории. В ходе колонизации новых земель разрывались родовые связи, на смену родовым общинам приходили общины территориальные. В условиях, когда теперь на одной территории проживали не родственники, но соседи, потребовалось выделить собственность отдельных семейств (скот, орудия труда, домашняя утварь, конечный продукт). Выделение семейной собственности вызвало разделение общества вначале по имущественному, а затем и по социальному признаку.
4. Наличие военной опасности (повышение роли князей и дружины). Дружина, которая формировалась по принципу личных заслуг, своим существованием уже разлагала родовые отношения, строившиеся по формуле «где родился, там и содился». Дружина располагала оружием, что давало ей преимущество в решении спорных вопросов. Дружина находилась рядом с князем и наделялась частью военной добычи, что ставило дружинников гораздо выше остальных сородичей как в плане финансовой состоятельности, так и в смысле социального статуса. Дружина и князья были связаны не только отношениями военной службы, но и другими интересами. Первые обеспечивали авторитетность вторых, вторые – состоятельность первых. В условиях непрерывных войн, которые с VI века славяне вели на южном и юго-восточном направлениях, роль дружины и князей становилась все бо-

лее важной для благополучия всего общества, а роль старейшин постепенно отходила на второй план.

Наличие перечисленных предпосылок, действительно, может служить основанием для утверждения о постепенном вызревании предпосылок государственности у восточных славян. В то же время. По мнению ряда ученых, территория, на которой в дальнейшем будет создано Древнерусское государство, была неблагоприятна для того, чтобы здесь сформировалось крупное государственное образование.

Геополитические условия складывания древнерусской государственности включали в себя обилие рек; различия в природно-климатических условиях земель; равнинный характер территории; отсутствие естественных границ; протяженную границу со Степью. Наличие большого количества крупных и малых рек разбивали территорию расселения восточных славян на мелкие островки, затерянные в огромных лесных массивах. Широкие и бурные реки, густые леса препятствовали налаживанию контактов между различными племенами, создавали локальные общности, иногда даже не подозревающие о наличии «соседей». Идея единства племен вряд ли могла вообще появиться в таких условиях.

Различия в природно-климатических условиях – лесистый север и степной юг, плодородные земли и болота – также не способствовали складыванию общих интересов. Люди, жившие в разных условиях. Вели различный образ жизни, находились на разном уровне цивилизационного развития. Собрать их воедино в рамках большого государства представлялось большой проблемой.

Равнинная территория будущего государства, отсутствие естественных границ и протяженная граница со Степью являлись, скорее, неблагоприятными для формирования государства обстоятельствами. Нападения степных кочевников значительно тормозили процесс общественного развития, заставляли население приграничных районов сосредотачиваться на решении преимущественно военных задач, негативно влияли на экономику, сокращая до минимума получаемый прибавочный продукт.

В таких условиях население, скорее, объединялось бы в небольшие раннегосударственные образования, вбирающие в себя племена, имеющие схожий образ жизни и аналогичные условия существования. Таким образом, если бы Древнерусское государство формировалось эволюционным путем, то на территории Восточной Европы мы бы имели несколько небольших государственных образований, аналогичных тем, что сложились в центре Европы - Великоморавское княжество, Чешское, Древнепольское королевства и др. Тогда что же послужило причиной слияния множества раннегосударственных образований восточных славян – племенных союзов и суперсоюзов – в одно общее государство? Одной из попыток ответа на данный вопрос стала Норманская теория.

Норманская теория – это направление в историографии, сторонники которого считают норманнов (варягов) основателями государства в Древней Руси – (определение *А.М. Сахарова*, см. «Советская историческая энциклопедия»). Главный письменный источник, на котором основывается эта теория – «Повесть временных лет». Ее автор Нестор пишет о призвании в 862 г. в Новгород на княжение «варяга из русов» Рюрика, который положил начало княжеской династии в Древней Руси. В новгородском летописании в конце XV в. появляется новая версия призвания варягов, согласно которой варяжский князь Рюрик был призван в Новгород по совету тамошнего старейшины Гостомысла (предшественника выборных правителей Новгорода – посадников), как позже, в республиканские времена, новгородцы призывали князей-военачальников. По-видимому, в это время новгородцы пытаются по-своему истолковать исторические события, чтобы использовать их в борьбе против московских князей, угрожавших самобытности купеческой торговой республики.

Основные аргументы норманизма, которые до сих пор используются для доказательства истинности этой теории, сформулировал *И. Г. Байер*. «Я утверждаю, - говорил Байер, - что Варяги Русских писателей были благородные люди из Скандинавии и Дании, союзники на войне и наемные воины Русских, спутники князей, стражи границ, употребляемые и в делах гражданских». Кое-что к этому добавил последователь Байера *Г. Ф. Миллер*. В 1749 г. Миллер в ка-

честве речи для прочтения на публичном собрании Академии наук подготовил диссертацию «О происхождении имени и народа российского». С обсуждения этой диссертации и началась полемика норманистов с антинорманистами. Миллер придал особое значение финскому названию Швеции «Руотси» (эстонское «Роотси»), считая, что от этого понятия и произошло собственно название «Русь». Миллер также обратил внимание на упоминания Руси в «Хронике» датского хрониста начала XIII века Саксона Грамматика, который располагал Русь на восточном берегу Балтики. Миллер сделал заключение, что и эта «Русь» была чем-то вроде шведской провинции.

А. Шлецер последним из немецких историков приехал в Россию. Он определял местом жительства варягов Швецию и считал, что славянские племена, вошедшие в состав «основанного Рюриком Новгородского государства», были полудикими и малочисленными. «Конечно, люди тут были, - рассуждал Шлецер – Бог знает, с которых пор и откуда, но люди, без правления жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса... [...] Князья новгородские и государи киевские до Рюрика принадлежат к бредням исландских старух, а не к настоящей русской истории; на всем севере русском до половины IX века не было ни одного настоящего города. Дикие, грубые, рассеянные славяне начали делаться общественными людьми только благодаря посредству германцев, которым назначено было судьбою разсеять в северо-западном и северо-восточном мирах первые семена цивилизации. Придя к выводу о скандинавском корне в названии Русского государства, немецкие профессора в итоге заявили, что и само это государство было создано выходцами с запада. Таким образом были связаны два элемента, которые в действительности не были взаимообусловлены (название государства и его происхождение). Эти выводы были положены в основу новой теории, вызывающей массу споров и по настоящее время.

Сторонниками этой теории стали *М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, скептики (М. Т. Каченовский, Н. В. Станкевич), М. П. Погодин, С. М. Соловьев, славянофилы*. По словам *Н. М. Карамзина*, «начало российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай: славяне

добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют государей от варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи); в России оно утвердилось с общего согласия граждан...». «Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество, и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летоисчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению монархической власти».

Об уникальности складывания древнерусской государственности писал и *М. П. Погодин*: «Наш государь был званым мирным гостем, желанным защитником, а не ненавистным правителем, как на Западе». Славянофилы *К. С. Аксаков* и *И. В. Киреевский* вслед за Карамзиным и Погодиным утверждали, что западные государства образовались путем завоеваний, а Древнерусское государство – за счет добровольного призвания. По мнению *Н.Я. Данилевского*, варяги не могли покорить славян, т.к. были крайне малочисленны, но они сыграли совершенно определенную роль: «варяги послужили только закваскою, дрожжами, пробудившими государственное движение в массе славян, живших еще одною этнографической, племенной жизнью ...». *С. М. Соловьев* посвятил «варягам» лишь несколько абзацев, отметив, что с «утверждения Рюрика князем среди северных племен славянских и финских начинается русская история, потому что этим положено основание русскому государству».

Своеобразный итог норманистским исследованиям XIX века подвел *М. К. Любавский*. По его словам, «вопрос о варягах можно считать решенным в смысле учения норманской школы, и едва ли уже можно видеть в них западно-славянское племя вагров, как хотел Ломоносов и его последователи. Труднее для решения вопрос о том, что такое была Русь, хотя в этом вопросе больше шансов истины за норманнскою школою, чем за славянскою». Таким образом, приверженцы норманнской теории являлись приверженцами следующих мнений: 1) славяне к IX веку находились на более низкой ступени развития, нежели варяги; 2) варяги-русы были выходцами из Скандинавии, вероятнее всего –

шведами; 3) Древнерусское государство было создано иноземцами и поэтому получило «их» название.

Аргументом в защиту этих взглядов служил, во-первых, текст «Повести временных лет», в котором прямо говорилось о призвании варягов-руси и о том, что «от тех варяг прозвася Русская земля». Свой вклад вносили и данные археологии (Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко), согласно которым норманы в IX в. составляли 13-50 % жителей Старой Ладogi и других древних северных городов. Железным аргументом являлось и наличие варяжской династии Рюриковичей, считавшей Русь своим родовым владением.

Первым против норманизма выступил *М.В. Ломоносов*. Он заявлял, что и до прихода варягов славяне были вполне цивилизованными. Именно Ломоносову принадлежит версия, согласно которой русь была славянским племенем, жившим на юго-восточных берегах Балтийского моря и ведущим свое начало от роксоланов, живущих между Доном и Днепром. При обсуждении в 1749–1750 гг. речи Миллера Ломоносов, указав на тенденциозность отбора им источников (только иностранные, причем они произвольно объявляются либо достоверными, либо недостоверными), на незнание русского языка и русских памятников, констатировал, что Миллер стремится «покрыть истину мраком», что многое в «дурной» и «вздорной» диссертации, служа «только к славе скандинавцев или шведов... к изъяснению нашей истории почти ничего не служит...».

Уже в 40-е годы XVIII века З. Байеру возражал *В.Н. Татищев*. Татищеву довелось побывать в Финляндии, где в районе города Або был топоним «Русская гора», и он заключал отсюда, что русы - это именно финны, которых он, как и все угро-финские народы, считал потомками сарматов. У Татищева получалось, что не русы завоевали славян, а славяне покорили русов и усвоили их этническое имя. Начало же династии Рюрика Татищев принимал в трактовке «Иоакимовской летописи», где князь Рюрик — это внук (по матери) новгородского князя Гостомысла, пришедшего из той же «Вандалии».

В работе «О происхождении русского государства» (СПб., 1825) против норманской теории Шлёцера выступил *Г. Эверс*, утверждая, во-первых, что

русь имеет южное (вероятнее всего хазарское) происхождение, а во-вторых, что государственность у славян существовала до призвания варягов. Потребность объединения княжеств для решения внутренних и внешних проблем и невозможность осуществить ее в силу раздоров между ними в борьбе за главенство, привело к решению передать управление чужеземцу, «от коего наименее можно было ожидать пристрастия». Был призван Рюрик. «Русское государство при Ильмене озере образовалось и словом и делом до Рюрикова единовластия... Призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело». Поэтому, делал вывод ученый, «рюриково единодержавие было неважно и не заслуживает того, чтобы начинать с оногo Русскую Историю».

30-60-е годы XIX столетия были особенно богаты публикациями по теме варягов и руси, из-за распространившейся в эти годы в Германии идеологии «пангерманизма», сторонники которой объявили славян «неисторическим» народом, «неспособным» к созданию самостоятельного государства. В 1870-х гг. с критикой норманизма выступил *С. А. Гедеонов*. Следов норманнского влияния на Руси не найти, - считал исследователь. Никакие доводы не могут, по его мнению, устоять против засвидетельствованного Нестором «существования на Руси до варягов наследственных князей и княжеских родов». «Как на западе, так и у нас, основанное на патриархальном начале господство княжеских родов должно было непременно вести к усобицам княжеским». Из этой ситуации «новгородская держава могла выйти только передачею княжеских прав в новую династию», что и послужило причиной призвания варягов. Эта новая династия должна была быть одной из «старших», должна была судить «по праву» (т.е. по славянским законам). В результате новая династия была найдена среди вендских (балтийских) славян.

В целом в 70-е годы XIX века произошел явный перевес в сторону анти-норманистов. Явное поражение норманизма в России привело к перенесению пропаганды его за ее пределы. С конца XIX века интерес к теме начала Руси заметно ослабел. Общественный интерес сдвигался ближе к современности, чему способствовало обострение социальных противоречий.

В.О. Ключевский варяжскую проблему называл «патологией общественного сознания» и писал, что он «совсем не против вопроса о происхождении имени Русь и первых русских князей, совсем не против пользы исследований подобных вопросов, а только против того положения, что в этом вопросе ключ к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни». Историк писал, что охрана торговых путей и купцов заставила славян ввести государство и консолидировать русские земли. Торговля по Днепру, первоначально организованная греческими колониями, постепенно втянула в себя и славянские племена. Вдоль пути из Варяг в Греки возникли крупные города – Новгород, Полоцк, Смоленск, Чернигов, Киев. Важное значение приобрела задача охраны торговли. Города стали укрепляться, в них появился новый элемент – дружина, в которую вошли и заморские варяги. Окрестности подчинялись тому городу, который служил им торговым средоточием, или добровольно, или силой. Особое значение приобрел Киев – «главные ворота русской торговли». Именно здесь вооруженный элемент сосредоточился в наибольшем числе. Племена, жившие вдоль Днепра, охотно признали над собой киевскую власть. Племена же, лежавшие в стороне от торгового пути, оказали небольшое сопротивление. С конца X в. племенной антагонизм стал стихать. Варяги мирно уживались с туземцами. Племенные интересы уступили место областным.

«Но это Русское государство еще не было государством русского народа, потому что еще не существовало самого этого народа... Главной механической связью частей населения Русской земли была княжеская администрация с ее посадниками, данями и пошлинами. Во главе этой администрации стоял великий князь киевский. ...Он вышел из среды тех варяжских викингов, вождей военно-промышленных компаний, которые стали появляться на Руси в IX в.; это был первоначально наемный вооруженный сторож Руси и ее торговли, ее степных торговых путей и заморских рынков ...».

В 20-е годы XX века проблема начала Руси была отодвинута как бы на обочину. Официальной идеологией в СССР становится «интернационализм» и идея «мировой революции», а главным врагом был объявлен «великодержав-

ный шовинизм». Именно норманизм, как обоснование «интернационализма» занял в 20-е годы главенствующее положение. Научная элита СССР на рубеже 1920-1930-х гг. подытожила сделанные ее предшественниками выводы, объявив норманизм единственно правильным учением. В 1928 г. Академик *А. Е. Пресняков* сказал, что «норманическая теория происхождения Русского государства вошла прочно в инвентарь научной русской истории». Через два года другой советский академик *Ю. В. Готье* еще более усилил этот тезис своим категорическим утверждением, что «варяжский вопрос решен в пользу норманов», и что антинорманизм «принадлежит прошлому».

В 30-е годы на первый план вновь вышли факторы идеологические. Приход к власти нацистов во главе с Гитлером сопровождался не столько антикоммунистической риторикой, сколько антиславянской и русофобской. Норманская концепция стала основным аргументом в пользу того, что славяне и, в частности, русские, как неполноценные в расовом отношении, не в состоянии самостоятельно создать государства и управлять им. Не случайно в СССР начался постепенный возврат к внимательному изучению отечественной истории, а норманизм по существу стал отождествляться теперь с пропагандой нацистской идеологии.

По мнению *Б. Д. Грекова*, «под норманизмом мы понимаем «теорию», «доказывающую» неполноценность русского народа, его неспособность создать свою культуру и государственность, утверждающую за варягами-норманнами роль основателей русского государства и творцов русской культуры». Историками школы Грекова формирование Древнерусского государства рассматривалось как результат многовекового процесса социально-экономического развития восточнославянского общества. В книге *В. В. Мавродина* констатировалось, что варяги «были составным, и далеко не главным, элементом тех классово-господствующих сил древнерусского общества, которые складывали и создавали русское государство. Они были, так сказать, «одними из», а не единственными».

Завершенную форму антинорманистские построения получили в работах *Б. А. Рыбакова*, который писал: «Историческая роль варягов на Руси была ничтожна. Появившиеся как «находники», пришельцы, привлеченные блеском богатой, уже далеко прославившейся Киевской Руси, они отдельными наездами грабили северные окраины, но к сердцу Руси смогли пробраться только однажды. О культурной роли варягов нечего и говорить. Договор 911 г., заключенный от имени Олега и содержащий около десятка скандинавских имен олеговых бояр, написан не на шведском, а на славянском языке. Никакого отношения к созданию государства, к строительству городов, к прокладыванию торговых путей варяги не имели. Ни ускорить, ни существенно задержать исторический процесс на Руси они не могли».

Последовательным антинорманистом являлся *А. Г. Кузьмин*, утверждавший, что «современные доказательства в пользу норманизма находятся на уровне XVIII - начала XIX вв., и ничего нового норманисты конца XX века в науку не привнесли». По его мнению, в VI – начале VII вв. у «славян складывалась *земская власть*, то, что потом в отечественной историографии получит образное именование «*Земля*». Нужно признать, что земская власть была исторически возникшей и наиболее экономически целесообразной формой организации для славян. Следовательно, правы те ученые, кто считает, что государственность на Руси сложилась ранее вокняжения каких-либо династий». «Но экономически целесообразная и естественная государственная земская власть не могла простирается на обширные территории, не могла решить проблему объединения необозримых пространств восточнославянских земель. Соединить земли восточнославянских племенных союзов могла только внешняя сила, внешняя власть. Таким племенем-объединителем в IX-X вв. оказались «русы» или, как их называют некоторые древние источники «род русский», который, видимо, соединил в себе выходцев из Подонья, Приднепровья, Придунавья и Прибалтики».

Аргументация антинорманистов, базировалась на следующих положениях:

1) племенные княжения у восточных славян существовали и до призвания варя-

гов; 2) Рюриковичи опирались на местную родоплеменную знать, наличие которой свидетельствовало о разложении родоплеменных отношений и переходе к отношениям раннегосударственным; 3) варяги, если они даже и не были южнобалтийскими славянами, быстро ассимилировались в славянской среде, о чем говорит абсолютно славянское имя сына князя Игоря - Святослав; 4) в других районах своих действий варяги не создали государств.

Формирование нового подхода к варяжской проблеме в отечественной науке связано с именем *В. Т. Паиуто*. По его словам, «Источники свидетельствуют о деятельности норманских выходцев на Руси сперва (до X в.) как о неудачливых враждебных «находниках». Затем в качестве наемников-князей, воинов, купцов, дипломатов они сыграли некоторую роль в строительстве славянской знатью огромного и многоязычного Древнерусского государства». Ученый признал объединение Руси под властью князей варяжской династии, но указал, что уже до этого момента Русь представляла собой конфедерацию 14 княжений, выросших на землях бывших племен. Варяги не принесли на Русь своей княжеской власти, не разделили общество на правящих и управляемых. Варяжские князья правили от имени давших им власть древнерусских мужей, а варяжские дружины были лишь одним из слагаемых рати, в которой преобладали славянские воины.

Е. А. Мельникова и *В. Я. Петрухин* являются сегодня ведущими специалистами в обосновании «скандинавского» происхождения варягов. С другой стороны, в публикациях *Лидии Грот* утверждается, что из ранней истории Восточной Европы «выпала» история народа варинов – древнего народа на южнобалтийском побережье, обладавшего развитыми традициями градостроительства, мореходства и торговли, а также, вероятно, прокладывавшего новые пути на север Западной Европы из Балтии вдоль западного побережья Скандинавского полуострова». Именно этих варинов исследовательница и считает летописными варягами.

А. А. Горский утверждает, что Киевская Русь формировалась тождественно государствам других европейских народов. Раньше, чем Русь, сложились госу-

дарства в Моравии и Хорватии, что было обусловлено их близостью к франкскому и византийскому государствам. Наиболее синхронно с Русью возникли государства в Чехии и Польше. Поэтому нет оснований утверждать, что влияние норманнов ускорило процесс формирования государственности у восточных славян. Однако, норманны объединили всех восточных славян в единое государство. Без активного вмешательства норманнских дружин, вдоль пути «из варяг в греки» продолжали бы существовать отдельные государственные образования восточнославянских племен полян, древлян, словен и т.д.

Таким образом, варягов нельзя назвать создателями Древней Руси, но вполне можно говорить об объединительной роли, которую варяги сыграли в древнерусской истории.

.

Глава 2. СУЩЕСТВОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ И ВОСПРИЯТИЕ НАСЛЕДИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ КАК ОБЩЕГО ФУНДАМЕНТА ИСТОРИИ РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ

В советское время (а точнее, после 1945 года) в нашей науке утвердилось мнение о том, что в Древней Руси сформировался этнос, который историки называли древнерусской народностью. Сформировался он в результате слияния всех 12 восточнославянских племенных союзов – словен (ильменских), кривичей (включая полочан), вятичей, радимичей, дреговичей, северян, полян, древлян, волынян, тиверцев, уличей и белых хорватов. Сформировался – и стал общим предком трёх современных восточнославянских этносов – русских, украинцев и белорусов.

Складыванию единого восточнославянского этноса способствовали:

- языковое единство тогдашних восточных славян (формирование единого, общерусского разговорного языка и единого же литературного языка, именуемого в науке древнерусским);
- единство материальной культуры;
- единство традиций, обычаев, духовной культуры;
- достигнутое в конце IX – X веке политическое единство (объединение всех восточнославянских союзов племен в границах Древнерусского государства);
- появление в конце X века единой религии – христианства в форме православия;
- наличие торговых связей между различными областями.

Всё это привело к формированию у восточных славян единого общерусского этнического самосознания. На складывание такого самосознания указывают:

- постепенная замена племенных этнонимов общим этнонимом «русь» (для полян факт этой замены зафиксирован в летописи под 1043 годом, для словен (ильменских) – под 1061 годом);

– наличие в XII – начале XIII века единого (русского) этнического самосознания у князей, бояр, духовенства и горожан. Так, черниговский игумен Даниил, приехавший в 1106 году в Палестину, позиционирует себя как представителя не черниговцев, а «всей Русской земли». На княжеском съезде 1167 года князья – главы суверенных государств, образовавшихся после распада Древнерусского государства, провозглашают своей целью защитить «всю Русскую землю». Новгородский летописец при описании событий 1234 года исходит из того, что Новгород – это часть «Русской земли».

Однако против приведённых выше тезисов сегодня находится много возражений, которые имеют еще давние корни.

Чрезвычайно резонансной в XIX в. оказалась концепция *М. П. Погодина*, согласно которой единственным правопреемником киеворусского прошлого объявлялся русский народ, якобы ушедший из Среднего Поднепровья под давлением монголо-татар на северо-восток и уступивший, таким образом, эти земли новым насельникам украинцам. Не остались в долгу и украинские историки, так, *М.С. Грушевский* еще в начале XX в. отстаивал тезис об обособленности славянского населения на территории нынешней Украины, начиная с середины I тыс. н. э., он постулировал концепцию неразрывного этнокультурного развития в регионе, которое, по его мнению, в конечном итоге привело к формированию особого этноса, отличного от других восточных славян. Согласно концепции *М.С. Грушевского* Русь рассматривалась как форма украинской государственности, то есть как «Украина-Русь». Опираясь на данное историографическое допущение, *М.С. Грушевский*, с одной стороны, провозглашал этногенетическое различие украинского и русского народов и принципиальное расхождение векторов их развития, а с другой стороны, постулировал государственную преемственность украинцев как гегемона в отношении Киевской Руси.

В историографии советского периода, несмотря на существование определенных различий во взглядах на этническую историю времен Киевской Руси, в целом определилась единая концепция общности происхождения ныне существующих восточнославянских народов. Ни украинцев, ни русских, ни белорус-

сов тогда еще не было, а была древнерусская народность, на базе которой во второй половине XIII–XIV вв. происходило формирование трех родственных народов.

Сегодня политические разногласия породили ряд сторонников концепции *М.С. Грушевского*. Этот взгляд стал доминирующим в историографии украинской диаспоры. Сегодня идеи диаспорной историографии стали чуть ли не официальной доктриной этногенетических конструкций в Украине. Теперь уже крамольным считается утверждать существование единой древнерусской народности. Учебники по истории Украины наполнились дефинициями «Украина-Русь», «украинские князья», «украинская земля», а содержание понятия «Киевская Русь» сузилось до территориальных пределов современной Украины. И это при том, что территория Черниговского княжества простиралась практически до Подмосковья, а составной частью Переяславского вплоть до середины XII в. была Ростово-Суздальская земля. Междукняжеская борьба даже в академических (чаще, правда, в университетских) исследованиях излагается как межэтнические и межземельные столкновения. Тем самым в сознание учащейся молодежи внедряется ложная мысль не только о различии украинцев, русских и белоруссов уже в киеворусское время, но и об их этническом антагонизме.

Чтобы лучше разобраться в понятии древнерусская народность и каковы истоки ее формирования следует обратиться к истории происхождения славян.

Славяне впервые упоминаются в исторических произведениях начала нашей эры. В сочинениях римских авторов славяне именуются венетами/венетами. Во второй половине I тыс. н. э. славяне расселились на широких пространствах Европы – от побережья Балтийского моря на севере до Пелопоннеса на юге и от Эльбы на западе до среднего течения Волги на востоке. По данным готского историка Иордана и ряда византийских авторов VI в., собственно славяне («склавины» в греческой и латинской огласовке) известны от Нижнего Дуная до Вислы, а родственные им и близкие по культуре анты — от Днестра до Днепра или Дона. Многие византийские источники VI–VIII вв. сообщают о набегах славян на Византию, их расселение на Балканах. Германские

раннесредневековые хроники фиксируют славян на территориях к востоку от Эльбы. Таким образом, оказывается, что занимаемые во второй половине I тыс. н.э. славянами земли простирались от Балтийского моря до Балкан и от Днепра до верхнего Дуная и Одера.

В «Повести временных лет» (начало XII в.) Нестор начинает историю славян с Вавилонского столпотворения, расчленившего человечество на 72 народа и вызвавшего расселение их в разных направлениях. Среди этих народов были и славяне. Первоначально они поселились на Дунае, «где есть ныне Угорьска земля и Болгарска. И от техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имени своими, где седше на котором месте». Этот рассказ о расселении всех славян с Дуная стал основой так называемой дунайской (или балканской) теории их происхождения, излагавшейся во многих средневековых хрониках и сочинениях и остававшейся популярной вплоть до середины XX столетия, когда она была опровергнута чешским славистом *Л. Нидерле*. Согласно *Нидерле*, область славянского расселения в начале нашей эры на востоке достигала верховьев Днепра и отдельных районов бассейна Дона, на севере подходила к Нареву и левым притокам Припяти, на западе – к Эльбе.

Оригинальная теория славянского этногенеза принадлежит *А.А. Шахматову*: в I тысячелетии до н. э. в результате распада балто-славянского единства образовались славяне и балты. Славяне, по *А. А. Шахматову*, жили в низовьях Западной Двины и Немана, а во II в. н. э. они продвинулись на запад, на территорию современной Польши, и оттуда уже позднее расселились в те области Европы, где они известны по средневековым источникам.

Польские исследователи, а вслед за ними и ряд советских российских ученых, полагали, что прародина славян находилась в междуречье Вислы и Одера. С ранними славянами связывали лужицкую культуру, распространенную в период поздней бронзы и раннего железа в бассейнах Одера и Вислы и в верховьях Эльбы. *М. И. Артамонов* полагал, что ранними славянами оставлены лужицкая, поморская и пшеворская культуры, однако территория славян ими не исчерпывалась, а с глубокой древности распространялась на восток вплоть до

Поднепровья. Невры, гелоны и будины Геродота, по *М. И. Артамонову*, были славянами. Позднее славянскими в Поднепровье были зарубинецкая и черняховская культуры. В настоящее время эти этногенетические построения пересмотрены, поскольку большинство археологических культур Восточной Европы раннего железного века имели очевидно смешанный полиэтнический характер.

Б. А. Рыбаков начинает праславянский период с XV в. до н. э. и намечает пять этапов его эволюции: 1) тшинецко-комаровская культура (XV—XII в. до н. э.); 2) лужицко-скифский этап (XI— III вв. до н. э.); 3) пшеворская и зарубинецкая культуры (II в. до н. э.— II в. н. э.); 4) пшеворская и черняховская культуры (II—IV вв. н. э.) 5) пражская культура (V—VII вв. н. э.).

Вторая половина XX – начало XXI в. отмечены работами по славянскому этногенезу и ранней истории славян *В.В. Седова*, который является в целом сторонником висло-одерской теории происхождения славян, предполагая появления славянских групп населения в I тыс. до н. э. на территории бассейна Вислы (культура подклёшевых погребений) и дальнейшее их распространение к Одеру.

Таким образом, ранняя история восточных славян не могут быть изучены и поняты в отрыве от процессов формирования и развития других этнических групп Европы. Не случайно, что проблема происхождения восточных славян обычно рассматривается на материалах археологических культур начала I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э., памятники которых оставлены населением, обитавшим на территории современных России, Польши, Украины, Белоруссии и Молдовы.

Археологические культуры раннего железного века – **пшеворская** (II в. до н.э. — начало V в. н.э.), **зарубинецкая** (II вв. до н.э. — середина I в. н.э.), **черняховская** (середина III — начало V в. н.э.) отличаются этнической неоднородностью, население каждой из них было неоднородным и состояло из различных этнических компонентов, автохтонных и пришлых. Сложный разнохарактерный состав материалов, находимых на памятниках, объясняется смеше-

нием разных групп населения и частым его передвижением. В рамках вышеуказанных культур прослеживаются несколько культурных традиций, в том числе соотносимых с древнейшими славянами. В материальной культуре пшеворской и зарубинецкой культур формируются основные характерные черты культуры славянского населения: неукрепленные селища с наземными жилищами столбовой конструкции и полуземлянками; грунтовые могильники с обрядом кремации умерших, в том числе с помещением праха в глиняный сосуд – урну; инвентарь – керамика (включая гончарную), оружие, орудия труда, украшения. Носители указанных культур занимались плужным земледелием и придомным скотоводством, большое значение имели ремесла – металлургия и кузнечное дело, гончарство, ювелирное дело, и т.д.

Более определенно вопрос о происхождении восточнославянских племен, названия и территория расселения которых хорошо известны по сообщениям «Повести временных лет», решается по материалам археологических культур второй половины I тыс. н.э. Так, на территории от Эльбы до Днепра и от Поморья до Дуная в V в. складывается **пращская** культура, чья принадлежность ранним славянам является общепризнанной.

В V-VII вв., т.е. в период, непосредственно предшествующий образованию Древнерусского государства, на территории лесных и лесостепных областей Поднепровья, были распространены **пращско-корчакская и пеньковская** культура, для которых характерны небольшие селища с полуземлянками, грунтовые могильники с обрядом трупосожжения на стороне; уже с VI-VII вв. получает распространение курганный обряд. В материальной культуре это население сопровождается лепной керамикой, украшениями, бытовыми предметами из железа. Памятники пеньковской культуры занимают территорию, совпадающую с той, которую, по сообщению Иордана, занимали анты, — на землях от Днестра до Днепра на излучине Черного моря. По мнению ряда лингвистов, этноним анты имеет иранское происхождение. Так, видимо, ираноязычное население Северного Причерноморья назвало славян, расселившихся на юго-восточной окраине славянского мира.

Непосредственное складывание древнерусской народности ознаменовано объединением известных по «Повести временных лет» восточнославянских племенных союзов. Их расселение по летописным источникам было уточнено с учетом археологических материалов, начиная с работ *А.А. Спицына*. Было замечено, что широко распространившийся с XI в. славянский женский убор, включающий височные и нагрудные украшения, браслеты и перстни, имеет определенные этнографические особенности их форм и сочетаний. Границы распространения таких характерных украшений, как височные кольца, позволили наметить территории расселения отдельных восточнославянских племен. Так, для южных территорий (поляне, волыняне, дреговичи) характерны простые проволочные кольца с сомкнутыми концами, небольшого размера височные кольца с тремя бусинами из металла. Для северянских курганов типичны проволочные спиральные височные кольца. Вятические погребения ознаменованы присутствием от 2 до 8 семилопастных колец, в радимических комплексах – семилучевые кольца. Обилие металлических украшений (помимо височных колец, представлены браслеты, подвески, перстни, лунницы и т.д.) часто связывают с влиянием со стороны финно-угорского и балтского населения. Инвентарь кривических погребений включал височные проволочные браслетообразные кольца с завязанными концами, а в курганах самых северных из восточнославянских племен – новгородских (ильменских) словен широко представлены ромбоштитковые височные кольца.

Особую роль в выявлении прародин восточных славян играет антропология. Так, *Т.И. Алексеева* говорит об определенной антропологической общности славян, географически приуроченной к зоне контакта с балто- и финноугорскими народами. По мнению антропологов, зона относительной широколищести локализуется в пределах обширной территории, ограниченной верхним течением Западной Двины на севере, верхним и средним течением Вислы на западе, левыми притоками Дуная в среднем его течении, правыми притоками Днестра в среднем и нижнем его течении на востоке. По современным археологическим данным, территория возможной прародин славян вписывается в этот регион,

независимо оттого, с какой культурой ассоциируется древнее славянство. Данные антропологии, таким образом, позволяют сделать заключение о существовании исходного антропологического единства славян и, следовательно, их прародины, очертить примерные ее границы, понять причины антропологического разнообразия славян на разных этапах их этнической истории.

В свете археологического материала и летописных источников наиболее дискуссионным является вопрос о том, что представляли собой восточнославянские племена «Повести временных лет», и как они соотносятся с понятием древнерусской народности. В XIX – начале XX в. довольно распространенной была точка зрения о том, что летописные племена восточных славян являлись исключительно территориальными объединениями. Большинство же лингвистов и археологов, а также историков, основывающих свои умозаключения на применении комплекса методов специальных исторических дисциплин, археологии, сравнительного языкознания, рассматривали летописные племена восточного славянства в качестве этнических групп. В летописях сообщается, что первыми поселенцами в Новгороде были словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, и т.д., то есть кривичи и словене приравнены к бесспорно этническим образованиям. *Б.А. Рыбаков* полагал, что названные в летописи поляне, древляне, радимичи и т. д. были союзами, политическими образованиями, объединившими несколько отдельных племен, что прослежено по материалам археологии и языкознания. *В.В. Седов*, резюмируя различные подходы к проблеме, утверждал, что большинство летописных союзов изначально были прежде всего территориальными новообразованиями, но в дальнейшем у каждой локальной группы складывается свой жизненный уклад, начинают формироваться некоторые этнографические особенности, что находит отражение в деталях погребальной обрядности. Сложению этих племенных групп способствовало политическое объединение каждой из них. Особое значение имело формирование племенных союзов древлян, полян, дреговичей и волынян, находившихся в эпицентре создания Древнерусского государства.

Особо следует отметить, что, согласно археологическим материалам, летописные племена в XI–XII вв. были еще устойчивыми этнографическими единицами, и в полном соответствии с этим территориальное дробление Древнерусского государства в XII в. в значительной степени соответствует их ареалам. Географические границы отдельных княжеств XII в. были определены самой жизнью и прежней племенной структурой восточного славянства.

По *В.В. Седову*, славянские племена Восточной Европы в VIII—IX вв. образуют древнерусскую (или восточнославянскую) народность. Русский, белорусский и украинский языки сохранили в своей фонетике, грамматическом строе и словаре ряд общих черт, свидетельствующих о том, что после распада общеславянского языка они составляли один язык — язык древнерусской народности, сложившийся, по мнению известного советского лингвиста *Ф.П. Филина*, на обширной территории Восточной Европы примерно в VIII–IX вв.

Б. А. Рыбаков доказал, что сознание единства Русской земли, да и само понятие «Русская земля», сохранялось как в эпоху Киевского государства, так и в период феодальной раздробленности. «Русская земля» от Ладоги на севере до Черного моря на юге и от Буга на западе до Волго-Окского междуречья на востоке и была территорией восточнославянской народности. Вместе с тем имелось и узкое значение термина «Русь», соответствовавшее Среднему Поднепровью (Киевская, Черниговская и Северская земли) и унаследованное от названия племенного союза под лидерством племени русов. Население Русского племенного союза в IX—X вв. послужило ядром для образования древнерусской народности, в которую вошли славянские племена Восточной Европы и часть ослабленных финских племен.

По *В.В. Седову*, древнерусская народность сформировалась на обширных пространствах Восточной Европы в VI–VIII вв. и имела в своей основе славянское население, объединенное не на этнодиалектной, а на территориальной почве. В то же время «некоторые грамматические инновации, сдвиги в области лексики образовали особую зону на востоке славянского мира с более или менее совпадающими границами. Эта зона и составила язык восточных славян,

или древнерусский». По данным этнолингвистики, формирование древнерусского языкового единства является результатом нивелировки и интеграции диалектов восточнославянских племенных группировок.

Ареал восточнославянской народности совпадает с территорией Древнерусского государства, начало формирования народности совпадает по времени с процессом образования Киевской Руси, – а значит, ведущая роль в сложении народности принадлежала государству. Возникновение раннефеодального государства с центром в Киеве активно содействовало консолидации славянских племен, составивших древнерусскую народность. Территорию древнерусского государства стали называть Русской землей, или Русью – и это название логически стало самоназванием восточных славян, употребляемым в летописях и иных источниках, в том числе византийских и западноевропейских. В IX–XII вв. термин «Русь» употребляется в двояком смысле – в этническом и в значении государства, и если изначально этот термин применялся только для киевских полян, то в процессе создания древнерусской государственности он быстро распространился на всю территорию древней Руси.

Древнерусское государство объединило всех восточных славян в единый организм, связало их общностью политической жизни, и, безусловно, способствовало укреплению понятия о единстве Руси. Сложение древнерусской государственности и народности сопровождалось бурным развитием культуры и экономики. Строительство древнерусских городов, подъем ремесленного производства, развитие торговых связей благоприятствовали консолидации славянства Восточной Европы в единую народность. В результате складывается единая материальная и духовная культура. Очень важную роль в этом процессе играла христианская церковь, и неслучайно, что довольно скоро понятия «русский» и «христианин» начали отождествляться. Церковь способствовала усилению русской государственности.

Еще одним важным моментом в рамках рассмотрения существования древнерусской народности – является вопрос о местоположении «Руси». Этническое определение этого народа является предметом дискуссий, поскольку в

одних источниках русь отождествляется с германцами, в других — с иранцами, в третьих — со славянами. Существует несколько гипотез об этнической принадлежности руси: норманская, славянская, индо-иранская и другие, которые не рассматриваются в этой главе пособия.

По мнению ряда историков, начальная Русь (Руский каганат восточных авторов) находилась на юге восточнославянского мира, в Среднеднепровском регионе, и была западным соседом Хазарского каганата. Образовалась она на основе полянского и северянского союзов племен, с последующим включением территории древлян, а ее административнополитическим средоточием изначально был Киев. Название «Русь», ставшее впоследствии политонимом и этнонимом для всех восточных славян, имеет южное происхождение. Его бытование засвидетельствовано со времен проживания здесь ираноязычных сарматских племен. Что касается скандинавов, то не они принесли в Среднее Поднепровье название «Русь», но обрели его здесь сами, причем лишь тогда, когда поступали на службу к киевским князьям и интегрировались в административнополитические структуры Киевского государства.

Таким образом, Древней Русью, Русью или Русской землей называется государственное образование, которое существовало в IX-XIII вв. в Восточной Европе. Этому государству были подчинены многие земли и племена от Ладожского и Белого озера до Верхней Волги, Среднего Днепра и Тамани. После объединения князьями славянских племен, они составили единый древнерусский народ. В результате слияния восточнославянских племен в период Древней Руси постепенно образовалась древнерусская народность, для которой были характерны известная общность языка, территории и психического склада, проявлявшегося в общности культуры. В славянских землях возникли многие древние города, которые существуют до сих пор: Новгород, Смоленск, Полоцк, Чернигов, Ростов, Владимир, а на окраине Владимирской земли возникла Москва, но главным городом считался Киев. Сегодня Киев – столица Украины, Полоцк - город в Белоруссии, Москва стала столицей России, областными центрами которой остаются Новгород, Смоленск, Владимир. Недавно эти страны

были республиками, входившими в состав Советского Союза, в 1991 г. они стали независимыми, но в древности составляли единое государство.

Монгольское завоевание разрушило политическое единство Руси. Процессы интеграции, прежде имевшие место в условиях единства экономики, быта и культурной жизни восточного славянства, были полностью приостановлены. Яркая древнерусская культура, развитие которой во многом определялось высокоразвитым городским ремеслом, прекращает свое функционирование. Наступившее резкое сокращение связей между северо-западными и северо-восточными землями Древней Руси, с одной стороны, и южными и юго-западными, с другой, а также начавшееся во второй половине XIII века включение сначала западных, а затем и юго-западных и южных земель Древней Руси в состав Великого княжества Литовского привело к распаду древнерусской народности и началу формирования на её основе трёх современных восточно-славянских этносов. В результате из древнерусской народности выделилось три отдельных народа – русские, украинцы и белорусы.

В XIV-XV вв. получают все большее и большее распространение лингвистические особенности, которые со временем стали характерными для отдельных языков – русского, украинского и белорусского. Дифференциация древнерусского языка и становление русского, украинского и белорусского языков — продолжительный процесс, растянувшийся на несколько столетий. Названия Русь и Русская земля сохраняются за Киевской, Владимирской и Галицкой землями и после того, как они попали под власть Литовского и Польского государств. С XIV в. получает распространение термин Малая Русь, который в дальнейшем закрепляется за украинскими землями, от него и население их стали называть малоросами. Процесс становления великорусской народности охватил обширные области ареала древнерусской народности, не вошедшие в состав Великого княжества Литовского и Польши. Колыбелью становления великорусской народности стала Владимиро-Суздальская Русь, а с середины XIV в. – Московская Русь. Территория великорусской народности в исторических источниках XIV-XV вв. обычно называется Русью, Русской землей. С конца XV

в. в русских источниках начинает употребляться название "Россия", постепенно вытесняя прежний термин Русь. Великорусское население сохранило свое прежнее самоназвание, трансформировав этноним «русь» в «русский».

Глава 3. ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Анализ литературы, посвященной личности и деятельности князя Александра Невского можно осуществлять в плоскости двух самостоятельных вопросов – идеологической и военной агрессии Запада в отношении русских земель в XIII в., а также характеристики Александра Ярославича как исторического деятеля, сыгравшего важную роль в политической истории Русского государства.

Историки уже довольно давно стали связывать немецко-шведскую агрессию против Руси 1240-1242 гг. с деятельностью римской курии. Русская дворянско-буржуазная историография выдвинула эту проблему более ста лет назад, но не смогла ее исследовать и дать обоснованное решение. Мысль о направляющей роли папской курии была четко сформулирована в 60-х годах *Н. И. Костомаровым*: «Вражда немецкого племени с славянским принадлежит к таким всемирным историческим явлениям, которых начало недоступно исследованию, потому что оно скрывается во мраке доисторических времен. При всей скудости сведений наших мы не раз видим в отдаленной древности признак давления немецкого племени над славянским. Уже с IX века в истории открывается непрерывное многовековое преследование славянских племен: немцы поработали их, теснили к востоку и сами двигались за ними, поработая их снова. [...] Властолюбивые замыслы немцев после уступки им Ливонии обратились на Северную Русь. Возникла мысль, что призванием ливонских крестоносцев было не только крестить язычников, но и обратить к истинной вере русских. Русские представлялись на Западе врагами св. отца и римско-католической церкви, даже самого христианства. Борьба Новгорода с немцами была неизбежна». В трактовке Костомарова эта мысль довольно прочно вошла в нашу историческую литературу. Но Костомаров не обосновал серьезно свои выводы; кроме того, он неверно передал содержание источников и в единственной подстрочной ссылке спутал и имя папы, и дату папской буллы.

У Д. И. Иловайского же о противоборстве Невского со шведами говорилось, что «неизвестно в точности, что послужило ближайшим поводом к шведскому походу на новгородцев... Очень вероятно, что он был предпринят под влиянием папских посланий, побуждавших шведов и ливонских немцев оружием подчинить католицизму русские Прибалтийские земли. Настоящей же целью шведского похода было, по-видимому, завоевание Невского побережья, а, следовательно, и захват главного пути новгородской торговли с Северо-Западною Европою; причем, может быть, имелась в виду и Ладога, которою издавна стремились завладеть варяжские конунги». Таким образом, в трудах Иловайского была предпринята попытка связать агрессию с Запада не только с религиозными, но и с экономическими интересами шведов и немцев.

Наиболее взвешенную и объективную позицию, на наш взгляд, выразил Е. Ф. Шмурло в своем «Курсе русской истории», говоря о Невской битве, что ее реальное «значение» менее значительно, нежели принято думать. Однако при «виде того, как гибнет все дорогое, как беспросветно их настоящее, ближайшие поколения с благодарным чувством вспоминали дело Александра; в их глазах оно выросло в *подвиг*, стало священным делом; победитель на реке Неве вырос в национального героя, более того – в *Святого*».

Таким образом, роль князя Александра Ярославича в русской истории изначально рассматривалась скорее с идеологических, нежели с чисто исторических позиций, что неизбежно должно было привести к ожесточенным баталиям ученых-историков. Боевые действия на Неве в 1240 г. одни ученые рассматривают как часть «согласованного плана, вынашиваемого шведами, немцами и датчанами под верховным руководством папы римского», в случае успеха которого вражеские силы должны были захватить Новгород. Они говорят о крестовом походе, предпринятом по инициативе папы Григория IX с целью «установления контроля над водными путями в регионе Ладожского озера, рек Невы и Волхова». Время для нападения было выбрано весьма удачно, поскольку Русь была занята отражением монгольской агрессии. Однако с этим не согласны другие ученые, которые не находили свидетельств в пользу согласованности

действий шведов, немцев и датчан. Так, по мнению английского историка, профессора Оксфордского университета *Дж. Феннела* и поддержавшего его российского исследователя *И. Н. Данилевского*, Невская битва была «не более чем очередным столкновением между шведскими отрядами и новгородскими оборонительными силами из происходивших время от времени в XIII и XIV веках», а так называемое «Ледовое побоище» 5 апреля 1242 г., где Александр одержал свою вторую главную победу нельзя считать «крупным сражением».

В создание культовой фигуры самого князя Александра по преимуществу внес свою лепту XIX век - время, когда зарождалась российская историческая наука. Но и тогда образ князя воспринимался крайне противоречиво. Так *Н. М. Карамзин* давал очень высокую оценку деятельности Александра Ярославича: «Добрые россияне включили Невского в лик своих ангелов хранителей и в течение веков приписывали ему, как новому небесному заступнику отечества, разные благоприятные для России случаи: столь потомство верило мнению и чувству современников в рассуждении сего князя! Имя Святого, ему данное, гораздо выразительнее Великого: ибо Великими называют обыкновенно счастливых: Александр же мог добродетелями своими только облегчить жестокую судьбу России». В то же время *А. Де Кюстин* утверждал, что «Александр Невский - образец осторожности; но он не был мучеником ни за веру, ни за благородные чувства. [...] Это - Улисс среди святых».

С. М. Соловьев, несмотря на позитивное отношение к политике Александра, в частности к его усилиям по сохранению на Руси православия, все же указывал на то, что князь откровенно использовал монгольские рати в междоусобной войне со своим братом Андреем. «В 1252 г. Александр поехал в Орду к новому хану Сартаку жаловаться на брата, - писал Соловьев, - хан, давши старшинство Невскому, отправил на Андрея трех полководцев своих; недалеко от Переяславля Андрей встретил татар, был разбит в злой сече, побежал в Новгород, не был там принят и удалился ко врагам Александровым, шведам, которыми вследствие этого был принят с радушием». Правда причина такого непатриотичного и даже неродственного поступка, по мнению Соловьева, хоть как-

то оправдывающая Александра, заключалась в том, что «Андрей по совету бояр своих (и, вероятно жены, дочери Даниила Галицкого) хотел свергнуть татарское иго... Но Александр видел всю необдуманность этого намерения, которое могло подвергнуть Русь только новому нашествию и тягчайшему игу». *К. Н. Бестужев-Рюмин* тоже подмечал, что «сопротивляться было не время, что лучшее спасение [заключалось – Е.Б.] в благоразумной уступчивости, что более можно было выиграть политикою, умевший ладить с татарами и тем спасший Русскую землю».

В трудах *Д. И. Иловайского* отмечалось, что «Александр Ярославич принадлежит к тем историческим деятелям Северной Руси, в которых наиболее отразились основные черты великорусской народности: практический ум, твердость воли и гибкость характера, или умение сообразовываться с обстоятельствами». Важное значение Александра в русской истории основано на том, - писал историк, - что как великий князь «он умел не только отклонять новые татарские нашествия и давать некоторый отдых народу от страшных погромов; но и знаками глубокой покорности, а также обещанием богатых даней умел отстранять более тесное сожительство с варварами и удерживать их в отдалении от Руси... То был блистательный представитель великорусского типа...». Антиподом Александра, как правило, предстает князь Даниил Галицкий. По словам *Е. Ф. Шмурло*, «Блестящие дарования Даниила, наследственная любовь к славе, широкие государственные замыслы делают его духовный облик, несомненно, более симпатичным, но, на свое несчастье, он не умеет, когда это нужно, пожертвовать своим настроением, поступиться чувством в пользу холодного рассудка...».

Итак, историография XIX в. расценивала политику Александра как осознанную необходимость и выбор меньшего между двух зол. В отличие от этого мнения, опираясь на мнение о том, что Александр являлся непримиримым защитником православия и противником католичества, *Г. В. Вернадский* и *Л. Н. Гумилев* – представители «евразийства» - полагали, что он сделал осознанный судьбоносный выбор между ориентацией на Восток и ориентацией на Запад;

пойдя на союз с Ордой, он предотвратил поглощение Северной Руси католической Европой и тем самым спас православие – основу самобытности Руси.

В советской исторической литературе существовало большое количество монографий и статей, посвященных Александру Невскому. При этом Невский в исторической науке был тем героем, той личностью, величина которой в большой мере зависела от внешне- и внутривосточной ситуации. Советский исследователь эпохи Александра Невского *В. Т. Пауто* так оценивал его деятельность: «Своей осторожной, осмотрительной политикой он уберек Русь от окончательного разгрома ратями кочевников. Вооруженной борьбой, торговой политикой, избирательной дипломатией он избежал новых войн на севере и западе, возможного, но губительного для Руси союза с папством и сближения курии и крестоносцев с ордой. Он выиграл время, дав Руси окрепнуть и оправиться от страшного разорения. Он – родоначальник политики московских князей политики возрождения Руси». Эта оценка, опирающаяся на работы С. М. Соловьева и других исследователей XIX в., долгое время являлась единственно возможной в отечественных исторических исследованиях.

Новый всплеск интереса к личности Александра произошел в 90-е годы, когда наша страна в очередной раз встала на путь изменений и реформ. В этой ситуации раскола и неизвестности вновь был востребован обществом образ новгородского князя. Появились статьи, монографии, публикации об Александре Невском. Таким образом, приходится признать, что возвеличивание князя – не есть результат «работы» XIII века. Это явление – суть постоянный поиск героя, который необходим в какой-либо момент истории для оправдания, объяснения, подтверждения и т.д. Не случаен был выбор в пользу Александра Невского и в проекте «Имя России», который был проведен в 2008 г. телеканалом «Россия» и Телекомпанией Вид.

В последнее время в историографии все громче звучат суждения, направленные на «развенчание» этого исторического деятеля. *Дж. Феннел* и *И. Н. Данилевский* утверждают, что Александр способствовал установлению на Руси ордынского «ига»: именно предательство им своих братьев Андрея и Ярослава,

поднявших восстание против монголов в 1252 г., привело к окончательному оформлению отношений зависимости. Самое же дискредитирующее Александра предположение было высказано *А. Н. Сахаровым* (в целом пишущим о деятельности князя с традиционным пиететом) предположившим, что Александр и его отец Ярослав Всеволодович во время нашествия Батыя на Северо-Восточную Русь в 1238 г. вступил с ним в сговор: именно в результате этого Александр и Ярослав не пришли на помощь Юрию Всеволодовичу на р. Сить, а Батый не двинулся на Новгород. В пользу такой версии, по мнению автора, говорят «последующее восшествие на владимирский престол Ярослава, его особые дружеские отношения с Батыем, как и вовлечение Александра Невского в орбиту личных отношений с владыкой Орды».

С другой стороны, по мнению *В. Л. Егорова*, утверждения о том, что «Русь в то время имела договор о взаимопомощи с Золотой Ордой опровергается всей дальнейшей деятельностью Александра Ярославича». «И именно Александра можно и должно считать первым русским политиком, заложившим основы совершенно особого пути, который в полной мере начал осмысляться лишь в XX в. и получил наименование евразийства».

На прокняжеских позициях стоит сегодня историк *А. А. Горский*. Согласно его точке зрения, добрые «отношения между ханом [Батыем – Е.Б.] и великим князем [Ярославом Всеволодовичем – Е.Б.] складываются только в 1243 г., когда Ярослав приехал по вызову Батыя в Орду и получил ярлык на великое княжение». Александр же при жизни отца вообще ни разу не ездил к Батыю. Как пишет Горский, «в действиях Александра нет оснований искать какой-то осознанный судьбоносный выбор. Он был человеком своей эпохи, действовал в соответствии с мировосприятием того времени и личным опытом. Александр был, выражаясь современным языком, «прагматиком»: он выбирал тот путь, который казался ему более выгодным для укрепления его земли и для него лично. Когда назревал решительный бой; когда наиболее перспективным и значимым казалось соглашение с одним из врагов Руси, он шел на соглашение».

«Примиренческую» позицию занял *Н. С. Борисов*, посвятивший Александру Невскому главу своей монографии. Допуская различные толкования целей внутренней и внешней политики князя историк предлагает несколько верных, на его взгляд, положений, касающихся личности князя: «- это был полководец, успехи которого стали результатом соединения богатого военного опыта, накопленного его предками. С выдающимися личными бойцовскими качествами; - это был далекий от сентиментальности политический деятель средневекового типа; - это был правитель, в тяжелейшее время обеспечивший своей стране десять лет мирной жизни».

Таким образом, современная историография заняла примиренческую позицию, связывая политику князя Александра Ярославича с судьбоносным выбором Русью союза с Востоком против Запада, а особенности его личности – со спецификой эпохи.

В XI - XIII вв. католическая церковь выступила организатором духовно-рыцарских орденов и крестовых походов, целью которых она объявила освобождение от мусульман Палестины и "гроба Господня", который, по преданию, находился в Иерусалиме. Зарождение рыцарства относилось к тому периоду раннего средневековья, когда получили широкое распространение условные формы феодального землевладения, сначала пожизненные, позже наследственные. При передаче земли в феоде его жалователь становился сеньором (сюзереном), а получатель - вассалом последнего, что предполагало военную службу (обязательная военная служба не превышала 40 дней в году) и исполнение некоторых других повинностей в пользу сеньора. Если размеры полученной за службу земли позволяли, новый владелец в свою очередь передавал часть ее в качестве феодедов своим вассалам (субинфеодация). Так складывалась многоступенчатая система вассалитета ("сюзеренитет", "феодеальная иерархия", "феодеальная лестница") от верховного сюзерена - короля до одноштитных рыцарей, не имевших своих вассалов. Иерархия вассальных отношений повторяла иерархию земельных владений и определяла принцип формирования военного ополчения феодалов.

Военное дело стало главной социальной функцией рыцарства. Военная профессия давала права и привилегии, определяла особые сословные воззрения, этические нормы, традиции, культурные ценности. В военные обязанности рыцарей входило защищать честь и достоинство сюзерена, а главное - землю от посягательств как со стороны соседних феодальных властителей в междоусобных войнах, так и войск других государств, в случае внешнего нападения. В условиях междоусобицы грань между защитой собственных владений и захватом чужих земель была достаточно зыбкой, и поборник справедливости на словах нередко оказывался захватчиком на деле. Не приходится говорить и о вынужденном участии рыцарей в завоевательных кампаниях, организованных королевской властью, как, например, многочисленных походах германских императоров в Италию, или самим папой римским, как, например, крестовые походы.

Нужда в постоянной войске для осуществления непрерывных захватов привела к созданию рыцарских орденов. Орден являлся стройной военной организацией с известной дисциплиной и т.п. Вступая в орден, каждый рыцарь давал обет беспрекословного послушания. Члены ордена давали монашеские обеты (нестяжание, отказ от имущества, целомудрие, повиновение), носили схожие с монашескими одеяния, а под ними - военные доспехи. Каждый орден имел свою отличительную одежду (например, у тамплиеров - белый плащ с красным крестом). Организационно орден строился на основе строгой иерархии, возглавляемой выборным магистром, утверждаемым папой римским. При магистре действовал капитул (совет), с законодательными функциями.

Самым большим духовно-рыцарским орденом был основанный в XIII веке военно-теократическое государство в Восточной Прибалтике немецкий *Тевтонский Орден* - с лат. *Ordo domus Sanctae Mariae Teutonicorum*, (с нем. *Deutscher Orden*). В 1190 г. (при осаде Акры во время третьего крестового похода) купцы из Любека основали госпиталь для немецких крестоносцев, который в 1198 г. был преобразован в рыцарский орден. Главной задачей ордена должна была стать борьба с язычеством и распространение христианства. По-

явление Тевтонского ордена в Прибалтике было связано с именем польского князя Конрада Мазовецкого, который в 1226 году заключил договор с Великим магистром Тевтонского ордена Германом фон Зальца (1210-1239) и подтвердил его в 1230 году. По договору орден получил область Хелмно (в устье р. Вислы) с правом расширять владения за счет земель прусских племен. За период 1230-1283 гг. земли славян-пруссов и литовцев-ятвягов между устьями Вислы и Немана были захвачены. На этих землях было образовано государство Тевтонского ордена со столицей в г. Торуне.

Вторым духовно-рыцарским орденом, принимавшим участие в агрессии на Русь, был *Орден меченосцев*, основанный в 1202 г. епископом Ливонии Альбертом I для колонизации и христианизации Прибалтики. В отличие от крупных духовно-рыцарских орденов он сохранял номинальную зависимость от епископа. Орден в начале своего существования был незначителен, и число его членов было невелико. Как писал Ф. Г. Бунге, «Мы не находим также, чтобы в орден в первое время поступали лица из особенно знатных фамилий. Не раньше, как только в 1205 г. мы видим его принимающим участие в военном походе против языческих туземцев и приступающим таким образом к исполнению своей миссии. Последняя состояла в охране и защите новоучрежденных в Ливонии христианских церквей и в покорении и обращении в христианство ее врагов. Поэтому во всем устройстве ордена находим два элемента: воинский и религиозный».

При этом прибытие крестоносцев в Прибалтику отнюдь не было регулярным и оставались они в Ливонии, как правило, не более, чем на год. Римские папы вовсе не ставили знак равенства между крестовыми походами в Святую Землю и военными экспедициями в Прибалтику. Согласно булле папы Иннокентия III, дарованной епископу Альберту в 1199 г., в Ливонию могли отправиться рыцари только лишь из близлежащих Саксонии и Вестфалии. Да и сделать это они могли в качестве исполнения обета посетить останки святых, но не могли избежать таким образом обязательства отправиться на Восток. Папские буллы от 1204 и 1205 гг. позволяли заменить паломничество в Иерусалим по-

ездкой в Ливонию из духовных лиц только жителям близлежащих областей, а из светских — больным и неимущим. Да и среди самих немецких феодалов считалось более достойным совершить поездку в Святую Землю, нежели в Прибалтику.

Не могли немецкие крестоносцы серьезно опереться и на силы местной прибалтийской знати. Ее военные дружины не отличались той боеспособностью и выучкой, тем вооружением, какими обладали средневековые западноевропейские рыцари и пехотинцы-кнехты. В совместных походах местные отряды крестоносцы использовали по большей части для опустошения и грабежа вражеской территории, или же посылали их в первых рядах на штурм языческих укреплений. В полевом же бою прибалтийским отрядам отводилась вспомогательная роль. Успех северных крестовых походов объясняли высокий духовный настрой участников крестового похода против язычников Прибалтики, считавших, что они выполняют в высшей степени богоугодную миссию и сознающих себя орудием Бога, и военно-техническое превосходство крестоносцев над местными прибалтийскими народами. В первой половине XIII века немецкие рыцари-крестоносцы овладели Балтийским побережьем от Вислы до Нарвы, захватив земли прибалтийских племен (латышей, эстонцев, пруссов).

В 1203-1206 гг. полоцкий князь Владимир пытался выбить немцев из крепостей в Восточной Прибалтике, но безуспешно. Кульминацией этого противостояния стала неудачная осада русскими крепостей Гольма и Риги. В 1219 году датские войска, пришедшие на помощь немцам, основали крепость Ревель. В 1221 году владимирский великий князь Юрий Всеволодович предпринял поход и осадил Ригу, но безуспешно. В 1224 году после длительной осады крестоносцами пал г. Юрьев, при обороне погиб внук смоленского князя князь Вячеслав Борисович (Вячко).

12 мая 1237 года в Витербо папой Григорием IX совместно с великим магистром Германом Зальца совершен был торжественный акт слияния Ордена братьев меченосцев с Тевтонским орденом, причем Орден меченосцев утратил свою независимость и превратился в ливонское отделение Тевтонского ордена.

В результате этого объединения образовалось отделение Тевтонского ордена в Лифляндии и Курляндии — Ливонский орден. В папской булле Григорий IX обратился к шведскому архиепископу и его епископам с призывом организовать «крестовый поход» в Финляндию «против тавастов» и их «близких соседей». «Очевидно, — замечает Б. Я. Рамм, — что, призывая крестоносцев уничтожать «врагов креста», папа имел в виду наряду с тавастами также карелов и русских...».

Итак, в XIII в. католические духовно-рыцарские ордена развернули широкую миссионерскую и откровенно захватническую деятельность на территории Прибалтики, простирая свои интересы не только на земли балтских племен, но и на владения славян. Католические государства Европы (Швеция, Дания), объединившись с рыцарями под началом папской курии, были готовы к крестовому походу в Восточную Прибалтику. Православная Русская церковная организация в это же время переживала сложный период. Падение Константинополя в 1204 г. и общий упадок Византии оставили ее без политической и духовной поддержки, но, в то же время, по-прежнему сохраняли экономические обязательства русского духовенства перед константинопольским патриархатом. Батыево нашествие заставило русскую духовную иерархию лавировать между интересами монголов и обязательствами перед Константинополем. В данных обстоятельствах высшее духовенство Руси пришло к осознанию необходимости опоры на сильную княжескую власть, которая могла бы способствовать сохранению в русских землях единой церковной организации.

В это время в военных конфликтах на территории Восточной Прибалтики в каждом случае принимали участие сменявшие друг друга группировки. Даже на стороне русских при защите от немецких завоевателей на протяжении всего XIII в. не было единства. Перспектива интенсификации выгодной торговли на берегах Западной Двины, например, побуждала полоцких князей к поиску равновесия. В договоре 1212 г. они гарантировали себе свободный торговый обмен на Западной Двине и отказались за это от своих унаследованных суверенных прав в Лифляндии. Торговые дела вынуждали русских людей селиться в Риге, к

большому неудовольствию папы, который хотел в письме от 8 февраля 1222 г. отказать "схизматикам", по крайней мере, в демонстративном осуществлении особых церковных обычаев. В этой связи можно упомянуть и о сообщении Новгородской летописи об отказе псковичей в 1228 г. присоединиться к военному походу новгородского князя Ярослава против немцев. И на противоположной стороне трудно было выявить постоянную готовность к военной экспансии исключительно только в отношении соседних русских территорий. Если следовать автору Лифляндской летописи, то борьба против "схизматиков" была необходимостью, она понималась скорее, как превентивная мера по устранению ущерба, который мог быть нанесен вновь обращенным язычникам, или как ответные удары на предшествующие нападения.

Западноевропейская агрессия при этом, несмотря на постоянную смену ее участников, была страшна тем, что в отличие от монголов, особо не вмешивающихся во внутреннюю жизнь страны, а тем более в дела церкви, европейские феодалы строили на завоеванных землях свои замки, костелы, обращали население в католичество, заставляли крестьян работать в своих имениях. Они угрожали власти русских князей и авторитету православной церкви.

Исходя из этих обстоятельств, все события, которые происходили в 1240-е гг. в северо-западных регионах Руси, рассматривались как чрезвычайно важные для сохранения русской государственности и религиозной идентичности. Так, Невская победа, согласно «Житию Александра Невского» произошла в обстановке величайшего религиозного напряжения. Она сопровождалась чудом: перед боем морской побережный стражник Пелгусий, бывший язычник, крещенный в православие и нареченный Филиппом, имел видение. Пелгусий стоял "при крае моря, стрежашеть обою пути, и пребысть всю ночь во бдении; яко же нача всходити солнце, и слыша шумъ страшень по морю, и виде насадъ (судно) един гребущъ, посреде насада стояща мученику Бориса и Глеба в одеждах червленныхъ... и рече Борис: брате Глебе! повели грести, да поможемъ сроднику своему Александру". Когда Пелгусий сообщил о видении прибывшему князю, Александр повелел по благочестию никому не говорить о чуде, а сам, обод-

ренный, мужественно повел с молитвой войско на шведов. «И была сеча великая с латинянами, и перебил их бесчисленное множество, и самому предводителю возложил печать на лицо острым своим копьем». Победа Александра была полная и решительная: "изби множество безчисленно их" ("римлян", т.е. шведов-латинян).

Однако у исследователей стали возникать сомнения в масштабности этого сражения. Так, *Е. Ф. Шмурло* писал, что «будучи лишена крупного реального значения, победа Александра над Биргером получила в ближайшее же время громадное значение *идейное*». Датский исследователь *Д. Линд* утверждал, что "из общего анализа русских источников о битве кажется, что шведская кампания и битва на Неве были раздуты. В действительности, возможно, имело место не более чем нападение небольшого отряда, даже меньшее, чем нападение в 1164 г. на Ладогу, описанное детально в новгородских летописях, а с 1330 г. оно выросло в событие национального значения, затмевающее собою даже Ледовое побоище". *И. Н. Данилевский* отмечал небольшое число погибших в этом сражении («местные летописи лишь добавляют, что всего в сражении пало не более 20 новгородцев и ладожан»), а также то, что «перебитые шведы «вряд ли были «на совести новгородского князя и его дружины. Скорее всего, они пали в бою с местными племенами, которые, суды по всему и были реальными победителями в Невском сражении. Дружина же новгородского князя оказалась для них, видимо, лишь подспорьем...». По словам же *Н. С. Борисова*, победа Александра над шведами стала «благодатной темой для светлого мифотворчества. Оно шло главным образом по двум направлениям: украшение всевозможными яркими подробностями личного подвига Александра и выявление таинственного символического смысла этой победы путем сопоставления ее с различными событиями, описанными в Библии». Однако и он предполагал, что «это сражение отнюдь не принадлежит к числу крупнейших по количеству участников», о чем свидетельствует число погибших, а также молчание шведских хроник о походе.

Сложность исторической оценки происходящего заключается еще и в том, что в Новгородских землях население не имело четкой внешнеполитической ориентации. Экономические интересы вступали в противоречие с национальными и религиозными. Играли свою роль и различия в понимании статуса князя. После Невской битвы Александру «указали путь» из Новгорода. Но когда немцы захватили Псков, новгородцы тут же пригласили князя обратно. Он выгнал немцев из Пскова, одержал победу на Чудском озере – и его удалили снова! Попытки наиболее здравомыслящих новгородцев возражать против самобийственного поведения некоторых бояр успеха не имели. В самом Новгороде сторонников князя-воина грабили и отстраняли от дел. Между двумя партиями - «молодших» и «лутчих» людей дело дошло чуть ли не до войны. «Лучшие» (сторонники князя) все же победили, хотя и с огромным трудом, и настояли на окончательном вокняжении Александра в Новгороде. Каждый раз он приходил «по зову новгородскому», оказывал Новгородской земле огромные услуги и за это отстранялся от руководства сторонниками Запада при помощи «демократической» процедуры - вечевого голосования.

Нужно заметить, что прозападная партия на Руси, связанная с Западной Европой торговыми, карьерными, культурными связями, вообще была достаточно многочисленна, чтобы отстаивать свою политическую линию. Программа западников заключалась в следующем: опираясь на помощь рыцарей, объединить силы всех русских князей и изгнать монголов. К сожалению, будучи крайне привлекательной теоретически, эта программа никак не могла быть выполнена практически. Во-первых, рыцари Ордена, купцы Ганзы, папа и император вовсе не собирались тратить свои силы на объединение чужого им государства. Они ставили перед собой другую задачу - использовать русских ратников в борьбе с монголами, обескровить Русь и покорить ее, подобно Прибалтике. Во-вторых, к середине XIII века идея объединения Руси уже стала полностью иллюзорной. Это хорошо понимал Александр Невский и совершенно не понимали многие западники.

В 1240 г. в Новгородскую землю вошли немцы. Одновременно датчане атаковали земли чуди на побережье Финского залива, принадлежавшие Новгороду. В 1241 г. Александр взял Копорье со всем немецким гарнизоном и разбил немцев на побережье Финского залива. Его активность не вызвала восторга у римского папы. В новой булле 1241 г. Григорий IX призывал уже норвежского короля содействовать «крестовому походу... против язычников в земли соседних», что, по мнению Б. Я. Рамма, означало «Прибалтику, районы Финского залива, где развернулась большая война против Руси».

В начале 1242 г. Александр со своим братом Андреем выступил из Новгорода на Псков. Его воины перекрыли все дороги, ведущие к городу. Своим любимым приемом - внезапной атакой, "изгоном" - Невский овладел городом. После этого, не теряя времени, он пошел на Изборск и дальше, "в землю Немецкую". Узнав о том, что навстречу ему идет большое рыцарское войско, Александр отступил к Чудскому озеру. 5 апреля на льду Чудского озера произошла знаменитая битва, известная под именем Ледового побоища. Немцы и чудь построились свиньей (клином); им удалось было прорвать линию русской рати, но в это время Александр с отборным отрядом зашел немцам в тыл и этим решил дело. Разгром неприятеля был полный. "И бысть сеча зельна на немцы и на чудь" - говорит житие Александра - "и трескъ великъ отъ копей ломания и звукъ страшень отъ мечнаго сечения... и не бѣ видети леду: покрыло бо ся кровию". Один самовидец свидетельствовал, что видел "полки Божий на воздухе пришедшими на помощь ему (Александру)". Торжественно было возвращение Александра во Псков: "изыдоша во сретение ему весь освященный соборъ съ честными кресты и со святыми иконами и всенародное множество, хвалу Божю возсылающе и благодарные песни воспевающе: Пособивый Господи кроткому Давиду победити иноплеменники и благоверному великому князю нашему Александру оружиемъ крестный градъ Псковъ освободити отъ поганыхъ иноплеменникъ".

Орден выслал своих послов в Новгород, где в 1243 г. был подписан мирный договор, в котором рыцари торжественно заявляли о своем отказе от вся-

ких территориальных притязаниях и соглашались на обмен пленными. По словам М.Н. Тихомирова, в истории «борьбы с немецкими завоевателями Ледовое побоище является величайшей датой. Эту битву можно сравнить только с Грюнвальдским разгромом тевтонских рыцарей в 1410 г. Борьба с немцами продолжалась и далее, но немцы никогда не могли уже нанести сколько-нибудь существенного вреда русским землям, а Псков оставался грозной твердыней, о которую разбивались все последующие нападения немцев».

В середине 40-х гг. XIII в. после того как монгольские завоеватели стали требовать от русских князей признания их власти, папа Иннокентий IV проявил значительную инициативу в налаживании контактов с сильнейшими князьями, рассматривая ситуацию, как подходящую для новой попытки распространения католичества на русские земли и желая иметь в лице Руси заслон против возможного нового монгольского вторжения в Центральную Европу. Наиболее тесные связи установились у Иннокентия с галицким князем Даниилом Романовичем и его братом Васильком (княжившем во Владимире-Волынском). Плано Карпини, отправленный в 1245 г. папой Иннокентием IV в Монголию с дипломатической миссией, в 1246 г. гостил у князя Василька Романовича. Встречался Плано Карпини уже непосредственно в ставке монголов и с самим Даниилом. Как писал сам путешественник, «Король Даниил Русский со всеми воинами и людьми, именно с теми, которые прибыли с ним, нашел нас вблизи ставок Картана, женатого на сестре Бату».

Политический курс Даниила состоял в том, чтобы выделить Галицко-Волынское княжество в самостоятельное феодальное государство, ориентированное на Запад. Но вспомним, что в средние века и Запад не отличался единством. Гибеллины, сторонники германских императоров, боролись с гвельфами, поддерживавшими папский престол. Отец князя Даниила - Роман - был гибеллином и пытался оказывать помощь своим немецким союзникам. Даниил, казалось бы, должен был следовать политике отца, но папа пообещал ему королевский титул и полную самостоятельность. В 1246-1247 гг. папа направил к Даниилу и Васильку несколько булл, которыми оформлялось принятие их и их

земель под покровительство римской церкви. Иннокентий IV, соглашаясь на неприкосновенность церковной службы по православному обряду, полагал, что переход под его покровительство влечет за собой реальное подчинение русской церкви власти Рима, выражающееся в праве папских представителей назначать на Руси епископов и священников. Для Даниила же этот переход был формальностью, платой за которую должна была стать политическая выгода. При этом, по словам Е.Ф. Шмурло, общение с Западом «открыло доступ в страну полякам, немцам, армянам, евреям; они заселяли города, подняли промышленность, торговлю; но и тут была своя опасная сторона: край наводнялся элементами, чуждыми национальным русским интересам...».

К концу XIII века Галицкое княжество превратилось в одно из сильнейших государств Восточной Европы, с которым не могли не считаться не только Венгрия, Польша, Чехия и Литва, но и Орда. Однако, усилия западников по консолидации русских были обречены на провал. Деятельность самого Даниила Галицкого кончилась для него плохо. После нескольких удачных операций против больших монгольских отрядов во главе с военачальником Куремсой (1254 г.), Даниил столкнулся с более опытным тысячником Бурундаем. Тот довольно легко разбил Галицкого князя и заставил его срыть все крепости, чтобы Галиция и Волынь не имели возможности отделиться, а обещанная огромная западноевропейская рать так и не пришла Даниилу на помощь. В результате во второй половине 1250-х гг. Даниил прервал связи с Римом и был вынужден подчиниться власти монголов.

Для исторического выбора, совершенного Александром Ярославичем, был важен и идеологический компонент. Особую роль в политической деятельности Александра играл митрополит Кирилл, занимающий в истории русской церкви специфическое положение и являющийся заказчиком «Жития Александра Невского». В соответствии с Божьим промыслом весь жизненный путь князя, согласно тексту Жития, определялся одной целью – защитой русского православия от угрозы со стороны католичества. В то время, как борьба с наступлением «римлян» поощрялась церковью как дело необходимое и «богоугодное»,

любое восстание против власти Орды рассматривалось ею как «богоборчество». Крестоносцев послал на Русь и другие православные страны не Бог, а человек – римский первосвященник, возомнивший себя «земным богом». Сражаясь с ним русские могли надеяться на поддержку Небесных сил». Совершенно иначе понимали тогда владычество Орды. Нашествие неведомых, живущих «на краю земли» народов неоднократно описано в Библии. Избавить Русь от ига «иноплеменников» мог только тот, кто привел их, - сам Всевышний. Но Он мог сменить гнев на милость лишь тогда, когда люди перестанут нарушать его заповеди. Только возвратившись на путь добродетели, можно было заслужить избавление от вездесущего гнева Божьего. Так по-разному смотрела церковь на действия западных и восточных врагов Руси.

Исходя из вышесказанного, даже *И. Н. Данилевский* соглашался, что «выбор, сделанный Александром Ярославичем, невозможно рассматривать лишь как акт личной воли князя. За ним стояли вполне реальные интересы народа и его внутренние психологические (собственно, ментальные) возможности, независимо от того, понятны ли они нам и считаем ли мы их достаточными для столь ответственного решения».

Итак, политика Александра Ярославича в отношении стран Запада определялась целым рядом факторов. В первую очередь, здесь играли роль духовные мотивы – стремление сохранить в неприкосновенности восточный, византийский вариант христианства. Это было обусловлено как национальными традициями народа, его менталитетом, так и спецификой самого православия. В отличие от католичества, православие соглашалось с главенством светской власти над духовной, что давало русским князьям колоссальные возможности для упрочения собственных политических позиций. Продолжающиеся тесные контакты с Византией в церковной сфере также толкали Русские княжества к конфронтации с Западом. Нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как экономические интересы Руси в Восточной Прибалтике. Эти земли входили в сферу влияния Новгорода, Пскова и Полоцка. С этих земель, вероятно, русские князья получали некую дань. По этим землям проходили важные международные тор-

говые пути, контроль над которыми позволял русским правителям сохранять свои позиции на внешнеполитической арене. Союз с монголами позволил Александру укрепить и собственную власть. Опора на монгольские войска, поддержка ордынского хана обеспечивали Александру приоритетное положение среди русских князей.

Насколько результативной могла быть при этом альтернативная политика – поддержка политических контактов с Западной Европой и прозападная ориентация? В рамках распавшегося Древнерусского государства такой исторический путь был выбран галицко-волынским князем Даниилом, а также некоторыми другими русскими властителями. Отношение к Руси, как к государству «второго сорта», «окраине Европы» со стороны западноевропейских монархов в такой ситуации изначально ставило русских «западников» в зависимое положение. При этом Европа в ответ на свою помощь требовала от своих потенциальных союзников серьезных уступок, касающихся государственных основ, в частности государственной идеологии (принятия католичества в качестве государственной религии). В то же время действенной помощи папская курия предоставить не могла, поскольку сама находилась в ситуации конфликта со светской властью. Таким образом, прозападная ориентация не вела ни к политической самостоятельности, ни к сохранению духовной самоидентификации, ни к избавлению от притязаний других агрессоров.

Споры между «западниками» и «патриотами» вряд ли когда-нибудь закончатся чьей-либо идеологической победой. В каждый конкретный момент истории выбор между различными путями развития будет иметь своих приверженцев и противников. Все зависит от исторической ситуации и обстоятельств. На наш взгляд, действия Александра Ярославича в тех исторических условиях были абсолютно оправданы, что доказывается их результатами. Если, способствуя выживанию Северо-Восточной Руси в условиях внешней агрессии, сохранению ее экономического и культурного потенциала, князь попутно смог укрепить и личную власть, это лишь характеризует его как талантливого государственного деятеля и мудрого политика. Роль же Александра в сохранении позиций рус-

ской православной церкви, в усилении ее влияния как в русских землях, так и за их пределами, не подвергается сомнению. Альтернативный вариант политического поведения, как в случае с Даниилом Галицким, не принес Галицко-Волынскому княжеству искомой самостоятельности и стабильности. Кроме того, он привел к утрате духовных основ самоидентификации населения Юго-Западной Руси, а в конечном итоге – к потере государственной и национальной независимости Галицко-Волынских земель.

Глава 4. РОЛЬ ИВАНА IV ГРОЗНОГО В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ. ОПРИЧНИНА И ЕЕ ЦЕНА

Иван IV, пожалуй, является одной из ключевых фигур российской истории, деяния которой в качестве аргументов своих поступков использовали государственные деятели самого разного «оттенка». Тем сложнее говорить о роли, которую сыграл этот монарх в жизни российского общества и государства. Мнения историков часто являют собой диаметрально противоположные концепции, а суд общественности выносит взаимоисключающие приговоры.

Начать, видимо, следует с появления Ивана Васильевича на российском престоле. Отец Ивана – великий князь Василий III, по словам Иосифа Волоцкого был «всёя Русския земли государем государь». В отсутствие собственного наследника из-за бездетности первого брака с Соломонией Сабуровой Василий III запрещал своим братьям жениться. В силу чего находящиеся в их руках уделы оставались после смерти владельцев ничейными и переходили в казну. В итоге формировалась и единая государственная территория, и сильная великокняжеская власть.

Неожиданная смерть Василия III в 1533 г. привела к власти регентский совет. Состав опекунского совета, возникшего после смерти Василия III, вызывал бурные дискуссии среди историков. В работах *А. Е. Преснякова*, *С. Ф. Платонова*, *И. И. Смирнова* говорилось о двойной опеке: одной группе душеприказчиков (10 человек во главе с Шуйскими) было приказано заботиться об Иване IV, а второй – М. Ю. Захарьину, М. Л. Глинскому и И. Ю. Шигоне – о великой княгине Елене Глинской.

М. М. Кром, анализируя польско-литовские источники, также пришел к выводу о том, что опекунов было трое – М. Ю. Захарьин, М. Л. Глинский и И. Ю. Шигона-Поджегин. Их функции заключались в опеке над Еленой Глинской, они выступали в качестве гарантов политической воли Василия III. Но ведение государственных дел было поручено более широкому кругу лиц.

А. А. Зимин считал, что Василий III поручил ведение дел всей Боярской думе, а при Иване IV назначил двух опекунов – князя М. Л. Глинского и Д. Ф. Бельского. Р.Г. Скрынников выдвинул гипотезу о существовании уже в XVI веке «семибоярщины», которая возникла в 1533 г. как регентский совет при Иване IV в составе князя Андрея Старицкого и шести бояр (В. Шуйского, М. Юрьева, М. Воронцова, М. Глинского, И. Шуйского и М. Тучкова). А. Л. Юрганов считал опекунами при Иване IV Елену Глинскую, митрополита Даниила, М.Л. Глинского и Андрея Старицкого – т.е. членов великокняжеской семьи, удельных и служебных князей, митрополита, но не бояр.

После победы над удельными князьями - братьями Василия III - Юрием Ивановичем Дмитровским и Андреем Ивановичем Старицким началась борьба внутри самой придворной верхушки за право управлять страной от имени юного Ивана IV. Место «триумвирата» занял регентский совет из 5 человек во главе с В.В. Шуйским. Влияние Глинского и Бельского стало падать, а влияние Е. Глинской – расти. М. Л. Глинский, И. Ф. и С. Ф. Бельские, Б. Трубецкой, И. В. Ляцкий и другие сторонники укрепления государственного аппарата и мирных отношений с Литвой, были репрессированы. Другая группировка во главе с Шуйским (И. Ф. Овчина Телепнев-Оболенский, И. В. Шуйский, М. В. Тучков, И. Ю. Шигона и др.) стояла во внешней политике за войну с Литвой и за защиту боярских привилегий. Именно они стали союзниками Е. Глинской.

Несмотря на острую борьбу боярских группировок, правительству Елены Глинской удалось осуществить ряд важных реформ (денежную, губную), вести успешную внешнюю политику, активно заниматься градостроительством. Однако в 1538 г. Елена неожиданно скончалась и наступила эпоха «боярского правления». Основной конфликт, как и прежде, разворачивался между Шуйскими и Бельскими.

Борьба между боярскими группировками также по-разному оценивалась российскими историками. Оценки, данные «боярскому правлению» историографами конца XVIII - начала XIX в., содержали в себе монархический взгляд на историю, веру в спасительность единовластия. «Тогда как внутри России,

пользуясь младенчеством великого князя, мирские и духовные российские сановники старались каждый честолюбие свое удовлетворить,- писал *М. М. Щербатов*,- разливающаяся повсюду слабость такового правления и происходящее от того неустройство ободряло врагов российских ...». *Н.М. Карамзин* вторил ему: «Среди таких волнений и беспокойств, производимых личным честолюбием бояр, правительство могло ли иметь надлежащую твердость, единство, неусыпность для внутреннего благоустройства и внешней безопасности?». Боярское правление т.о. трактовалось этими историками как личная борьба за власть.

Это обоснование было продолжено в работах *В. О. Ключевского*, *С. Ф. Платонова*, а затем и советских историков. По мнению *В. О. Ключевского*, «боярские усобицы в годы малолетства Ивана IV велись «из личных или фамильных счетов, а не за какой-либо государственный порядок». В результате авторитет бояр в глазах общества упал: «Все увидели, какая анархическая сила это боярство, если оно не сдерживается сильной рукой...». *С. Ф. Платонов* писал: «Все столкновения бояр представляются результатом личной или семейной вражды, а не борьбы партий или политически организованных кружков». *В. Б. Кобрин* констатировал бесплодность всех попыток найти различия в политических программах соперничавших друг с другом боярских группировок. По его мнению, в годы «боярского правления» шла просто «беспринципная борьба за власть». С тех же позиций, что и Кобрин, подошел к оценке политической борьбы в 30-х гг. XVI в. *А. Л. Юрганов*: по его мнению, эта борьба носила характер личного и кланового противоборства. *Р. Г. Скрынников* добавлял к этому, что ожесточенная борьба за власть не сопровождалась ни феодальной анархией, ни массовыми репрессиями.

Вторая линия в оценке названных событий была предложена *С. М. Соловьевым*, который расценивал боярское правление как столкновение государственного и родового начал. После смерти Е. Глинской, писал он, «в челе управления становятся люди, не сочувствовавшие стремлениям государей московских», люди, совершенно преданные удельной старине. «В стремлении к личным целям

они разрознили свои интересы с интересом государственным, не сумели даже возвыситься до сознания сословного интереса». Своекорыстным поведением Шуйские, Бельские, Глинские лишили себя поддержки «земли» и в итоге «окончательно упрочили силу того начала, которому думали противодействовать во имя старых прав своих». Приверженцем концепции Соловьева был *И. И. Смирнов*. По его мнению, смысл боярского правления заключался в попытке княжат и бояр задержать процесс создания единого государства путем разрушения аппарата власти и управления и возрождения обычаев времен феодальной раздробленности.

Оригинальную трактовку событий «боярского правления» предложила американская исследовательница *Н. Ш. Коллманн*. Она подчеркнула определяющую роль родства и брака в московской политике: конфликты внутри элиты возникали не из-за идеологических, религиозных и т. п. разногласий, а вследствие соперничества за первенство при дворе; политические группировки формировались на основе брачно-семейных связей, отношений зависимости и покровительства. Близость ко двору, а, следовательно, и роль в принятии политических решений, зависела от степени родства с великим князем: отсюда значение государевых свадеб, которые на поколение вперед закрепляли сложившуюся расстановку сил, определяя придворную иерархию. Во время малолетства Грозного бояре в течение 15 лет не могли прийти к согласию, пока Иван IV не достиг брачного возраста и женитьбой на Анастасии Захарьиной не восстановил утраченное было равновесие.

Так в историографии возникли два различных подхода к оценке «боярского правления»: большинство историков рассматривали его как период господства временщиков, боровшихся друг с другом за власть или близость к монарху и беззастенчиво грабивших население; иной взгляд на эпоху был предложен *С. М. Соловьевым*, увидевшим за событиями 30–40-х гг. XVI в. глубинные исторические процессы.

В суждениях, высказываемых по данному поводу в новейшей литературе, эклектично соединяются старые и новые историографические представления: с

одной стороны, как положительные явления оцениваются ликвидация уделов в 1530-е гг., проведение денежной и губной реформ, поместное верстание; с другой – в вину боярским правителям ставятся расхищение земель и государственных доходов и иные злоупотребления властью (*В. Д. Назаров*), безудержный произвол временщиков, расшатывание «элементарного порядка в стране» (*В. М. Панеях*). Само «боярское правление», как и прежде, представляется в виде череды сменявших друг друга у власти «с калейдоскопической быстротой» группировок. По мнению *М.М. Крома*, «концептуальной основой для нового «прочтения» истории 30–40-х гг. XVI в. может служить понятие «политический кризис».

К середине 1540-х гг. слабость власти достигла критической черты. Государству были необходимы системные преобразования, осуществление которых взяла на себя Избранная рада. Проблема Избранной Рады в отечественной историографии также была и остается дискуссионной. Что это за учреждение, когда оно в точности возникло, каково его место в системе органов власти Руси середины XVI века – вопросы, до сих пор не нашедшие удовлетворительного разрешения, несмотря на упорное желание многих поколений историков добраться до их сути. Некоторые исследователи пошли по пути отождествления Избранной Рады с уже существующими государственными институтами. Так, еще *Н. П. Загоскин* усматривал в ней «не что иное, как государеву думу, очищенную и обновленную в своем составе». По словам *В. О. Ключевского*, «трудно разобрать, что разумел кн. Курбский под «избранной радой». Но, вероятнее всего, он «имел в виду большую думу».

Однако другие ученые (*С. В. Бахрушин, А. А. Зимин, В. М. Панеях*), в отличие от Ключевского, обнаружили в Избранной Раде полное соответствие Ближней Думе, не являвшейся институционализированным «органом государственной власти или управления». Сходным образом рассуждал об Избранной Раде и *А. Г. Кузьмин*.

Интересные соображения по вопросу о соотношении понятий Избранная Рада и Ближняя Дума привел *В. Б. Кобрин*. Имея в виду своих предшественни-

ков в деле изучения эпохи Ивана Грозного, он пишет: «Предполагали, что термином «Избранная рада» Курбский передал русский термин «Ближняя Дума», круг наиболее близких к царю бояр, с которыми он советуется постоянно. Однако источникам XVI века Ближняя дума еще не известна, она появляется только в XVII веке. Кроме того, Сильвестр, будучи священником, не мог входить ни в Боярскую думу, ни тем более в ее часть - Ближнюю. Отсюда порой делают вывод, что Сильвестр не входил в Избранную раду. Но ведь вопрос можно поставить и иначе: раз Сильвестр входил в Избранную раду, она не была Ближней думой. Ведь об участии Сильвестра в правительственной деятельности сохранилось немало известий, возникших самостоятельно, независимо друг от друга... Вполне вероятно, что этот правительственный кружок был неофициален и не имел твердого, прочного названия». Именно неформальный характер данного государственного института позволяет понять многое в его загадочной и во многом темной истории.

Отождествление Избранной Рады с Ближней Думой (тем более с большой Боярской Думой) было отвергнуто и рядом других историков. По словам *С. Ф. Платонова*, Избранная Рада формировалась постепенно за спиной Ивана Грозного, по молодости лет не занимавшегося государственными делами, «из людей, привлеченных временщиками Сильвестром и Адашевым». Историк вынужден признать, что «состав этого собрания, к сожалению, точно не известен; но ясно, что он не совпадал ни с составом думы «бояр всех», исконного государственного совета, ни с ближней думой, интимным династическим советом. Это был частный кружок, созданный временщиками для их целей и поставленный ими около царя не в виде учреждения, а как собрание «доброхотающих» друзей». Эти высказывания были созвучны тому, что говорил об Избранной Раде *Н. И. Костомаров*, усматривавший в ней подобранный Сильвестром и Адашевым «кружок людей, более других отличавшихся широким взглядом и любовью к общему делу», «кружок любимцев» Ивана IV, «кружок бояр и временщиков».

В лекциях по русской истории Платонов говорил о Сильвестре, который «собрал около царя особый круг советников, называемый обыкновенно «из-

бранною радю»... Это не была ни «ближняя дума», ни дума вообще, а особая компания бояр, объединившихся в одной цели овладеть московскою политикою и направить ее по-своему... Нет сомнения, что «избранная рада» пыталась захватить правление в свои руки и укрепить свое влияние на дела рядом постановлений и обычаев, не удобных для московских самодержцев». Историк полагал, что Избранная Рада «служила орудием не бюрократически-боярской, а удельно-княжеской политики», желая «ограничения царской власти не в пользу учреждения (думы), а в пользу известной общественной среды (княжат)». *М. К. Любавский*, как и *Платонов*, утверждал, что с «формальной стороны избранная рада, конечно, была продолжением ближней думы. Но по действительному значению своему она была далеко не то, что прежняя ближняя дума: избранная рада стала не только помогать самодержавной царской власти, но и опекать ее, ограничивать ее».

Согласно *Р. Ю. Випперу* Избранная Рада представлялась «тесным советом» при Иване Грозном. Отметив, что название Избранная Рада принадлежит кн. Курбскому, историк писал: «Ни у кого другого этого названия не встречаем; а русский эмигрант, разумеется, применяет его не даром: у него перед глазами высший совет, ограничивающий власть польского короля, «паны-рада».

Д. Н. Альшиц, обращаясь к Избранной Раде, подчеркивал, что царь Иван никогда не отождествлял ее «со своим официальным, лучше сказать традиционным «синклитом», т. е. Боярской думой или даже с Ближней думой». Довольно показательным, по Альшицу, то, что «оба полемиста - Иван Грозный и Курбский наделяют «совет», о котором у них идет речь, - Избранную раду функциями директории, фактического правительства. Поэтому точнее всего... Избранную раду правительством и называть. Это тем более верно, что в отличие от органа совещательного и законодательного - Боярской думы Избранная рада была органом, который осуществлял непосредственную исполнительную власть, формировал новый приказный аппарат и руководил этим аппаратом. Царь входил в правительство, фактически управлявшее страной в конце 40–50-х гг., и был удостоен в нем «честью председания» (по его утверждениям, лишь

номинального). Он участвовал в его работе вместе со своими «друзьями и сотрудниками» Сильвестром и Адашевым. Это важнейшее обстоятельство придавало Избранной раде характер управляющей инстанции».

Следует упомянуть еще об одной концепции Избранной Рады, основанной на толковании слова избранный в значении выборный, избранный. Еще *В. И. Сергеевич*, отвечая на вопрос, из кого состояла Рада, замечал, что в нее «входили не все думные чины, а только некоторые из них, избранные». *М. Н. Покровский*, касаясь сюжета об управлении государством «в дни молодости Грозного», говорил, что во главе этого управления «стояла не вся дума, а небольшое совещание отчасти думных, а отчасти, может быть, и недумных людей, но члены этого совещания были избраны не царем, а кем-то другим. [...] Если понимать слова Курбского буквально, то это совещание и называлось «советом выборных» - избранной радой, выборных, разумеется, от полного состава боярской думы, хотя и не всегда из этого состава. Повинуясь обстоятельствам, бояре должны были допустить сюда людей, не принадлежавших к их корпорации...».

Представления Покровского об Избранной Раде получили недавно развитие в исследовании *В. В. Шапошника*, который, как и его предшественник, полагает, будто Курбский слово избранная применяет в значении выбранная. Царь по собственному усмотрению выбирал из различных общественных групп (сословий) своих советников и вводил их в Избранную Раду, полагая, что они «будут выражать интересы различных групп - бояр, дворян и духовенства». В результате для *В. В. Шапошника* Избранная Рада стала воплощением «некой формы представительства», схожей с Земским собором. И исследователь говорит об этом вполне определенно: «Рада являлась представительным органом, своего рода моделью Земского собора...».

Если названные выше исследователи, несмотря на расхождения во взглядах на Избранную Раду, все же признавали ее реальность, то в лице *Р. Г. Скрынникова*, *И. И. Смирнова*, *А. Гробовского* и *А. И. Филюшкина* мы встречаемся с историками, подвергающими сомнению сам факт существования данного института.

Мысль С. В. Бахрушина об Избранной Раде как Ближней Думе разделял в ранней своей работе *Р. Г. Скрынников*. Однако впоследствии взгляд на Избранную Раду и ее руководителей у Скрынникова изменился. По его словам, в «отличие от Избранной рады Ближняя дума была реальным учреждением, действовавшим на протяжении многих лет». Так историк перевел Избранную Раду в разряд нереальных учреждений. Это был отнюдь не новый взгляд на ситуацию.

Еще в конце 1950-х гг. *И. И. Смирнов*, рассмотрев ряд исследований, затрагивающих проблему Избранной Рады, писал: «Обзор литературы вопроса показывает, что независимо от имеющихся у тех или иных авторов различий во взглядах на «избранную раду», ... все исследователи молчаливо признают за некую аксиому то, что «избранная рада» - это реально существовавший факт, и дело исследователя - лишь правильно понять и объяснить существо этого факта. При этом странным образом забывается о том, что, прежде чем предлагать то или иное толкование «избранной рады», следует исследовать вопрос о происхождении этого понятия».

Изучив под этим углом зрения соответствующие исторические данные, Смирнов пришел к выводу о том, что «рассказ Курбского об «избранной раде», содержащийся в «Истории о великом князе Московском» и являющийся основным источником по вопросу об «избранной раде», представляет собою образец применения Курбским своих теоретических воззрений к освещению событий политической истории Русского государства и не может быть правильно оценен вне общей теории Курбского о принципах управления государством». Концепцию Избранной Рады надлежит, следовательно, рассматривать как отражение этой теории, а самое Раду - как некий идеальный тип государственного учреждения, существующий в теории, а не в жизни».

Преподнося Избранную Раду в качестве правительства царя Ивана, Курбский мог «опираться на реальную практику управления государственными делами в Русском государстве XVI в. Этой реальной основой рассказа Курбского об «избранной раде» являлась та роль, которую играла в Русском государстве

XVI в. Боярская дума как в полном ее составе («все бояре»), так и особенно в форме «ближней думы», представляющей собой ядро наиболее приближенных к царю бояр, своего рода правящую верхушку Боярской думы».

Идеи Смирнова были восприняты английским историком *А. Н. Гробовским*, который полностью отрицал существование Избранной Рады как некоего государственного органа, считая ее историографической легендой. «Избранная рада с ее обширным составом, программами и политикой, - писал он, - не что иное, как чистый вымысел».

Пример Гробовского увлек *А. И. Филюшкина*, который, рассмотрев переписку Ивана Грозного с Курбским, а также «Историю и великом князе Московском», написанную беглым князем, пришел к выводу о том, что «история «Избранной Рады» - это политическая и историографическая легенда, сформировавшаяся на страницах переписки Грозного с Курбским. Эта легенда в большей степени отражает процессы полемики и политической борьбы в общественной мысли в 1560–1570-е гг., чем реальную историю 1550-х гг.».

Современные историки по-разному относятся к построениям Гробовского и Филюшкина. *А. П. Павлов*, например, вслед за этими исследователями серьезно сомневается «в самом факте существования особого правительства реформаторов - так называемой «Избранной Рады». Скорее всего, под «Избранной Радой» у Курбского следует понимать собирательный, литературный образ «добрых», «избранных» советников, прежде всего Адашева и Сильвестра, в противовес «злым» советникам, которые подтолкнули царя Ивана к установлению единодержавного тиранического правления».

Однако новации указанных авторов встретили критику со стороны других известных историков русского Средневековья. По словам *И. Грали*, «труд Гробовского, хотя и вызывает интерес, имеет существенные недостатки, которые серьезно ослабляют убедительность выдвинутых аргументов». *А. Л. Хорошкевич*, оценивая наблюдения Гробовского и Филюшкина в области изучения истории Избранной Рады, говорит: «Попытка современного английского историка *А. Н. Гробовского* пересмотреть вопрос о существовании Избранной рады и

преуменьшить значение Алексея Адашева, поддержанная А. И. Филюшкиным, предпринявшим чисто формальное исследование политической элиты России середины XVI в., основана на полном недоразумении, игнорировании нарративных и некоторых делопроизводственных источников». Далее она замечает: «Отрицая роль Сильвестра в государственной деятельности и его влияние на царя, А. Гробовский не использовал посольских дел. То же самое проделал и А. И. Филюшкин, формально, как и А. Н. Гробовский, рассматривающий кадровые передвижки в составе Боярской думы». Эти критические замечания И. Грали и А. Л. Хорошкевич, обращенные в адрес А. Н. Гробовского и А. И. Филюшкина, далеко не беспочвенны. По мнению *И. Я. Фроянова*, Избранная Рада нуждается в рассмотрении как неформальная и в некотором роде негласная организация лиц, объединенных общей идеей и преследующих цель «обволакивания» самодержавной власти ради реализации собственных интересов.

Думается, что дальнейшее изучение Избранной Рады должно выйти за рамки сопоставления ее (а тем более отождествления) с формальными институтами - Боярской Думой, Ближней Думой, правительством, представительными учреждениями и т. п.

Реформы, которые были осуществлены Избранной радой от имени молодого царя Ивана Васильевича, в первую очередь коснулись системы управления и суда. Был создан новый сословно-представительный орган власти – Земский собор, принят новый Судебник. Провинциальное дворянство, посадские и уездные жители получили на местах власть, более зависимую от них и в большей степени им подконтрольную (губные и земские старосты). Сформировалась система приказов как органов центральной исполнительной власти. В ходе военной реформы было создано регулярное стрелецкое войско, а служба была поставлена в жесткую зависимость от землевладения. Стоглавое уложение, касающееся церковных порядков, укрепляло церковную дисциплину, унифицировало церковную службу и обряды.

В целом реформы середины XVI века способствовали централизации управления и консолидации общества. Однако в 1565 г. в Московском государстве была учреждена Опричнина.

В историографическом предисловии к «Исследованиям по истории опричнины» С. Б. Веселовский писал: «В нашей историографии нет, кажется, вопроса, который вызывал бы большие разногласия, чем личность царя Ивана Васильевича, его политика и, в частности, его пресловутая опричнина. И замечательно, что по мере прогресса исторической науки разногласия, казалось бы, должны были уменьшиться, но в действительности наблюдается обратное».

Точка зрения дворянской историографии на опричнину как на бессмысленное порождение личной прихоти Ивана Грозного восходила к сочинениям *А. М. Курбского* и публицистов начала XVI в. – либо к прямым потомкам казненных, либо к людям, выросшим в среде болезненно помнившей опричный террор. Наиболее ярко в дореволюционной историографии эту точку зрения выразили *Н. М. Карамзин* и *В. О. Ключевский*. История опричнины резко отделялась ими от истории самодержавия, изображалась явлением, нехарактерным для царизма.

М. М. Щербатов – представитель родовитой российской аристократии и потомок опричника, считал гонения на бояр результатом самовластия Грозного, следствием низости его сердца и необоснованных подозрений против знати. *Н. М. Карамзин* взял на вооружение созданную еще политическим противником, а сначала верным воеводой царя Ивана Андреем Курбским теорию «двух Иванов»: первое время царя «доброго и нарочитого», «от Бога препрославленного», который затем «грех ради наших сопротивным обретется». Учреждение Опричного двора, по мнению Карамзина, было вызвано преувеличенным и неосновательным страхом царя Ивана за свою безопасность после смерти жены Анастасии. Когда Иван после «беспримерных ужасов тиранства» убедился в безусловной покорности подданных и в личной безопасности, он уничтожил «безумное

раздвоение» царства на земщину и опричнину и если не прекратил опал и казней, то, «по крайней мере, исчезло сие страшное имя».

Пытаясь доказать славянофильский тезис о трогательном согласии в допетровской Руси между царем и народом, представитель славянофильства *К. С. Аксаков* старался подчеркнуть, что «Иоанн нападал на лица, именно на бояр», как представителей старой дружины, изжившей себя, «выгораживая постоянно народ».

Буржуазная историография также стремилась локализовать опричнину в узких временных рамках, рассматривать ее как явление, не имевшее последствий для дальнейшей истории монархии. *В.О. Ключевский* видел причину опричнины в противоречии между абсолютным монархом и родовитым боярством. «Бояре возомнили себя властными советниками государя всея Руси в то самое время, когда этот государь, оставаясь верным воззрению удельного вотчинника, согласно с древнерусским правом пожаловал их, как дворовых слуг своих, в звание холопов государевых. Обе стороны очутились в таком неестественном отношении друг к другу, которого они, кажется, не замечали, пока оно складывалось, и с которым не знали что делать, когда его заметили. Тогда обе стороны почувствовали себя в неловком положении и не знали, как из него выйти. [...] Таким выходом из затруднения и была опричнина». Не имея возможности изменить существующий политический строй, Грозный стал истреблять отдельных подозрительных лиц (не только бояр). Это была не политическая, а династическая борьба, вызванная пугливым воображением царя. Вопрос ставился не «Как править?», а «Кому править?». Подводя итог царствованию Ивана Грозного, Ключевский писал: «Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него, но без него это устроение пошло бы легче и ровнее, чем оно шло при нем и после него: важнейшие политические вопросы были бы разрешены без тех потрясений, какие были им подготовлены».

Историки другого направления, начиная с *В. Н. Татищева*, искали реальные причины конфликта, разразившегося во второй половине XVI в. между

царской властью и ее слугами. Татищев считал, что с помощью опричнины Грозный укрепил «монархическое правление» и действовал против бунтов и измен «некоторых беспутных вельмож». Т.е. целью опричнины было упрочение самодержавной формы правления. *С. М. Соловьев* и другие представители «государственной школы» считали, что объективно деятельность Ивана Грозного была прогрессивна и направлена на укрепление централизации государства. Грозный представился Соловьеву положительным деятелем, носителем государственного «начала» в жизни его народа и противника отжившего уклада «удельно-вечевого». У Грозного была государственная программа и широкие политические цели. Внутренние реформы и внешняя политика Грозного делали его крупным историческим лицом.

В статье современника Соловьева - *К. Д. Кавелина* - Грозный был представлен «великим», предтечей Петра Великого. Иван Грозный, писал Кавелин, «хотел совершенно уничтожить вельможество и окружить себя людьми незнатными, даже низкого происхождения, но преданными, готовыми служить ему и государству без всяких задних мыслей и частных расчетов. [...] Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество, - на место рода, кровного начала, поставить в государственном управлении начало личного достоинства: мысль, которая под другими формами была осуществлена потом Петром Великим». Кавелин сокрушался о том, что Грозного погубила его среда – «тупая», «бессмысленная», «равнодушная и безучастная», лишенная «всяких духовных интересов». «Великие замыслы» Грозного были извращены в бесплодной борьбе с этой средой и сам он пал морально от своей роковой неудачи. Мысль о том, что Грозного можно сопоставить с Петром Великим получила дальнейшее развитие в работах *К. Н. Бестужева-Рюмина*. В статье «Несколько слов по поводу поэтических воспроизведений характера Ивана Грозного» параллель между «двумя нашими историческими лицами: Петром Великим и Иоанном Васильевичем Грозным» была продолжена (в частности, применительно к внешней политике правителей). По представлению автора, это – «два человека с одинаковым характером, с одинаковыми

целями, с одинаковыми почти средствами для достижения их». Главное различие было в том, что один успел в своих стремлениях, а другой – нет.

С другой стороны, вопреки Соловьеву *М. П. Погодин* отказывался признать Ивана крупным и оригинальным государственным деятелем. После 1560 г. в деятельности Ивана, по его мнению, «нет ничего, кроме казней, пыток, опал, действий разъяренного гнева, взволнованной крови, необузданной страсти», и не видно никаких государственных замыслов и планов. «Что есть в них высокого, благородного, прозорливого, государственного? Злодей, зверь, говорун-начетчик с подъяческим умом - и только. Надо же ведь, чтобы такое существо, потерявшее даже образ человеческий, не только высокий лик царский, нашло себе прославителей».

Н. И. Костомаров в боярстве XVI в. также отказывался видеть какую бы то ни было оппозицию самодержавию. Вся борьба Ивана Грозного за упрочение своей власти не имела никакого смысла, бесполезна и беспочвенна, ибо по существу никто ему не сопротивлялся, никто не роптал. «Царь Иван рубил головы, топил, жег огнем своих ближних слуг: народ не роптал, не заявлял ужаса и неудовольствия при виде множества казней, совершаемых часто всенародно». «Учреждение опричнины, по мнению Костомарова, очевидно, было таким чудовищным орудием деморализации народа русского, с которым едва ли что-нибудь другое в его истории могло сравниться». *Д. И. Иловайский* также писал, что так называемая «некоторыми писателями борьба Иоанна с боярским сословием в сущности никакой действительной борьбы не представляет, ибо мы не видим никакого серьезного противодействия неограниченному произволу тирана со стороны сего сословия».

С. Ф. Платонов одним из первых в отечественной истории выдвинул идею о том, что опричнина была направлена именно против боярства, мешающего окончательному объединению государства и выдвижению на первый план новой социальной опоры Московского государства – дворянства и горожан. Опричнина «сокрушила землевладение знати в том его виде, как оно существовало из старины», «в опричнине... произошел полный разгром удельной ари-

стократии». Однако Платонов полагал, что Иван IV для достижения своей цели выбрал неподходящие средства. «Цель опричнины - ослабление родовой аристократии - могла быть достигнута и менее сложными путями. Средство, которое применил Грозный, оказалось также действенным, но оно привело не к уничтожению родовой знати, но к целому ряду других последствий, которых Грозный вряд ли желал и ожидал».

Н. П. Павлов-Сильванский считал опричнину важным историческим событием в переходном времени от феодализма к сословной монархии, «знаменующим торжество государственного порядка». Вслед за Павловым-Сильванским ограничивал период феодализма на Руси серединой XVI в. и *Н. А. Рожков*. Так как Рожков считал, что боярство определенно имело «тенденцию к политическому ограничению царской власти», то «опричнина Ивана Грозного сыграла роль первой решительной попытки уничтожить политические притязания боярства, и что в общем и целом политика правительства до конца века шла по той же стезе, т. е. в духе ограничения боярских притязаний в интересах дворянской массы». Возражая В. О. Ключевскому, Н. А. Рожков писал, что «опричнина была орудием не только личной, но и политической борьбы, не только губила людей, но и уничтожала враждебные самодержавию и дворянскому господству порядки».

Советские историки также не дали в отношении опричнины однозначных оценок. Мнения разнились в отношении причин и целей опричнины, ее продолжительности. Однако, по сравнению с досоветской исторической наукой, в советской историографии было гораздо меньше творческой мысли. Как правило, все подчинялось «генеральной линии» партии и государства, которая и направляла изыскания ученых. В рамках советской историографии можно выделить три этапа, каждый из которых характеризовался однообразной оценкой исторической роли Ивана Грозного.

Первый период продолжался приблизительно с середины 20-х до середины 30-х гг., второй – с середины 30-х гг. до 1956 г. Третий период продолжался от начала хрущевской «оттепели» до конца 80-х гг.

Книга *Роберта Виппера* вышла в свет еще до начала первого этапа советской историографии. Находясь в эмиграции, автор исходил из окружающей его реальности – разрухи, анархии и хаоса, в которые Россия была ввергнута ненавистной ему большевистской революцией. Виппер направлял всю свою кипящую ненависть на либералов прошлого века, отвергших идею грозной власти, и мечтал о твердой руке, способной остановить разрушителей империи. Исследователь уверял, что Иван не был жестоким тираном. Более того, он был слишком милосердным и гораздо больше, чем следовало, доверял своему окружению и своим советникам. Опричнина же, по мнению историка, была необходима из-за крайне сложной военной ситуации в стране. По его словам, судьба Ивана IV – «настоящая трагедия героического воителя, который проиграл по независящим от него обстоятельствам, причем бросил на весы счастья все свое достояние и вместе с потерей вновь приобретенной территории пошатнул основы только что построенной державы своей».

Под пером *М. Н. Покровского* Иван Грозный превратился в лидера демократической революции. Опричнина, по мнению историка, была «дворянской революцией», результатом борьбы за землю и крестьян между различными группами господствующего класса. Целью опричнины был подрыв основ экономической и политической стабильности боярства. Царская диктатура являлась формой господства дворян и купечества. На развалинах разрушающейся крупной вотчины утверждалось прогрессивное помещичье хозяйство, более тесно связанное с рынком: «Экспроприруя богатого боярина-вотчинника в пользу мелкопоместного дворянина, опричнина шла по линии естественного экономического развития, а не против него».

В трактовке *М. В. Нечкиной*, «царствование Ивана IV падает на эпоху, характеризующуюся возникновением социально-хозяйственных отношений новой формы феодализма – крепостничества». Социальный смысл опричнины заключался в ликвидации боярства как класса и растворение его в среде мелких земельных феодалов. Однако Нечкина воздержалась от суждений о самом государе. С одной стороны, пролетарские историки сочувствовали политике уни-

чтожения аристократии, но с другой – слова похвалы в адрес создателя крепостного права и эксплуататора трудящегося класса застревают у них в горле.

К 1935 г. стало ясно, что управление СССР сконцентрировалось в руках единоличного правителя, достигшего непредставимой доселе власти над своими подданными. Сталин начал повсеместно продвигать идею необходимости создания сильного государства под властью одного вождя, вместо постепенно отмирающего государства, управляемого партией. Новая идеология нуждалась в идеологической укорененности. Фигура Ивана Грозного в этих обстоятельствах не могла остаться забытой.

Сталин считал Ивана IV «великим и мудрым правителем, который ограждал страну от проникновения иностранного влияния и стремился объединить Россию ...». Опричнина была прогрессивна, а «руководитель опричнины Малюта Скуратов был крупным русским военачальником, героически павшим в борьбе с Ливонией». Одна из ошибок Грозного заключалась лишь в том, что он в ходе опричнины «не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами, - если бы он это сделал, то на Руси не было бы Смутного времени ...». В связи с этим, историкам предстояло дать положительную оценку опричным мероприятиям царя. Опричнина стала рассматриваться, прежде всего, как политика, направленная против оппозиционного боярства, имеющая целью централизацию власти в государстве.

В 1939 г. отдельной брошюрой вышла лекция преподавателя МГУ *Б. Г. Верховеня* на тему «Россия в царствование Ивана Грозного», где опричнина была названа прогрессивной политикой «установления государственного порядка в удельном беспорядке» Автор уверял, что «измена действительно гнездилась среди бояр. Жестокая расправа с изменниками была совершенно необходима и правильна. Изменников нужно было истреблять, чтобы создать и укрепить мощное централизованное государство».

В 1942 и 1944 гг. была переиздана книга *Р. Ю. Виппера*, вернувшегося к тому времени в Россию после 20-летней латвийской эмиграции. В ней выясня-

лось, что устройство русского государства в XVI в. было самым прогрессивным в мире, светская интеллектуальная жизнь Московской Руси XVI в. была куда более мощной, чем все философские школы европейского Ренессанса и Реформации, образование в Московии было несравненно лучше европейского и т.д. Опричнина по-прежнему называлась «не только взрывом мести против действительных и мнимых изменников, это была также военная реформа, вызванная опытом» Ливонской войны, «продолжением реформ 1550-х гг.». Виппер искал аналогии между Иваном IV и коммунистами, развивая тезис о «демократической монархии в России XVI в., основанной на отсутствии сословий, корпораций и крепостного права».

С. В. Бахрушин был более сдержан в своих похвалах Ивану Грозному. Но в главном, по мнению историка, Грозный был стопроцентно прав – ему приходилось действовать в чрезвычайно сложных обстоятельствах, он один боролся против сонма реакционных сил, тормозивших прогрессивный процесс централизации Русского государства. Опричнина была гениальным выходом из безвыходного положения. «Кровавая картина расправ с ослушниками и изменниками заслоняла положительный момент жестокой по форме, но по существу целесообразной реформы... Опричнина представляется нам как момент созидания единого централизованного национального государства, как неизбежный этап в борьбе за абсолютизм... Она должна была вырвать с корнем все пережитки феодальной раздробленности, сделать невозможным даже частичный возврат к ней и тем самым обеспечить военную оборону страны». Прогрессивности опричнины соответствовал и образ Ивана IV – «талантливого и умного», образованного человека, блестящего оратора и государственного деятеля.

Абсолютно другую оценку Ивану Грозному давал в своих работах *С. Б. Веселовский*. В конце 1940-х годов он работал над «Очерками по истории опричнины», которые полностью расходились с принятыми тогда в исторической науке трактовками этого периода российской истории (книга писалась «в стол» и была опубликована только после его смерти). По мнению историка, Иван IV был трус, покинувший Москву в момент нападения крымского хана в

1571 г., «подвижный к ярости» и окруженный ненавистью подданных, ликвидировавший правый суд, но не умевший предвидеть будущего из-за «чрезмерно живого воображения». Исследователь доказывал, что в опричнину вошли преимущественно уезды с развитым поместным землевладением, в которых почти вовсе не было наследственных княжеских вотчин. Представление, будто опричные меры были направлены против крупных феодалов, бояр и княжат, С. Б. Веселовский отверг как устаревший предрассудок.

Опричнина у Веселовского – это конфликт царя с двором – правящей верхушкой служилых землевладельцев. В результате опричнины был создан новый опричный двор, «в котором он рассчитывал быть полным хозяином». Террор опричнины был направлен не только на бояр, но и на дворян, и на низшие слои населения. Веселовский отрицал правдивость показаний немецких авторов Иоганна Таубе, Элерта Крузе и Генриха Штадена, будто царь набирал опричников из худородных и простых людей. По его словам, «командная верхушка опричного двора в генеалогическом отношении была ничуть не ниже титулованного и нетитулованного дворянства старого государева двора ». Хрущевская либерализация конца 50-х - начала 60-х годов сделала возможной публикацию этой работы С. Б. Веселовского, причем появление этой монографии было для российской интеллигенции одним из наиболее показательных признаков десталинизации.

В 1956 г. *С. Н. Дубровский* в докладе «Против идеализации деятельности Ивана IV» призвал ученых к более глубокому изучению источников, пересмотру исторических оценок. Он считал, что Иван IV был царем помещиков-крепостников, осуществлявших свою диктатуру. Война, которую царь вел против феодальной раздробленности, не имела никакого отношения к реальности. Опричнина не была даже направлена в первую очередь против бояр, но была, скорее, особой формой насилия помещиков-крепостников против крестьян. «Опричнина – это прежде всего чистка земель под крепостничество, важный этап в подготовке условий массового закрепощения крестьян». Только вторичной ее целью было ослабление боярства и укрепление царского самодержавия.

Частичная реабилитация Сталина и сталинизма в годы правления Л.И. Брежнева привела к куда более «сбалансированной» трактовке как самой опричнины, так и всего времени правления Ивана IV. Резко отрицательная оценка роли Грозного в русской истории была отставлена, и победил взгляд, считавший, что, несмотря на многие издержки, политика Грозного (в частности, репрессии, которые он обрушил на знать) была разумной и необходимой. Так, *А. А. Зимин* и *Л. В. Черепнин* соглашались с ранее высказанной мыслью о прогрессивности опричнины и ее продворянском характере. *Зимин* усмотрел прогрессивность опричнины в развитии приказного управления. Он же обратил внимание на связь опричнины с войнами, которые вела Россия. Это была борьба против феодальных пережитков, против сепаратизма Новгорода, Старицкого княжества, церкви и ряда крупных феодалов, не имеющая антикняжеской и антибоярской направленности. Деспотизм и жестокость, с которыми проводилась опричнина, были характерны для средневековья вообще. В какой-то мере опричнина отвечала интересам горожан и крестьянства, страдающих от феодальных междоусобиц. По мнению *Черепнина*, опричнина явилась на новом этапе оружием борьбы крепнущего самодержавия против феодальной знати, не завершённой во время феодальной войны, несмотря на победу великокняжеской власти. Кроме того, опричнина была направлена на парализацию массовых выступлений крестьянства. Тенденции к новой реабилитации Ивана Грозного в данном случае проявили себя достаточно ярко.

На позициях критики опричной политики стоял *В. Б. Кобрин*, для которого негативное отношение к личности Ивана Грозного было увязано с фактическим отрицанием прогрессивного характера русского централизованного государства, в том смысле, что была, как кажется историку, альтернатива формированию монархии в виде быстрого сближения с Западом и развития России по западной цивилизационной модели. Историку также считал, что царь с помощью опричнины боролся за безграничную власть, за абсолютный произвол над подданными. *Р. Г. Скрынников* считал опричнину непоследовательной политикой, избавившей Грозного от опеки аристократической Боярской думы. Т.о., в чем-

то Скрынников продолжал версию Веселовского. Царь получил неограниченное право подвергать опале подданных и проводить земельные конфискации без согласия крупных феодалов.

Д. Н. Альшиц целью опричнины считал утверждение самодержавия, что являлось своеобразным возвратом к позиции В.Н. Татищева. В ходе опричнины, по мнению Альшица, в России установился абсолютизм. По мнению Альшица, ограничить власть самодержца стремились не только знать, но и дворянство, и верхи посада, и церковь, что противоречило идеям Скрынникова, рассуждающего исключительно о властном конфликте монарха с аристократией. В объединении этих сил таилась большая и вполне реальная опасность для единовластия Грозного, противостоять которой самодержавие не могло без инструмента принуждения, возникшего в виде опричнины. Таким образом, по мнению историка, опричнина явилась «конкретно-исторической формой объективного исторического процесса». Опричнина консолидировала класс феодалов путем подчинения интересов всех его прослоек «интересам самого большого и могущественного его слоя - служилых людей, помещиков».

Историческая наука в России 1990-2010-х гг. получила значительно большую свободу самовыражения. Исчезли заданные концепции, появились возможности для исследования опричнины с ранее неохваченных позиций. В работах последнего времени по-прежнему подчеркивается противоречивость эпохи и личности Ивана IV, его беспрецедентная жестокость, разрушительные последствия его правления для дальнейших судеб страны.

Так, *Б. Н. Флоря* затрудняется дать однозначную оценку деятельности царя, подчеркивая, вместе с тем, что, благодаря его вмешательству, был прерван наметившийся в России процесс формирования «сословного общества», а государственная власть приобрела столь широкие полномочия, какими она не обладала ни в одной из стран средневековой Европы. Историк выражает сомнение в существовании тех заговоров, которые Иван IV подавлял с такой жестокостью, что привело к многочисленным кровавым жертвам и разорению всей страны, сделав ее неспособной отразить наступление противников.

А. Н. Боханов в книге «Царь Иоанн IV Грозный» выступает апологетом и защитником государя. Автор, шаг за шагом, исследует историю нападок на Иоанна, доказывая, что подавляющее большинство обвинений исходило от иностранцев, ненавидевших Россию и не желавших ей славы, или же - от предателя Андрея Курбского. Книга Боханова - это объемный и величественный портрет государя, вдвое увеличившего территорию своей страны, сделавшего свое государство одним из самых сильных в мире, а Церковь Русскую поднявшего на новую высоту. Талантливый политик, полководец, дипломат, писатель, вдохновленный молитвенник, но и беспощадный казнитель врагов Отечества — вот каким предстает пред нами Иоанн в книге Боханова.

Наряду с анализом опричных мероприятий в политическом контексте, появились и альтернативные работы. Интересную точку зрения высказал *А. Л. Юрганов*, который назвал опричнину явлением религиозного характера. Опричные казни, по его мнению, были своеобразным русским чистилищем перед Страшным Судом: «Царь добивался полновластия как исполнитель воли Божьей по наказанию человеческого греха и утверждению истинного «благочестия» не только во спасение собственной души, но и тех грешников, которых он обрекал на смерть».

В одной из последних работ, посвященных Ивану Грозному, принадлежащей перу *А. Л. Дворкина*, утверждается, что «опричнина была монашеским орденом (хотя и совсем особого рода), созданным (а точнее синтезированным) Иваном IV по образцу более или менее известных ... западных духовных орденов — как чисто монашеских (орден Св. Доминика, Общество Иисуса), так и смешанного типа (рыцарские ордена)». Грозный хотел «соединить в своем лице обе власти, духовную и светскую. Он видел себя во главе идеального «монастыря», каким представлялось ему государство, от века предназначенное быть высшей ценностью и конечной целью человеческой истории...».

За опричнину стране пришлось дорого заплатить. Бегство населения из районов, охваченных опричными репрессиями, привело к сильнейшему экономическому кризису. Страна потерпела поражение в Ливонской войне. Произо-

шла общая деморализация общества, стал явно заметен рост эсхатологических настроений. Обострились уже имеющиеся к тому времени социальные противоречия (между феодалами и крестьянами, между боярством и дворянством). Социальные проблемы привели к постепенному ужесточению крепостнического законодательства в 1581-1582 гг. были введены заповедные лета.

В то же время, как это случается в России, социальный кризис сопровождался усилением государственных структур. Сохранившиеся до того времени пережитки феодальной раздробленности (последние удельные княжества, новгородский сепаратизм) были окончательно уничтожены. Увеличился фонд государственных земель, что повлекло за собой рост поместного землевладения. Был осуществлен новый виток централизации власти, позволивший сосредоточить в одних руках все имевшиеся в стране ресурсы. Произошло складывание самодержавия, что в государственном масштабе было гораздо благоприятнее, нежели боярское правление.

При всём разнообразии историографических концепций правления Ивана Грозного все они сводимы к двум основным направлениям - дискредитирующему и апологетическому. Такое деление не случайно: в основе каждого из этих направлений лежит наиболее общее представление историков о сущности и смысле русской истории и соответственно о критериях оценки исторических личностей; соответственно, и аксиоматика каждого из этих направлений глубоко различна. В основе первого взгляда - оценка Ивана Грозного с точки зрения общечеловеческой нравственности и морали, в основе второй - оценка его и его правления с точки зрения территориальных и иных достижений, осуществленных при нем. Вторая точка зрения не только неизбежно приписывает успехи, достигнутые Россией, личности её монарха, но, что более важно, сводима к другой нравственной системе - назовем её государственной. Успехи России являются абсолютным благом вне зависимости от тех средств, коими они достигнуты.

Глава 5. ПОПЫТКИ ОГРАНИЧЕНИЯ ВЛАСТИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД СМУТЫ И В ЭПОХУ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ, ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ ЭТИХ ПОПЫТОК

Был в нашей новейшей истории период, когда среди «власть имущих» считалось хорошим тоном сосредотачивать внимание на молодости российской конституции 1993 года именно как показателе неразвитости российского конституционного процесса по сравнению с аналогичными процессами в странах т.н. «развитой демократии». Даже в учебных пособиях для учителей можно было найти выводы о некоей ущербности российского конституционного процесса по сравнению с западным. Эти выводы были основаны не на результатах каких-либо научных исследований, а лишь на определенной идеологии, которая настаивала на отсутствии преемственности государственно-правового развития между Российской Федерацией и ее историческими предшественниками – Советским Союзом, Российской империей, Московским царством. И в таком ракурсе конституционный опыт новой России действительно выглядел ущербным и смехотворно незначительным.

Сегодня ситуация меняется. Российское общество и государство ощущает острый дефицит преемственности исторического развития и отказывается от практики слепого следования зарубежным образцам и преклонения перед ними. Этот поворот сопровождается обращением к научному опыту осмысления развития и современного состояния нашей страны. Российский конституционный процесс с трудом укладывается в линейную перспективу развития. Он имеет свои взлеты и падения, свои периоды прогрессивной эволюции и регресса, свои реформаторские планы и неудачные попытки их воплощения на практике. Современное конституционное развитие России является составной частью политико-правовых реформ и модернизации российского общества и государства на протяжении по меньшей мере четырех веков. Попытки ограничения власти главы государства в период Смуты и в «эпоху дворцовых переворотов» представ-

ляются важнейшими вехами этого процесса в дореволюционную (до 1905 года) эпоху.

В последние годы в российской политологии и юриспруденции были заложены теоретические основы обновленной науки конституционного права. Целая серия соответствующих изысканий была проведена такими ведущими отечественными специалистами, как *С.А. Авакьян, К.В. Арановский, экс-председатель КС М.В. Баглай, Е.И. Козлова, О.Е. Кутафина, В.С. Нерсисянц, В.И. Чиркин* и др. Интегральным обобщением достигнутых результатов стала теория конституционных циклов, выработанная доктором философских наук *Андреем Николаевичем Медушевским*. Эта теория сегодня нашла прочное признание в ведущих научных кругах, соответствующие работы ученого были удостоены Медали РАН. Все это дает нам объективные основания сосредоточиться именно на данном подходе.

Проблема конституционных циклов будет понятнее, если мы определим, как понимать конституционализм. Это понятие отличается от конституции в юридическом смысле слова. Речь не идет только о тексте основного закона и об институтах, которые существуют на его основе. Речь идет о конституционном движении, представленном социальными элементами, которые выступают за ограничение абсолютной монархической или диктаторской власти. Иными словами, в своем широком понимании термин «конституционализм» не предполагает в обязательном порядке наличия конституции (и, соответственно, борьбы за принятие Основного закона). Но: конституционализм обязательно предполагает организацию государства (в первую очередь, верховной власти) в соответствии с принципом подчинения Закону, а не личным прихотям, с установлением контроля за исполнением этого принципа со стороны относительно независимого от верховной власти органа власти.

Среди прочего, этот подход позволяет существенно расширить хронологические рамки российского конституционализма, видеть его происхождение не только в XX веке, но отнести его историю к более древним временам; позволяет говорить о глубоких исторических корнях того цивилизационного выбора,

который сделала «новая Россия». Именно эта мысль сегодня как никогда актуальна, и необходимо ее внедрение и закрепление в сознании школьников.

Каждый большой конституционный цикл включает три основных фазы. Они напоминают гегелевскую триаду (тезис – антитезис – противоречие). Это деконституционализация – ослабление легитимности и отказ от предшествующего основного закона, а это не всегда конституция (не всегда писанный закон), это конституционализм в старом понимании смысла этого слова, как устройство государства, отказ от одной стабильности, критика этой стабильности с позиций нового конституционного идеала. Это затем собственно конституционализация – принятие нового основного закона и распространение ее норм на отраслевое право. И третья фаза конституционного цикла – реконституционализация: это сложный процесс согласования нового основного закона или новых конституционных установлений с реальностью, которые на практике могут привести к тому, что эти конституционные идеалы испытывают процесс эрозии, и ситуация возвращается к периоду до начала конституционного цикла (возврат, конечно, может быть частичным). Тогда возникают предпосылки для следующего конституционного цикла.

Таким образом, полный конституционный цикл в каком-то смысле означает возвращение к исходной точке, с которой началось движение. Речь идет, разумеется, не о простом повторении (которое в истории в принципе невозможно), но о стадийном сходстве. Это спираль, а не замкнутый круг.

В чем источник данной динамики? Это конфликт между правом и социальной реальностью. Именно развитием этого конфликта и определяется логика смены фаз цикла, причем последующие комбинации в известной мере определяются предыдущими. Первая фаза конституционного цикла предполагает резкое падение эффективности старой правовой нормы, вторая связана с поиском выхода из этой ситуации, а третья означает корректировку завышенных конституционных ожиданий.

Теория конституционных циклов оперирует рядом новых понятий, базовые из которых нужно охарактеризовать. Это реальный конституционализм, номи-

нальный и мнимый. Что касается реального конституционализма, то здесь все понятно. Если в Конституции зафиксированы какие-то права и Вы можете отстаивать их в суде, то Конституция работает. Если говорить о номинальном конституционализме, то это фактически конституции только по названию, только по имени, они камуфлируют реальную власть. Так, во всех советских конституциях, за исключением последней 1977 года, вообще не фигурировала Компартия, которая и являлась реальной властью. И в этом смысле это был номинальный конституционализм. Что же касается мнимого конституционализма, то это ситуация переходного периода, когда конституция есть, она реальна, но существуют большие изъятия из нее в пользу исполнительной власти, и существует возможность ее интерпретации в пользу политического лидера. То есть конституция не превращена в чисто идеологический символ, но принятие наиболее важных политических решений выведено из сферы конституционного контроля (за счет сохранения пробелов и противоречий в конституции, а также за счет наделения главы государства чрезвычайно большим объемом полномочий).

Как хорошо видно из этой предложенной базовой терминологии, теория конституционных циклов, хотя и признает важность конституции (то есть системы правовых норм высшего порядка) как сильного рычага в направлении развития правового государства, но не идеализирует сам факт принятия конституционных актов, а исходит из необходимости оценивать конкретно-историческое наполнение конституций. Как и всякий объект реальности, Конституция должна восприниматься нами в ее практическом воплощении. И такой подход не может не импонировать, особенно историку.

Первый крупный конституционный цикл относится к периоду с середины XVI-го до середины XVII-го века. Второй охватывает период с 1730 по 1907 г. Третий цикл – это период от Февраля 1917 года и вплоть до горбачевской «перестройки». В четвертый конституционный цикл, который еще не закончился, Россия вступила в 1980-х гг.

Вот и перейдем теперь от изложения современной теории конституционализма к ее реализации в историческом опыте России – на примере Смутного времени и «эпохи дворцовых переворотов». В логике конституционных циклов это первый и второй циклы конституционного развития нашего Отечества.

Первый конституционный цикл (сер. XVI – сер. XVII вв.).

Основной конфликт этого периода – это конфликт между боярской аристократией и неограниченной монархией. Конфликт этот относится к периоду установления самодержавия, фактически к периоду Ивана III, когда представители знатных боярских родов были инкорпорированы в Думу. Это титулованная знать. Они стремились отстоять свои права, свои привилегии по отношению к усиливающейся монархической власти. И поэтому они активно выступали за ограничение монархической власти. С точки зрения теории конституционных циклов, до тех пор, пока эти попытки сводились только лишь к заговорам и стремлению поставить на престол более лояльную кандидатуру, к развитию конституционализма они не имели отношения.

Однако настал в истории России и такой момент, когда аристократическая оппозиция усилению царской власти начала обосновывать свои притязания с идеологических позиций. И вот тогда Россия вступила в первую фазу цикла – фазу публичного сомнения в легитимности существующего порядка и обосновании необходимости введения иных «правил игры». Мы говорим о выступлении князя Курбского, бежавшего в 1565 г. в Литву и оттуда инициировавшему переписку с Иваном Грозным. Именно в письмах Курбского впервые в русской истории был сформулирован своеобразный «конституционный проект» ограничения самодержавия [кому-то может показаться, что употребление такой характеристики слишком смело; не вступая в дискуссию по этому вопросу, отмечу лишь, что переписку Курбского именно этими словами оценил бывший директор ИРИ РАН, чл.-корр. *А.Н. Сахаров*].

Напомню, что суть требований Курбского сводилась к требованию гарантий от нарушения властью человеческих свобод (установленных в Библии) и обязательного привлечения царем к управлению страной русской аристократии.

Эти идеи Курбского, как мне кажется, могут быть сопоставлены с идеями монархомахов, гугенотов, которые тогда же, в XVI веке, выступили во Франции с критикой королевского абсолютизма. Конечно, можно скептически оценивать уровень требований Курбского, безусловно, они не выходили за рамки феодального миропонимания. Но ведь важно иметь в виду не абстрактные модели борьбы за права человека, демократию, гражданское общество, а вполне конкретные попытки в условиях жестокой российской деспотии XV - XVI вв. добиться хотя бы некоторого цивилизационного сдвига. И в этом смысле и Адашев, и Сильвестр, и другие члены Избранной Рады, и, конечно же, Курбский оказались на гребне тогдашнего средневекового, невероятно ограниченного конституционализма. Мужающее российское самодержавие, имевшее глубокие корни в самом российском обществе, беспощадно смяло эти единичные и робкие попытки. Однако появление политической альтернативы было заявлено. Хочу еще раз подчеркнуть, что с точки зрения современной науки явление деятелей Избранной рады, Курбского нельзя оценивать как эскапады самолюбивых сподвижников царя или личную обиду видного аристократа. Нет, это начинался первый конституционный цикл развития нашей страны. Это была попытка утвердить власть на прочных основаниях закона.

И далее в этом же цикле, но уже в его следующей, активной фазе, которая относится к периоду Смутного времени, возникают элементы договорных теорий, которые выражаются в попытках связать монарха определенными договоренностями, попытки ограничения монархической власти договором в пользу Земского собора и Боярской Думы. Здесь в первую очередь нужно отметить договор бояр с князем Шуйским в 1606 году – знаменитую «крестоцеловальную запись», которую еще Чичерин сравнивал с Великой хартией вольностей. После свержения Лжедмитрия I, 19 мая 1606 г. сторонниками В. Шуйского был созван импровизированный Земский собор, на котором, как позднее утверждали противники нового монарха, Василий Иванович был «выкрикнут» царем. Сам Шуйский не особенно заботился о соблюдении всех тонкостей для волеизъявления «всей земли». Его более беспокоила позиция Боярской думы. Чтобы при-

влечь ее, новый царь пошел навстречу притязаниям аристократии, давно мечтавшей огородить себя от самодержавного произвола целым рядом обязательств, которые возлагал на себя монарх. Шуйский дал *крестоцеловальную запись*, которую публично озвучил. Запись начинается с утверждения, что новый правитель взошел на престол по праву наследования, поскольку он является потомком Рюрика, Александра Невского и суздальских князей. Так как он желал принести мир и «благоденство» в свое государство, он обещал судить своих подданных справедливо и честно и защищать их «от всякого насилия». В частности, он обещал не выносить смертного приговора родственникам обвиненного в преступлении и не конфисковывать их имущество без надлежащего суда с участием царя и Боярской думы («не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими»), В этом документе подразумевается, но не утверждается явно, что главный обвиняемый может рассчитывать на законное судебное разбирательство. Иными словами, царем было взято обязательство решать спорные вопросы законным судом, а не личным произвольным решением. Шуйский распространил те же гарантии на купцов и торговцев («также у гостей и у торговых людей») и их семьи. И, наконец, он дал твердое обязательство разоблачать и наказывать клеветников.

Можно ли расценивать этот факт как единичный, случайный эпизод в политическом развитии России того периода? Нет, нельзя. Ведь Смутное время дало регулярное повторение этой ситуации – еще как минимум 2 раза: я говорю о двух соглашениях бояр с польским королем о призвании на московский трон его сына королевича Владислава. Они повторяли основные пункты крестоцеловальной записи. Кроме того, существует важное историческое свидетельство о том, что и воцарение Михаила Романова сопровождалось подписанием такого рода документа. Хотя он не сохранился, но свидетельства об этом мы можем найти, например, в сочинении *Г.Котошихина* – важном историческом источнике того периода. Таким образом, в начале XVII века в России на практике было реализовано ограничение верховной власти в пользу закона.

Интерес к крестоцеловальной записи и к аналогичным записям, о которых было сказано выше, в исторической науке появился еще в XIX веке. Вы должны знать, что в итоге сформировалось три основных мнения. *С.М. Соловьев* почитал эти записи временными мерами, не имевшими длительного значения. *В.О. Ключевский* сформулировал концепцию, которая сейчас доминирует в науке, - с его точки зрения, записи были серьезными попытками ограничения свободы действий царя в пользу боярства и Земского собора. Наконец, *С.Ф. Платонов* считал, что записи лишь подтверждали уже сложившуюся в государстве практику и ничего нового поэтому в себе не несли.

Третья фаза этого конституционного цикла (откат назад) относится к периоду от окончания Смуты до постепенного угасания Земских соборов, последним из которых, по всей видимости, был собор 1653 года. Это был весьма яркий период взаимодействия Власти и Общества по многим насущным вопросам развития страны. Однако по мере укрепления молодой династии Романовых нужда в земских соборах становилась все меньше, в политической практике возобладали иные механизмы управления. После отмирания земских соборов конституционный процесс временно замирает, тенденция становления абсолютизма становится доминирующей. И это ни в коем случае не укор нашим далеким предкам, ведь так произошло не только в одной России. Нет, на том этапе абсолютизм стал ведущей практикой всех мировых держав без исключения.

Второй конституционный цикл (1730-1907 гг.).

В послепетровский период, уже в условиях окончательного утверждения абсолютизма, в России снова стали появляться конституционные проекты ограничения монархической власти. Эта первая фаза второго конституционного цикла была достаточно длительной, вплоть до революционных событий 1905 года. Длительность этой подготовительной фазы как раз и объясняется тем, что речь шла о создании и попытках внедрения конституционных ограничений в условиях жестко авторитарного, абсолютистского государства. За эти почти что два века исторический опыт России обогатился целой плеядой конституционных проектов.

Первый и самый известный среди них – т.н. «*кондиции*», условия, выдвинутые в 1730 г. членами Верховного тайного совета и принятые Анной Иоанновной. Разберем этот феномен подробнее.

Ночь с 18 на 19 января 1730 года для многих в Москве была бессонной. Умер русский самодержец император Петр II Алексеевич. Умер не просто император, четырнадцатилетний мальчик, которому бы жить и жить, умер последний прямой потомок мужской ветви династии Романовых, восходящей к основателю и первому царю династии Михаилу Федоровичу. Умер правнук царя Алексея Михайловича, внук Петра Великого, сын царевича Алексея. В русской истории уже не раз бывало, что после смерти государя, не оставившего прямого наследника, ужас междоусобия надвигался на страну. Петр II не оставил ни наследников, ни завещания.

Вставал вопрос: кто придет к власти? Будут ли это потомки Петра I от брака с Екатериной I: его двадцатилетняя дочь Елизавета Петровна или двухлетний внук Карл Петер Ульрих — сын тогда уже покойной Анны Петровны и герцога Голштинского Карла Фридриха? А может быть, как после смерти последнего царя из древней династии Рюриковичей, на престоле окажется новая династия? Именно об этом страстно мечтали князья Долгорукие. Они тоже принадлежали к Рюриковичам, хотя и к их побочной ветви, и почти всегда были в тени. Лишь в короткое царствование Петра II они, благодаря фавору Ивана Долгорукого, выдвинулись на первые роли в государстве и достигли многого: богатства, власти, высших чинов. Ими было составлено подложное завещание, которое решили огласить, как только Петр II умрет. Согласно этому завещанию, царь якобы передавал престол своей невесте, княжне Екатерине Алексеевне Долгорукой.

Тотчас после смерти Петра II собрался Верховный тайный совет (ВТС). Двое из семерых были из клана Голицыных, еще четверо — из клана Долгоруких. Как только началось совещание, князь Алексей Долгорукий выложил на стол «завещание» Петра II. Но замысел этот тотчас провалился. Несостоявшегося царского тестя не поддержали ни Голицыны, ни даже фельдмаршал Дол-

горукий, чье слово военачальника было очень весомо. Неминуемо назревавший скандал был прерван неожиданным образом. Слово взял самый авторитетный и умудренный жизненным опытом член Совета — Дмитрий Михайлович Голицын. Отметая династические претензии Долгоруких, он сказал, что «нужно выбрать из прославленной семьи Романовых и никакой другой. Поскольку мужская линия этого дома полностью прервалась в лице Петра II, нам ничего не остается, как обратиться к женской линии и... выбрать одну из дочерей царя Ивана».

Иван V - старший брат и соправитель Петра Великого в 1682-1696 годах — оставил после себя трех дочерей: Екатерину, герцогиню Мекленбургскую, Анну, герцогиню Курляндскую, и Прасковью, царевну. Голицын предложил в императрицы среднюю — Анну. Анна была полным нулем в придворных расчетах группировок, ее никто не опасался, наоборот — все надеялись извлечь из ее воцарения немалую для себя пользу. Далее князь Голицын предложил ограничить власть новой государыни в пользу Верховного тайного совета. Он предложил закрепить ограничение царской власти особыми условиями — «кондициями», которые должна была подписать новая государыня.

Содержание Кондичий:

1. Петр II умер, не назначив наследника; «российский народ» выразил «общее желание» видеть на престоле конкретное лицо царской крови — Анну Ивановну, которая объявила о намерении ограничить собственную власть, соглашаясь на сохранение суверенитета подданных и лишение себя короны в случае невыполнения со своей стороны взятых обязательств.

2. ВТС объявлялся состоящим из восьми человек, постоянным, неупраздняемым органом, без согласия которого Анна Ивановна не имеет права начинать войну, заключать мир и вводить новые налоги.

3. Анне Ивановне было запрещено единолично, без согласия ВТС присваивать чины выше «полковничья ранга» и «определять» кого-либо к на высшие должности. Таким образом, совет приобретал полный контроль над персональным составом той категории лиц, которая являлась потенциальным источ-

ником его пополнения. В итоге императрица исключалась из механизма формирования совета.

4. В непосредственное подчинение к Верховному тайному совету переходили все вооруженные силы, включая гвардию.

5. Анна Ивановна принимала на себя обязательство у дворян жизнь и имущества без суда не отнимать, вотчины и деревни не жаловать.

6. Императрице запрещалось выходить замуж и назначать наследника.

7. Завершались Кондиции грозным напоминанием о неизбежном лишении короны в случае нарушения подписанных условий.

Что же представляла из себя Анна Ивановна как личность, каков был ее жизненный путь?

В отличие от сестры Екатерины царевна Анна была с детских лет замкнутой, молчаливой и необщительной. Неуклюжая и угрюмая, она была нелюбимой дочерью. В 1710 году ее женили на племяннике прусского короля Фридриха-Вильгельма. Фридрих-Вильгельм правил в небольшом герцогстве, граничившем с российскими владениями. Государство это называлось Курляндией (по имени местного племени куршей) и находилось в вассальной зависимости от польского короля. Столицей герцогства была Митава, ныне латвийский город Елгава (теперь территория Курляндии входит в состав Латвийской республики). Но уже спустя два месяца после свадьбы утомленный непрерывными возлияниями Фридрих-Вильгельм внезапно скончался. Анна осталась в Курляндии герцогиней. Жизнь ее была не сладкой. Она постоянно нуждалась в деньгах, ограничивала себя во всем и шагу не могла ступить без согласия Петербурга, писала униженные, заискивающие письма Петру и его второй супруге Екатерине.

И осталась бы безутешная вдовица в одиночестве, если бы не оказался при её дворе бедный курляндский дворянин, так и не доучившийся в Кенигсбергском университете (за убийство солдата в ночной драке посажен в тюрьму, откуда бежал) Эрнст Иоганн Бирон (1690-1772). Он и стал самым близким к Анне

человеком и оставался таковым вплоть до её смерти. Известный историк Е. В. Анисимов даже предполагает, что младший сын Бирона Карл был сыном Анны.

Конечно, она согласилась на все условия верховников. 13 февраля новая императрица приехала в Москву.

Важно обратить внимание, что происходило в России в тот самый момент, когда решение предложить Анне «кондиции» было уже выработано. Делегация ВТС отправилась в Митаву с кондициями вечером 19 января, а утром того же дня в Кремль было приглашено все «государство» — генералитет, высшие чиновники, Синод и придворные. В торжественной обстановке верховники объявили об избрании на российский престол Анны Ивановны. К вечеру 19 января стали ходить слухи, что верховники скрыли самое главное — кондиции.

Дворян возмутил не сам факт составления кондиций — мысль о вреде не ограниченной ничем власти самодержца не была новой, — а то, что их пытались обмануть ради «сокращения власти царской» в интересах только двух родовитых фамилий — Голицыных и Долгоруких. Рядовые дворяне, собравшиеся в Москву на свадьбу Петра II, а попавшие на его похороны, выражали свое неудовольствие происшедшим, осуждали «затею верховников».

Москва забурилась, дворяне стали собираться в кружки и обсуждать происшедшее. Так неожиданно получилось, что те две недели, пока верховники ждали из Митавы подписанные Анной кондиции, оказались временем свободы. И когда 2 февраля верховники вновь собрали в Кремле «государство» и прочитали кондиции, делая вид, что они сами впервые об этом слышат, что их предложила Анна Ивановна, «виват» никто не закричал. На встрече с верховниками 2 февраля дворяне решительно потребовали от них разрешения представить к обсуждению иные проекты переустройства государства. Под этим сильным напором, стремясь выиграть время, верховники согласились на требования дворян.

В кратчайший срок было составлено более десятка проектов реформ, и под ними подписались не меньше тысячи человек! Практически все проекты переустройства страны клонились к ограничению царской власти, но вовсе не по

плану верховников, стремившихся сосредоточить всю власть в руках членов Совета. Дворянство дружно желало создать такую систему управления, которая защитила бы их как от произвола самодержавного правителя, так и от всевластия одной-двух аристократических семей. Дворянство требовало: отмены введенных указом Петра I о единонаследии ограничений на право распоряжения вотчинами, установления определенного срока обязательной службы и отмены петровского положения о непереносимом начале дворянами службы в солдатах и матросах.

Первоначально Анна не знала о происходивших в России общественных процессах. Верховники держали ее в изоляции. Но постепенно, через родственников и многочисленных доброжелателей Анна стала узнавать об истинном положении вещей в столице. Она поняла главное — верховники ее обманули, представив кондиции как решение всего «государства». На самом деле среди тех, кто хотел ограничить власть императрицы, не было единства. Дворянство раскололось на «конституционалистов» и «монархистов».

Реальное существование ограниченной монархии приобрело вид хрупкого равновесия между Верховным тайным советом и императрицей. 25 февраля это равновесие непоправимо нарушил факт прямого обращения к Анне Ивановне наиболее активной группы дворян — под предлогом обеспокоенности судьбой известных проектов, поданных в совет.

25 февраля 1730 года в Кремле на первой встрече императрицы с «государством» дворяне во главе с князем Алексеем Черкасским вручили Анне 2 челобитные: сначала одну, а потом - вторую. В первой они жаловались на верховников, не желавших слушать их предложения по государственному переустройству. Челобитчики просили императрицу вмешаться и разрешить обсудить подготовленные проекты. Вторая же содержала просьбу об отмене Кондиций и восстановлении самодержавия. Второе прошение было составлено после того, как Анна Ивановна утвердила первое. Татищев указывает, что заговорщики поддерживали контакт с Анной Ивановной, о содержании челобитных она знала заранее.

В итоге Анна Ивановна велела доставить в зал Кондиции, которые затем были ею на глазах у депутации дворян и у верховников «изодраны». Понадобилось всего 37 дней, чтобы самодержавие в России возродилось.

26 февраля Верховный тайный совет подготовил текст новой присяги Анне Ивановне, теперь уже как самодержице. В тот же день он был утвержден императрицей и подписан самими верховниками. 4 марта последовало упразднение Верховного тайного совета, причем сами верховники почти в полном составе (за исключением А.Г. и М.В. Долгоруких) переместились в «восстановленный» Сенат, где им теперь предстояло соседствовать с верхушкой «героев» 25 февраля.

Суть попытки Верховного тайного совета ограничить самодержавие в 1730 году оценивалась в исторической литературе по-разному:

- «верховники» хотели ограничить самодержавие в силу своих корыстных олигархических интересов (Н.А. Полевой, С.М. Соловьев, Е.В. Анисимов);
- «верховники» не имели своекорыстных расчетов, а стремились к конституционному правлению, в чем были поддержаны частью дворянства (Д.А. Корсаков, Е.П. Карнович, П.Н. Милюков, М.М. Богословский, Г.А. Протасов, А.И. Юхт, С.А. Седов, А.Б. Плотников).

Спор между учеными идет также и по вопросу о том, какие источники легли в основу «Кондиций» 1730 года:

- конституционные акты Швеции (П.К. Щербальский, Д.А. Корсаков, П.Н. Милюков, С.А. Седов);
- крестоцеловальная запись В. Шуйского и договор о приглашении на русский трон королевича Владислава (В.Г. Щелков, В.И. Карпец, Я.А. Гордин).

Ну и наконец дискуссионен до сих пор вопрос о ***причинах провала «затейки верховников» (1730):***

- самонадеянность князя Д.М. Голицына и отсутствие связи с дворянством, духовенством и генералитетом (Д.А. Корсаков);

- выступление дворянства против «затейки верховников»
(С.М. Соловьев, Е.В. Анисимов).

Подытоживая вышесказанное, следует подчеркнуть, что все проекты 1730 года, предусматривающие ограничение самодержавной власти (как «кондиции», так и выработанные широкими кругами дворянства иные проекты), взятые в совокупности с «кондициями», показывают, что при преемниках Петра I в высшем эшелоне власти России созрели идеи коренного для того времени реформирования всей политической системы России. И как бы мы не акцентировали внимание на роли «олигархов», их своекорыстных интересах в этих проектах, дело все же было не в этом, и современники, кстати, это прекрасно уловили. В дознании, проведенном в 1731 г. по поводу «затейки верховников», они прямо обвинялись в том, что «вступили» в «Чин Царский» и взяли для себя в качестве политического примера «Суд Английский на короля их Карола первого». Следствие стремилось выяснить, кто был замешан в том, «чтоб в Российской империи самодержавию не быть, а быть республике». Даже беглый обзор этих документов позволяет утверждать, что это был концептуально обоснованный альтернативный подход к реформе российской политической системы. Почему он был выдвинут именно в этот период? Да потому, что именно к концу 20-х гг. XVIII в. стали очевидны как фантастически ободряющие, так и ужасающие последствия петровского царствования, и оцепеневшая от напряжения и снова, как и во времена Ивана Грозного, надорванная Россия объективно встала перед выбором дальнейшего пути.

Именно с позиций первой фазы очередного цикла русского конституционализма можно и нужно оценивать выработанные во 2-й половине XVIII века конституционные проекты П.И. Шувалова и Н.И. Панина, наказ «Уложенной комиссии», вышедший из-под пера Екатерины II, снова проекты Н. И. Панина совместно с его братом П. И. Паниным (1783 - 1784 гг.) и проект А. А. Безбородко (1799 г.), а в XIX в. – план государственного переустройства М.М. Сперанского, проект Государственной уставной грамоты Российской империи министра юстиции Новосельцева, конституционные проекты декабристов и кон-

ституционные предложения министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова. Все они являлись определенной конституционной «пробой пера», зондажем политических настроений, проводимом как высшими эшелонами власти во главе с монархом, так и нарождающейся в ту пору общественностью. Вторая фаза данного цикла – собственно конституционалистская – была подготовлена всем предыдущим развитием и наступила в ходе Первой русской революции. Но этот сюжет находится уже за рамками тематики данной главы.

Глава 6. ПРИСОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ К РОССИИ (ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ)

Большая часть Украины в первой половине XVII в. входила в состав панской Речи Посполитой. Крестьяне и городское население Украины, как и в России, подвергалось феодальной эксплуатации. Но украинские крестьяне и горожане являлись, кроме того, объектом национального и религиозного угнетения: населенные украинцами и белорусами земли принадлежали польским магнатам, официальным языком, на котором велось все делопроизводство в учреждениях, был польский, православная церковь подвергалась гонению. На Украину пришла польская шляхта, приобретая здесь земли и принося с собою крепостное право, уже успевшее в самой Польше пустить прочные корни. Шляхта давно уже присвоила себе право жизни и смерти над своими крестьянами: убить холопа для шляхтича было, по выражению польских писателей того времени, то же, что убить собаку. Кроме того, еще в 1569 году была заключена церковная Брестская уния – договор между местным руководством православной церкви и Ватиканом об «униатстве»: обряды православные, подчинение – папе римскому. Гонения на истинно православных усилились.

Убегая от неволи, украинское сельское население, подобно своим собратьям в Московской Руси, усиленно переходило из внутренних областей государства к безбрежным степям Украины, спускалось все ниже по Днепру, в места, куда шляхтич еще не успел пробраться; но за ним следом шли паны; они выпрашивали себе у правительства на южной границе обширные пустопорожные земли или просто самовольно захватывали их и спешно заселяли беглыми мещанами и крестьянами, приманивая последних щедрыми льготами. Благодаря этому, степная Украина быстро оживала. В короткое время здесь возникли десятками новые местечки, сотнями и тысячами хутора и селения. Одновременно с заселением шло укрепление степей: ведь чем дальше шли к югу, тем более подводили себя под удары крымских татар; и потому для прикрытия новых поселений цепь новых замков являлась необходимой, постоянная же

борьба со степью выработала из новых поселенцев военные общества, из которых постепенно и сложилось малороссийское казачество.

Кзаки были люди нужные и полезные для края и для всего государства; но, при всей их пользе, это был элемент беспокойный, доставлявший польскому правительству немало затруднений. Обороняя страну от крымско-татарских набегов, казаки в то же время сами жили такими же набегам на крымские и турецкие земли. На своих легких кораблях они отважно бороздили Черное море, грабили побережье, доходили вплоть до берегов Малой Азии и даже проникали в самый Босфор, на виду Константинополя-Стамбула. В отместку турки грозили Польше войной. Следовало поэтому обезвредить казаков, сохраняя их как силу оборонительную, как заслон на границе государства. Достичь этого думали, выделив наиболее благонадежную часть казачества и взяв ее на государственную службу, на жалованье, создать т.н. реестровых казаков, т.е. внесенных в реестры (списки), остальных же вернуть к сохе и к мирному промыслу. Но число казаков быстро росло, и хотя правительство тоже повышало цифру реестровых (в 1625 г. норма доведена была до 6000 чел.), все же их рост не поспевал за ростом нерегулярных казаков. Таким образом, эта мера опасности не устранила, и чем более накапливалось на окраине беглого недовольного люда, тем легче было его двинуть не только против татар и турок, но и против самих поляков и всего их государственного строя.

Запорожье. В то же время далеко за пограничной чертой, на юге, в открытой степи, по нижнему течению Днепра, возникла другая казацкая община — Запорожье (за порогами — отсюда его название). Ее образовали те же малороссийские казаки, вернее, их те из них, кто уже совершенно порвал с польским правительством, для кого даже рамки полусвободного быта на пограничной черте являлись уже стеснительными и совершенно неприемлемыми. Тут, «за порогами» Днепра, они жили, действительно, совершенно свободными и независимыми: ни польский комиссар, ни карательные отряды не могли проникнуть туда. Запорожцы образовали военное братство, носившее название Сечи. Всякий недовольный, гонимый или в чем-либо попавшийся находил себе здесь ме-

сто. В Сечи не спрашивали пришельца, кто он и откуда, какой веры, какого племени: принимали всякого, кто казался пригодным бойцом. Во главе Сечи стоял выборный атаман, своего рода президент этой казацкой республики, выбираемый всем наличным составом Сечи и бесцеремонно заменяемый другим, лишь только он становился неугодным своим товарищам.

Отношение казаков к Польше. В общем казаки, и «малороссийские», и «запорожские», были люди, выбитые из колеи нормальной жизни: без отечества, без устойчивого положения и уверенности, что ожидает их завтра. Полностью связей своих с Польским государством они не порвали, но, убегая от крепостной зависимости, от шляхетского насилия, они видели в Польше такого же врага, если не хуже, как в Турции или в Крыму. Брестская уния 1596г. обострила отношения еще резче. Православная церковь искала себе и нашла защиту у казаков; борьба за веру значила в то же время истребление и изгнание ненавистной шляхты.

Четырнадцать лет подряд казацкие восстания следуют одно за другим (1624-1638); льются потоки крови; предаются пламени шляхетские усадьбы; вырезается население, предается мучительной смерти; обе стороны изощряются в жестокостях и зверстве; но организованной силе государства каждый раз удается сломить эти восстания. В 1630 г. вспыхнуло восстание под предводительством Тараса Федоровича Трясило, направленное против гетмана, придерживавшегося польской ориентации. Восставшие дважды разгромили шляхетские отряды и вырвали у правительства обещание увеличить реестр. Кроме того, в 1632 году польский король пошел на восстановление православной церкви, но под давлением Ватикана отказался от своего решения. Новые выступления произошли в 1635, 1637-1638 гг., но и они потерпели поражение. В ходе выступлений казаки обращались за помощью к России и нередко получали ее.

Обескровленное казачество не располагало силами для продолжения борьбы. С конца 30-х гг. до 1648 г. в борьбе запорожцев наступило затишье, которое польская шляхта называла «золотым покоем».

Новый этап борьбы украинского народа против социального, национального и религиозного угнетения панской Польши связан с именем Богдана Михайловича Хмельницкого. Личность гетмана Богдана (Зиновия) Михайловича Хмельницкого является центральной, «осевой» для истории Украины и в то же время хранит в себе загадку на протяжении уже трех с половиной веков составляются схемы, «непротиворечиво» объясняющие поведение гетмана, его политическую линию на разных этапах Освободительной войны

Часть казаков открыто называла Хмельницкого предателем, подкупленным московскими послами. Официальная российская историческая публицистика склонялась к изображению его как последовательного сторонника «воссоединения Малой Руси с Русью Великой», что нашло отражение в памятнике Богдану Хмельницкому, открытому 23 июня 1888 года на Софийской площади в Киеве (*Н.М. Костомаров, И.Д. Бойко, В.А. Голобуцкий*). Сегодня историография независимой Украины называет Хмельницкого «творцом Украинской державы», «выдающимся полководцем и тонким дипломатом, который добился признания Европой Украинской державы как субъекта международного права» (*П. Сас, С. Антоненко, О. Рафальский*). А в Москве в 1996 году переиздана книга эмигрантского историка *Н.И. Ульянова* «Происхождение украинского сепаратизма», в которой Хмельницкий назван «двоедушным» интриганом, «двоеданником», который, «отправляясь в 1654 году в Переяславль на Раду, не снял турецкого кафтана, надев поверх него московскую шубу...».

Б. Хмельницкий как государственный деятель:

- последовательный сторонник воссоединения Украины с Россией (*Н.М. Костомаров, И.Д. Бойко, В.А. Голобуцкий*);
- «творец Украинской державы», выдающийся полководец и тонкий дипломат, который добился признания Украинской державы как субъекта международного права (*П. Сас, С. Антоненко, О. Рафальский*);
- «двоедушный интриган, двоеданник, который, «отправляясь в 1654 году в Переяславль на Раду, не снял турецкого кафтана, надев поверх него московскую шубу» (*Н.И. Ульянов*).

В такой разногласии мнений отчасти виноват сам гетман: он предпочитал не столько выступать с развернутыми программами и объяснять свои поступки, сколько действовать: рубиться с врагами или вести переговоры с теми, кто обладает реальной силой.

Уже само происхождение Богдана Хмельницкого окутано тайной: точно неизвестно, был ли он русской, молдавской, польской или литовской крови. Обычно сообщается, что гетман происходил из мелкой украинской шляхты, по матери — из казацкой родни.

На страницах популярных книг по истории Хмельницкий впервые появляется предводителем весеннего выступления запорожцев 1648 года, то есть уже опытным и хитрым, поседевшим в боях казаком. Между тем и ранний период его биографии пестрит яркими и порой романтическими событиями. В 1618 году будущий гетман принимал участие в походе казаков на Москву при последней попытке вернуть русский престол польскому королевичу Владиславу. Молодой казак тогда так отличился в боях, что его отметил сам королевич. Этой симпатии между Владиславом и Хмельницким суждено было сохраниться на долгие годы и сыграть определенную роль в начальном этапе восстания на Украине. В 1620 году Хмельницкий сражался в рядах польского войска с турками. В этой битве армия Речи Посполитой была разгромлена турками; погиб отец Хмельницкого, а сам он попал в плен к татарам, из которого, впрочем, скоро освободился. В казацком войске, благодаря своей грамотности и эрудиции, Хмельницкий занял важную должность войскового писаря. В годы смоленской войны, сражаясь, естественно, за Польшу, он заслужил золотую саблю за храбрость.

Богдан Михайлович был человеком европейски образованным: он учился в Львовской иезуитской коллегии (сохранив при этом свою православную веру), хорошо знал несколько языков. Представляется достоверным его участие в авантюре 1645 года, когда две тысячи украинских казаков, нанятых Францией, воевали против войск Габсбургов под Дюнкерком.

Имел ли Хмельницкий со своими соратниками накануне восстания план создания независимого украинского государства? Очевидно, что нет: казаки провозгласили себя лояльными подданными Владислава IV, выступающими против своеволия панов. Действительно, король имел тогда очень напряженные отношения с сенаторами и шляхтой из-за того, что сейм не одобрил его замыслов войны против турок.

В 1646-1647 гг. он подвергся репрессиям: его хутор был разгромлен, а один из сыновей убит. В конце 1647г., когда ему удалось освободиться из-под ареста, он в низовьях Днепра организовал небольшой отряд и в начале следующего года явился в Запорожскую Сечь, где был избран гетманом. Был ли в начале восстания элемент личной обиды Хмельницкого, стремление отплатить за сына, засеченного насмерть по приказу польского шляхтича? Несомненно, да. Гетман сом признает это в одной из первых своих грамот: «Я, потерпевши бесчестье и разорение от негодяя Чаплинского, должен был придумать средство, как бы забрать в свои руки королевские привилегии... и с их помощью сделать что-нибудь лучшее для погибающей Украины».

Вместе с тем ясно видно, как в ходе войны первоначальная чисто сословная идея восстановления «прав и вольностей» Войска Запорожского доросло вначале до требований «казацкого автономизма» (по выражению историка В. Липинского), а затем обратилась в общенародное знамя национально-освободительной (и религиозной) войны. И при всех этих трансформациях «казацкой идеи» при ней стоял Богдан Хмельницкий, сумевший соответственно возвысить и преобразить свою личность.

Украинская война за независимость от Польши имела 3 этапа. Вкратце рассмотрим их.

Первый этап национально-освободительной войны: с января 1648 (избрание гетманом Хмельницкого) по август 1649 (Зборовский мир).

Начало движения сопровождалось рядом блестящих побед восставших над войсками Речи Посполитой. Первый успех последовал в мае 1648 г., когда в двух битвах у урочища Желтые Воды и у Корсуни была наголову разгромлена

армия коронного гетмана Потоцкого. Молва о победе быстро разнеслась по Украине, и в армию Хмельницкого стали вливаться огромные массы населения. Летом 1648 г. восстание переросло в освободительную войну.

Очередные победы войско Хмельницкого одержало у Пилявец (сентябрь 1648 г.) и у Зборова, где 5 августа 1649 г. были разгромлены карательные войска, которыми командовал сам король. В августе 1649 года на переговорах с польским представителем Хмельницкий объявляет себя «единовластным самодержцем руським».

В итоге был заключен компромиссный Зборовский договор (август 1649). Его условия:

1. Число реестровых казаков вместо прежних 6000 повышалось до 40 000 чел.; зато все остальные казаки обязывались сложить оружие и вернуться на прежнее положение.

2. Польские войска лишались права находиться на территории малороссийских казаков.

3. В трех воеводствах: Киевском, Брацлавском и Черниговском, король обязывался назначать на местные должности лиц исключительно из местной православной шляхты.

4. Церковная уния на Украине упразднялась.

5. Киевский митрополит возводился в звание сенатора и как таковой получал место в польском сенате.

6. Евреям и иезуитам запрещалось жить в пределах Малороссии. Отношение к иезуитам как наиболее активным проводникам папского влияния хорошо понятно, причину же складывания антисемитских настроений стоит пояснить подробнее. Дело в том, что польские помещики обыкновенно не занимались сами управлением своих имений, а отдавали их в аренду евреям, которые старались из крестьян выжимать как можно более доходов и притеснениями своими доводили их до того, что целые села иногда пустели от побегов. Вместе с именными евреи часто брали на откуп у помещиков и православные церкви, облагая пошлинами как богослужение, так и разные церковные требы.

7. Город Батурин с округом отдавался гетману для получения с него доходов и для постоянного пребывания: он делался «столицею» малороссийского казачества.

Условия договора никогда, однако, не были выполнены и оставались мертвой буквой — уже по одному тому, что они были непосильны для обеих сторон. И король, и Хмельницкий были бессильны настоять на их выполнении. С одной стороны, униаты и католики не позволили правительству уничтожить унию на земле казаков; сенат категорически отказался принять в свою среду православное духовное лицо, светские же сенаторы православные оказались бессильны сломить сопротивление католического большинства, вследствие чего православная церковь по-прежнему оставалась без своего представителя и защитника в правительстве. С другой стороны, казаки, не попавшие в число 40000 реестровых, отказались перейти «на прежнее положение», так как чаще всего это значило снова стать бесправными холопами, снова подвергаться прежним насилиям, вернуться в прежнее крепостное состояние, работать на тех самых господ, которых они только что прогнали со своей земли. Реестровые казаки, на положении счастливых избранников, баловней судьбы, составляли ничтожную часть «казацкого» населения Малороссии, и потому можно сказать, что вся Малороссия осталась Зборовским договором недовольна, и когда Хмельницкий задумал было строгими мерами привести в исполнение пункт Зборовского соглашения, то по всей Малороссии обнаружилось против него такое сильное неудовольствие, что гетман вынужден был совсем отказаться от своей попытки.

Второй этап – с августа 1649 по сентябрь 1651 года (Белоцерковский мир).

Одновременно с украинцами в борьбу против панского гнета включились и белорусы. Движение здесь было менее организованным, чем на Украине, прежде всего потому, что в Белоруссии отсутствовали силы, аналогичные тем, которыми располагал Хмельницкий, — запорожское казачество, цементирувавшее

движение и придававшее ему больше организованности. Это препятствовало слиянию локальных выступлений в единое движение.

Хмельницкий понимал значение Белоруссии как плацдарма для нанесения поляками ударов по Украине с фланга и тыла. Поэтому он отправлял в помощь белорусским повстанцам значительные силы. Совместные действия белорусских крестьян и горожан с украинскими казаками сковывали силы противника и лишали его возможности бросить их на Украину.

Успехи движения не вскружили голову его предводителю – Хмельницкий отдавал отчет, что, чем дольше будет затягиваться освободительная война, тем меньше останется шансов добиться цели. Собственных национальных ресурсов было недостаточно для завоевания независимости и длительной борьбы с Речью Посполитой и Крымом. С самого начала освободительной войны Хмельницкий много раз обращался к русскому правительству с просьбой принять Украину в русское подданство.

Обстановка в России не способствовала удовлетворению просьбы – страна не была готова к войне с Речью Посполитой, которая началась бы сразу же после объявления о воссоединении Украины с Россией. После Смоленской войны (1632-1634) Россия фактически свернула внешнеполитическую активность и восстанавливала свою внутреннюю мощь. На решение об удовлетворении просьбы Хмельницкого оказывало сдерживающее влияние и обострение социальных противоречий внутри страны — в середине столетия Россия была охвачена городскими восстаниями. Все это не позволило России принять предложение Хмельницкого.

Тогда Богдан Хмельницкий заключил союз с Крымским ханом, а в 1650 году признал над собой протекторат Турции.

Но время показало, что на союзническую верность крымского хана положиться было нельзя, - он изменял в самые ответственные моменты, например, в июне 1651 г. в сражении под Берестечком крымские татары не только покинули поля боя, но и увели с собою Хмельницкого, чем обрекли украинскую армию на поражение.

В итоге в местечке Белая Церковь был заключен Белоцерковский мир (сентябрь 1651). Его условия:

1. Число реестровых казаков уменьшалось до 20000, причем располагались они не по всей Украине, но должны были быть сосредоточены в одном Киевском воеводстве.

2. Польским войскам возвращалось право нахождения на территории Украины; исключением было только Киевское воеводство: очевидно, во избежание столкновений между двумя враждебными и всегда вооруженными элементами.

3. Евреям тоже открывался доступ на Украину.

Об уничтожении церковной унии, о предоставлении киевскому митрополиту места в сенате не было больше и речи. Для большинства населения Белоцерковский мир был еще менее приемлем, чем Зборовский. Война продолжалась. Тогда сознание собственного бессилия побудило Хмельницкого обратиться к московскому царю и просить его принять Малороссию «под свою высокую руку».

Третий этап – с сентября 1651 по январь-март 1654 гг. (Переяславская рада и «Статьи» Б. Хмельницкого).

Все эти обстоятельства создали угрозу того, что Украина опять окажется под властью Польши или под совместной властью Польши и Крымского ханства. Но внутреннее положение России было неблагоприятным для такого шага. А в то же время немислим был и прямой отказ. Желая оставаться корректным, царь Алексей предложил было казакам принять всех и расселить на территории своего государства, если на то даст свое согласие польский король, но, вероятно, он и сам хорошо понимал, что такой ответ не более как простая отписка.

Угроза Хмельницкого отдаться в подданство турецкому султану побудила Алексея Михайловича на новый шаг: непосредственными переговорами с польским королем он пытался убедить его примириться с казаками на основе Зборовского договора, но, разумеется, успеха не имел.

Тогда, и только тогда, решено было на созванном в Москве Земском соборе принять предложение гетмана (1653 г., 1 октября), после чего, уже не мешкая, к Хмельницкому отправлено было особое посольство (с боярином Бутурлиным во главе), и на раде в Переяславе оно приняло 8 января 1654 г. присягу казаков на подданство русскому царю. «Статьи» соглашения, выработанные Хмельницким и посланные в Москву, были там приняты (март 1654 г.), и присоединение обширного украинского края к Московскому государству стало совершившимся фактом.

Условия присоединения («Статьи» Б. Хмельницкого, март 1654 года):

1. В основу соглашения легло признание за казачеством полной свободы самоуправления, независимого суда согласно казацким законам и обычаям; царь подтверждал войсковые права и вольности: «чтоб ни воевода, ни боярин, ни столник в суды войсковые не вступался, но от старших своих чтобы товарищество сужены были».

2. Казаки сохраняли за собой не только пожизненное (как это было при поляках) право на пользование земельными местностями, но и наследственное, с передачей их, по смерти, своим женам и детям.

3. Число реестровых казаков определялось в 60000 чел., но сверх их дозволено было иметь и добровольных военных людей (то есть, фактически, еще сколько угодно казаков).

4. Гетман, полковники и войсковой старшина избирались самими казаками.

5. Местная православная шляхта, православное духовенство и мещане сохраняли прежние свои права и положение: свои местности, свой суд, «чтоб шляхтич был шляхтичем, а мещанин мещанином». Иными словами, сословное деление закреплялось.

6. Киевский митрополит избирался тоже на старых основаниях: народным голосованием, и по-прежнему оставался в подчинении у Константинопольского патриарха, а не у Московского.

7. На основе самоуправления выработаны были и финансовые отношения малороссийского казачества с московским правительством: сбор доходов в государственную казну должен был производиться местными властями, без вмешательства московских чиновников.

8. Наконец, за гетманом признано было немаловажное право (делавшее его полунезависимым государем) непосредственных отношений с иностранными державами: о своих отношениях с ними гетман только доводил до сведения царя. Впрочем, из общего порядка сношений установлено было исключение, тоже немаловажное: сноситься с польским королем и турецким султаном гетман мог лишь с царского разрешения: государство должно было гарантировать себя от возможности нанести ущерб наиболее жизненным интересам.

На таких условиях к Московскому государству присоединялась вся Малороссия (Украина): вся казацкая земля, «Войско запорожское», как называли себя сами казаки — то есть Полтавщина, Черниговщина, Киевская земля, значительная часть Волынской и Подольской земель.

Как оценить эти условия? В «Статьях» Хмельницкого на первый план выступают интересы казачества, заботы о нем: сохранение старых прав и дарование новых; в тесной связи с этим также и забота о православной церкви. Интересы же других общественных групп хотя и не забыты, но отодвинуты на второй план. Знамя восстания против поляков поднято было не во имя интересов целого края, а во имя интересов именно казачества; до идеи государства гетман и окружавшая его войсковая старшина еще не доросли — отсюда и односторонность самой программы. Зато это обстоятельство и явилось впоследствии одной из главных причин неустойчивости завоеванных казаками прав и привилегий.

По форме соглашение между казачеством и московским царем являлось настоящим. включением («втелением», как говорили на Литве) ее в состав Московского государства на таких же основаниях, на каких входили в состав его и другие русские области: царь принимал Украину «под свою высокую руку», в ответ на низкое челобитье (заявления казаков в декабре 1652 г. и в апреле

1653 г.); царь становился в положение государя своих новых подданных. «Гетман его пресветлого величества войска Запорожского» — так титуловался Хмельницкий. Вот почему привилегии, полученные казаками, были им пожалованы как милость великого государя. В соответствии с таким характером соглашения, боярин Бутурлин, приняв в Переяславе от гетмана и войска присягу на верность московскому царю, категорически отказался, как ни хотели гетман и старшины, дать взаимную присягу за государя и выдать письменное обязательство в соблюдении царем казацких вольностей и в сохранении за казацкой старшиной и войском их местностей: все это, говорил он, казаки получают (и через два месяца, действительно, получили), но как пожалование царское.

Такова форма Переяславского и Московского соглашения (январь — март 1654 года). По существу же это был договор между двумя свободными договаривающимися сторонами, и не «пожалуй» царь того, что он «пожаловал» в марте 1654 г., согласно «Статьям Богдана Хмельницкого», соглашение 8 января и присяга, данная Алексею Михайловичу, возможно, были бы немедленно нарушены.

В этом расхождении формы с сущностью дела таился зародыш недоразумений на будущее время: Москва считала себя вправе то расширять свою «милость», то сокращать ее размеры в зависимости от субъективной оценки поведения казаков и их вождей; само же казачество эту «милость» понимало как свое неотъемлемое право, цепко держалось за него и в его нарушении видело нарушение самого договора. Считаясь с таким настроением казачества, московское правительство каждый раз при выборе нового гетмана подтверждало жалованную грамоту 1654 г. и обещало соблюдать казацкие права и привилегии.

Так дело велось первые 60-70 лет, пока измена И.Мазепы в начале XVIII века не произвела настоящего переворота во взаимоотношениях Москвы и Украины.

В современной литературе единого взгляда на вхождение Украины в состав России нет. Основные из них следующие: 1) воссоединение — соединение двух равноценных государственных образований на вечные времена в едином

государственном организме и воссоединение двух братских народов после многовекового разделения (*И.Д. Бойко, И.Б. Греков, В.А. Голобуцкий*); 2) присоединение – Хмельницкий передал Украину целиком в распоряжение русского царя, следствием чего и стало ее полное и безусловное включение в состав российского государства (*Н. Петрухинцев, А. Смирнов*); 3) установление вассальной зависимости – Хмельницкий лишь искал российского покровительства, но не полного подчинения (*В. Липинский*); 4) временный союз – межгосударственная уния или даже чисто военный союз, в котором Россия взяла на себя роль гаранта и покровителя православной веры на Украине, а также интересов украинского государства (*О.Е. Гюнтер, В.А. Артамонов*).

Однако все исследователи едины в одном – новые православные украинские подданные Романовых уравнивались в социальном статусе с подданными «старыми» в соответствии со своей сословной принадлежностью. Никакой дискриминации украинцев в России и в помине не было (в отличие от Польши). Казацкая старшина, столь долго и безуспешно мечтавшая о шляхетстве в Речи Посполитой, уравнивалась с российским дворянством, украинские селяне – с крестьянством. Это придало объединению Украины с Россией особую прочность.

Вхождение Украины в состав России:

- воссоединение двух братских народов в едином государственном организме после многовекового разделения (*И.Д. Бойко, И.Б. Греков, В.А. Голобуцкий*);
- присоединение – полное и безусловное включение Украины в состав российского государства (*Н. Петрухинцев, А. Смирнов*);
- установление вассальной зависимости, то есть не полное подчинение, а согласие на покровительство со стороны России в обмен на гарантии безопасности (*В. Липинский*);
- временный союз – межгосударственная уния, конфедеративный союз двух независимых государств или даже чисто военный союз (*О.Е. Гюнтер, В.А. Артамонов*).

Согласие России на присоединение Украины неизбежно вызвало *войну с Речью Посполитой*.

Война началась крупным успехом русских войск — взятием Смоленска: этот важный политический и стратегический пункт снова, после 43 лет, стал русским достоянием (10 сентября 1654). За Смоленском последовало падение Вильно, Ковно и Гродно (1655) — вся коренная литовская земля покорила царю, и Алексей Михайлович, титулуясь перед тем государем «Великой и Малой России», раздвинул теперь свой титул вставкой «и Белой». В кампанию 1654 г. русские войска овладели Смоленском и 33 городами Восточной Белоруссии, в том числе Полоцком, Витебском, Могилевом.

С одновременным вторжением в Польшу и шведов, с завоеванием ими Кракова, Варшавы, Речь Посполитая очутилась на краю гибели. Доведенные до крайности поляки вступили с царем в переговоры и, маня его возможностью избрания теперь же в короли, преемником Яна Казимира после его смерти, добились заключения перемирия (в октябре 1656), что дало им передышку и возможность несколько оправиться от поражений, нанесенных им с двух сторон.

Переговоры об избрании были, однако, простым отводом глаз, но в Москве поняли это, когда уже было поздно. Война возобновилась, а вооруженное столкновение с Швецией (о нем мы поговорим чуть позже) значительно ослабило ценность достигнутых перед этим успехов. Смерть Богдана Хмельницкого (1657) осложнила положение дел еще более. Новый гетман Иван Выговский, из шляхтичей, воспитания и ориентации польской, изменил Москве и вошел в соглашение с поляками. Договор, заключенный им с ними в городе Гадяче («Гадячские пункты»; 6 сентября 1658 г.) в значительной части своей повторял условия Зборовского договора 1649 г., и как ни тяжел он был для поляков, но они пошли на него, лишь бы отторгнуть Украину от России, тем более что расценивали эти «пункты», подобно Зборовскому договору, как временную уступку, в расчете найти ближайший предлог и повод отказаться потом от него.

Условия Гадячских пунктов (сентябрь 1658): будучи частично повторением соглашения под Зборовом (уничтожение унии - место киевскому митропо-

литу в сенате - число реестровых казаков 60000 - запрет польским войскам находиться на Украине; впрочем, в случае необходимости их появления они переходили под начальство гетмана), пункты дополняли соглашение новыми условиями:

1. Воеводства Киевское, Брацлавское и Черниговское образуют, наподобие Великого княжества Литовского, - Великое княжество Русское, со своим самостоятельным правительством и правом чеканки собственной монеты.

2. Гетман избирается королем из числа кандидатов, намеченных и представляемых ему сословиями княжества.

3. В сенате заседают, кроме киевского митрополита, еще пять других православных архиереев.

4. Гетману предоставлено право представлять королю кандидатов для возведения их в шляхетское достоинство.

5. Еще при соглашении с Москвой казачество выговорило себе право заводить у себя школы, где бы ни было и какие бы ни было (1654) — договор в Гадяче уточнил этот пункт: казачеству предоставлялось право заводить коллегии, училища и типографии, сколько их понадобится; а в Киеве и еще в каком-нибудь другом месте право завести две православные академии с университетским курсом преподавания.

Гадячские пункты в жизнь не вошли. Казацкая масса, тянувшая к Москве, не видела в них большой для себя пользы и отшатнулась от Выговского. С согласия Москвы, в 1659 году гетманом избран был Юрий Хмельницкий, сын покойного Богдана, юноша ничтожный, живший чужим умом, переходивший то на ту, то на эту сторону и в конце концов сам добровольно отказавшийся от гетманской булавы (1662), закончив жизнь свою в монастыре.

Договор 1659 г. При избрании Юрия Москва заключила с ним и с казачеством новый договор, на этот раз существенно отличавшийся от соглашения 1654 г. Измена Выговского, ничтожество Юрия Хмельницкого требовали большей осмотрительности в раздаче царских «милостей»: прежняя широкая автономия края показала московскому правительству непрочность положения

местной власти и отсутствие надлежащих гарантий для соблюдения его собственных интересов. Поэтому новый договор значительно ограничил казацкую автономию и поставил Малороссию под более деятельный контроль Москвы.

I. Права гетмана были значительно сужены: 1. Начальников без ведома и согласия царя он не мог ни казнить, ни судить. 2. Он лишался права принимать иноземных послов. 3. Избирать начальников он не имел права без рады и совета всех казаков (на простых казаков Москва рассчитывала больше всего).

II. Запрещение казачеству тратить свои силы в ущерб общероссийским интересам и в привлечении его на службу этим общероссийским интересам: казацкое войско обязывалось во время войны выступать и за пределы Украины, т.е. оказывать войску московскому, когда это будет сочтено необходимым, вооруженную помощь, и не воевать без царского разрешения.

III. Существенным отступлением от прежних порядков в области внутреннего управления было: 1. Назначение московских воевод в некоторые города (Переяслав, Нежин, Чернигов и др.). 2. Разрешение населению подавать царю жалобы и челобитья помимо гетмана. 3. Наконец, как избрание гетмана, так и его низложение могли производиться лишь после предварительного доклада царю.

Эти новые порядки были первым проявлением той политики, которая позже, пройдя несколько промежуточных этапов, превратит Малороссию при Екатерине II в такую же российскую губернию, как и любая другая в Российской империи.

В нездоровой обстановке польско-русской войны Украина вскоре распалась на две половины: одна, западная, правобережная, где сильнее было течение польско-шляхетское, тянула к Польше; восточная, левобережная, с преобладающим недворянским населением, держалась Москвы. Гетманы там и тут сменялись один за другим, воевали друг с другом, разорили край. Из гетманов того времени наиболее выдался Петр Дорошенко, на Западной Украине. Видя, что, держась поляков, ему не приобрести народного сочувствия, он решился объявить себя их врагом и перешел на сторону к турецкому султану, тем более

что в июне 1666 г. Польша и Москва, после долгих лет взаимных побед и поражений истощив свои силы, вступили в переговоры о мире, и надежда воссоединить обе половины Малороссии иным путем, не опираясь на турок, у Дорошенка исчезла совсем. В октябре 1666 г. он присягнул перед крымским ханом не служить ни польскому, ни русскому государю, пошел вместе с ним опустошать польские земли, вынудив поляков в переговорах с русскими быть более уступчивыми (переговоры вел Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин) и поспешить с заключением если не мира, то перемирия на 13,5 лет (13 января 1667).

Андрусовский договор (13 января 1667 г.).

Перемирие обыкновенно заключают в тех случаях, когда противники не могут окончательно договориться между собой, в надежде со временем или найти новую почву для соглашения, или получить возможность силой принудить врага принять свои условия. Андрусовское соглашение носило поэтому характер временный. Условия его были следующие:

1. К Москве отходили Смоленская область, Стародубский уезд Северной области, вся левобережная Украина и город Киев на правой стороне Днепра — последний, правда, всего только на два года: по истечении этого срока он должен был быть возвращен обратно полякам.

2. К Польше отходила обратно часть Литвы, остававшаяся ко времени заключения перемирия еще в русских руках (Витебск, Полоцк; вся Ливония) и вся правобережная Украина — кроме Киева.

3. Запорожские казаки рассматривались как подчиненные одинаково и Польскому и Русскому государству, служили и царю и королю против их неприятелей и лишались права выходить в Черное море и самостоятельно делать набеги на турецкую землю.

4. Оба государства обязывались действовать совместно против крымского хана в случае его нападения на Украину, все равно, русскую ли половину (левобережную) или польскую (правобережную).

Условия Андрусовского договора, несомненно, были выгоднее для Москвы, а не Польши. Соглашение в Андрусове являлось вторым перемирием, кото-

рое Россия заключала с поляками после Смутной поры, но как мало походило оно на первое! В Деулине спорные земли остались в польских руках, в Андрусове — руки удержавшие были русские; притом за Россией остались не только области Смоленская и Северская, потерянные царем Михаилом, но и вся левобережная Украина, да на правом берегу Днепра город Киев, ценный стратегический ключ к обладанию всей западной правобережной Украиной, и вдвойне дорогой как символ единения русской народности, как колыбель Русской земли. И, подобно тому, как Деулино служило для поляков лишь этапом к Поляновке и полному закреплению земель, добытых силой оружия, так и русских людей Андрусовское перемирие привело через 19 лет к Московскому договору 1686 г., превратившему временный мир в мир вечный.

Однако успех военный, достигнутый Россией, не был настолько решительным, чтобы довести дело до конца: от доброй половины Украины, поддавшейся вместе с Богданом Хмельницким в 1654 г., пришлось отказаться. Борьба была приостановлена, и не только потому, что ни у той, ни у другой стороны не хватило сил для решительного удара, но и потому, что на горизонте появилась и вырос враг, грозивший большими бедами и тем и другим: и Польше, и Москве. Подданство Дорошенко турецкому султану ввело на сцену третьего партнера в конфликте. Его-то появление, одинаково опасное и полякам, и русским, и побуждало их поторопиться отложить на время свой спор.

Но с перемирием создалось ненормальное положение; два врага подавали друг другу руку для совместных действий против третьего, общего, однако настоящими сотоварищами по общему делу через это они не стали. Взаимного недоверия, накопившегося и воспитанного годами, Андрусовский договор не рассеял; то чувство раздражения, которое еще вчера питали они друг к другу, каждый по-своему справедливо, отстаивая то, что они считали своей законной собственностью, — это чувство продолжало и теперь беречь старые раны.

И вот почему настоящих совместных или согласованных действий русских и поляков против турок после Андрусовского мира мы не увидим. Правда, когда турки захватят польскую крепость Каменец (17 августа 1672 г.), а вместе с

ней и целую область, Подолию, в Москве забьют тревогу: ведь, став в Польше твердой ногой, султан, чего доброго, набросится и на русские земли! Царь Алексей Михайлович поспешит разослать послов к европейским государям, зовя их на общую борьбу с «врагом христианства»; однако в то же время всякий неуспех поляков воспринимался в Москве как упрочение ее позиции на Украине, позволял оттягивать возвращение Киева и по истечении двухлетнего срока; равно и на польской стороне любое затруднение московского правительства принималось с плохо скрытым удовольствием: думали, «вот, Бог даст, вырвем Киев обратно из их цепких рук». А туркам все это было на руку. Нанеся поражение полякам в 1672 г. и вынудив их подписать в Журавине мир «наиболее постыдный (по выражению польского историка) из всех, какие когда-либо они заключали», турки несколько лет спустя двинули свои силы и против России, направив их на Чигирин. Выдворить их оттуда удалось с огромным трудом.

А сейчас вернемся непосредственно к украинским делам. С появлением русского войска в Западной Украине местное население перешло на сторону Москвы и низложило своего гетмана (1674). Дорошенко продолжал было еще сопротивляться, но, убедившись, что дело его безвозвратно проиграно, покорился судьбе и отдался в русские руки (1676). Трехлетним воеводством в Вятке, а затем длительным бездействием в пожалованных ему (уже не в Малороссии) вотчинах (ум. в 1698 г.) закончилась его бурная политическая карьера.

Переговоры России с Османской империей закончились в 1681 году подписанием договора, по которому вся правобережная Украина отходила к Турции.

Заключение «Вечного мира» с Польшей (1686).

В конце XVII века агрессивная политика турок приняла опасные для Европы размеры. Завоевание острова Кандии (1669), захват Западной Малороссии, появление мусульманских знамен под стенами Вены (1683) всполошили одинаково Венецианскую республику, Германию и Польшу. При деятельном участии папы римского эти три государства заключили между собой союз, т.н. антиоттоманскую лигу. Но в этой лиге не доставало еще одного партнера, и польский

король Ян Собеский, наследственные владения которого особенно терпели от турок, взял на себя нелегкую задачу привлечь к общему делу также и московских царей. Участие России было необходимо и важно, главным образом, тем, что она могла отвлечь крымских татар от главного театра войны, лишить Турцию их содействия и позволить полякам сосредоточить все свои силы против султана.

Таким образом, Москва оказалась в выгодном положении стороны, в которой нуждались и у которой поэтому заискивали. В России в то время у власти находилась царевна Софья и ее фаворит князь Василий Голицын. Софья охотно пошла навстречу польскому предложению, но поставила свои условия. Они и были закреплены в «Вечном мире» с Польшей, который завершил русско-польскую войну (Московский договор 21 апреля 1686). Его условия:

1. Россия разрывала отношения с Турцией и посылала войска в Крым.
2. Закрепление прежних условий Андрусовского договора 1667 г. (присоединение левобережной Украины).
3. Окончательный переход к России такого важного в политическом, в военном, религиозном и национальном отношении города, как Киев, т.е. закрепление за Россией юридически того, что фактически уже находилось в ее руках.
4. Наконец, обязательство предоставить православному населению в Речи Посполитой полную свободу в исповедании своей веры и не допускать со стороны католиков и униатов притеснений его.

Важное значение последнего пункта договора выяснилось не сразу, а постепенно. Верховным главой православного духовенства и всей православной паствы в Польше остался киевский митрополит, подчиненный патриарху Константинопольскому. Но уже в следующем, 1687 г., он вышел из его юрисдикции и стал под начало патриарха Московского, что неизбежно превратило его в политическое орудие русского правительства, открывая России возможность неоднократно потом, на законном основании, вмешиваться во внутренние дела Польши.

Этот пункт московского договора наносил тяжкий удар политической самостоятельности Речи Посполитой: с этой поры можно сказать, начался новый, последний период истории Польши — период ее политического упадка. Недаром Ян Собеский, принося клятву в соблюдении договора, по свидетельству современников, не мог удержаться от слез. Времена Стефана Батория прошли безвозвратно. Сто лет, отделявшие Вечный мир 1686 г. от перемирия в Запольском Яме 1582 г., не прошли для России бесследно. Работа последующих поколений по выполнению завета Ивана III — собирание земель, которые когда-то входили в Киевскую Русь, под властью Москвы — была теперь в значительной мере облегчена и обеспечена.

Рассмотрение проблемы присоединения Украины к России в более широком контексте русско-польских отношений в XVII веке позволяет поставить вопрос — носили ли войны Речи Посполитой с Москвой этнический характер? Иными словами, были ли это войны двух ненавидящих друг друга национальностей, или обычные «цивилизованные» войны, вызванные политическими обстоятельствами?

В самом деле, с поляками Россия воевала очень много: интервенция начала века, поход королевича Владислава на Москву, закончившийся Деулинским перемирием, Смоленская война, война за Украину.

Эти конфликты историки рассматривают и как исключительно политическое состязание за первенство в Восточной Европе (З. Вуйчик), и как непримиримую схватку между католицизмом и православием (П.О. Пирлинг, Дм. Карев), и, наконец, некоторые польские исследователи (А. Кемпиньский, Я. Тазбир) видят здесь этнический конфликт: сам стереотип «лях и москаль», по их мнению, сформировался между Деулинским (1618) и Поляновским (1634) договорами.

Но большинство историков все же не видит для такого выводы никаких оснований. В самом деле, если бы конфликты носили этнический характер, разве можно было бы обойтись без резни на присоединенных территориях? Однако ее не было, более того, местным землевладельцам присваивались соответ-

ствующие сословные права, действующие в России. На пограничных территориях масштабной была практика бегства то на одну, то на другую сторону границы, в зависимости от того, с какой стороны был обижен тот или иной человек. И его спокойно принимали в свое подданство и в России, и в Польше. Когда в 1668 году, через 1,5 года после Андрусовского перемирия, польский трон опустел, среди кандидатов на престол в неофициальных кругах называли и самого Алексея Михайловича и его старшего сына царевича Алексея. Конкурентам пришлось потратить много сил и энергии, чтобы не допустить Романовых на польский престол. Если бы конфликты с Москвой носили этнический характер, вряд ли этот вопрос можно было бы рассматривать серьезно. Так что возникновение этнической неприязни между «ляхом» и «москалем» следует все же отнести ко времени разделов Речи Посполитой в конце XVIII века.

Глава 7. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ МОСКОВСКОЙ РУСИ В СРАВНЕНИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Проблема складывания единого Русского (Московского) государства принадлежит к числу ключевых проблем отечественной истории, поскольку от ее решения зависит общая оценка русского исторического процесса. По сути, формирование Московской Руси дает ответы на вопросы «Кто мы»? «Откуда»? и «Куда идем»? Именно поэтому освещение объединительного процесса всегда было теснейшим образом связано с политическим и идеологическим контекстом развития исторической науки.

«Дворянские» историки считали, что причины объединения Руси заключались в стремлении народа восстановить самодержавие. Родоначальник отечественной исторической науки *В. Н. Татищев*, исходя из представления о незыблемости единодержавия, полагал, что оно существовало еще в Древней Руси и было нарушено Ярославом Мудрым, а Иван III «совершенную монархию восставил и о наследии престола единому сыну, учиня закон, собором утвердил». Итоги развития русской дворянской историографии подвел в начале XIX в. *Н. М. Карамзин*, славящий Ивана III за то, что тот восстановил в России единодержавие и уничтожил разновластие.

Достижением сложившейся в середине XIX в. юридической, или государственной, школы (*К. Д. Кавелин*, *С. М. Соловьев*, *Б. Н. Чичерин*) было представление о закономерном характере русского исторического процесса. Ведущую линию исторического процесса составлял, по мнению *С.М. Соловьева*, «переход родовых отношений между князьями в государственные». Носителями государственного начала становились самодержцы, а родового - бояре и княжата. По Соловьеву, формирование государственных отношений падало на время Ивана IV.

Если для «государственников» объединительные процессы являлись несомненным благом, то для *Н. И. Костомарова* утверждение единодержавства в

России означало победу деспотизма над началами «земской свободы». Объединение, по его мнению, лишь подавляло внутреннюю федеративную тенденцию развития, государство оставалось не более чем «внешней формой объединяющейся полицейской власти».

Еще в середине XIX века *Ф. Энгельс* в работе «О разложении феодализма и возникновении национальных государств» определил социально-экономические предпосылки образования единых государств Европы:

- развитие производительных сил (прогресс сельского хозяйства, развитие ремесла);
- развитие товарного производства и товарно-денежных отношений;
- углубление общественного разделения труда и усиление экономических связей между районами;
- рост городов как центров объединения;
- прогрессивная роль королевской власти. Города давали деньги и рабочие руки в обмен на военную и юридическую защиту, льготы для развития ремесла и торговли;
- прогрессивная роль дворянства;
- наличие внешней опасности.

Энгельс утверждал, что объединительные процессы имели универсальный характер и затронули большинство стран Европы в эпоху позднего феодализма: «Повсюду в Европе, вплоть до отдаленных окраин, которые не прошли еще до конца через феодальный строй, повсюду королевская власть восторжествовала одновременно». «...И даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III». В Европе это была эпоха кризиса феодализма. Процесс объединения был связан с формированием национальностей – поэтому складывающиеся государства были национальными.

Перед советскими историками встала сложная задача. С одной стороны, тезисы Энгельса нельзя было игнорировать, поскольку марксистская идеология

являлась базой для советского государства. С другой стороны, было очевидно, что для Руси экономические предпосылки объединения занимали отнюдь не первое место. В связи с этим мнения советских историков разделились. Одни, вслед за Энгельсом, пытались объяснить объединение Руси развитием производительных сил. С позиций экономического материализма пытался объяснить складывание единого Русского государства *Н. А. Рожков*, связывающий объединение с постепенной сменой натурального хозяйства денежным. Экономической причиной образования «огромного Московского царства» *М. Н. Покровский* считал зарождение городской буржуазии. Таким образом, исторические пути России и Европы рассматривались как аналогичные, что делало мир в сущности единым, а идеи мировой революции вполне осуществимыми.

После Второй Мировой войны, в ситуации раскола мира на две полярные системы, для большинства же советских историков стало важным развести пути исторического развития стран Европы и России. В 1946 г. состоялась Всесоюзная дискуссия по проблеме централизованного государства. *П. П. Смирнов* выступил на ней с тезисом об «аграрном перевороте» XIV в., вызванном необходимостью уплаты денег в Орду и интенсификацией в связи с этим сельского хозяйства, однако эта позиция не была поддержана участниками дискуссии. В ходе дискуссии было отвергнуто мнение о том, что главной предпосылкой объединения было развитие производительных сил. Советская историческая наука признала фактор внешней опасности основным в объединении Руси.

С. В. Юшков выступил против механического применения положений Энгельса к русской средневековой истории, поскольку они характеризовали образование единых государств в Западной Европе. Ученый счел преувеличением представление о дворянстве, как главной социальной опоре объединительной политики московских князей, подчеркнув, что в XIV в. действительной опорой власти являлось московское боярство. Существенным отличием социально-политической обстановки образования единого государства на Руси, по сравнению с Западом, был союз с церковью, в то время как на Западе католическая церковь выступала противником королевской власти. Исследователь также об-

ратил внимание на необходимость изучения роли народных масс в объединительном процессе.

Новое обсуждение проблемы произошло во время дискуссии о периодизации истории СССР в 1949-1951 гг. *С. В. Юшков* указывал на то, что ведущим фактором в образовании единого государства было развитие не товарно-денежных отношений, а крепостничества. Сходные мысли были высказаны *А. П. Пьянковым*. *А. А. Зимин* связывал образование единого Русского государства в 80-х гг. XV в. с обострением классовой борьбы, проявившимся в особенности в подъеме еретических движений. В итоговой статье, написанной *В. Т. Пашуто* и *Л. В. Черепниным*, авторы согласились с тем, что образование единого государства на Руси хотя и произошло все же на базе роста экономических связей, тем не менее, было непосредственно обусловлено ростом классовой борьбы.

В 1960 г. вышла монография *Л. В. Черепнина* «Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв.» Ученым был сделан вывод о том, что феодализм на Руси к моменту нашествия монголов еще не исчерпал своих возможностей, не вступил в эпоху разложения. Следовательно, централизованное государство формировалось на феодальной основе. В этом заключалось главное отличие Русского единого государства от европейских. Причинами объединения Черепнин назвал: 1) развитие феодальной собственности на землю, формирование поместной системы; 2) усиление феодальной зависимости; 3) рост социального протеста крестьян.

Интересную позицию заняли *В. Б. Кобрин* и *А. Л. Юрганов*, которые писали, что «централизация России не была вызвана лишь внешним фактором, а была обусловлена целым комплексом причин социально-экономического развития страны. Однако ход централизации опережал созревание ее предпосылок ... И лишь необходимость противостояния Орде ускорила, форсировала этот процесс». «Централизация в России законсервировала сугубо средневековый тип отношений в обществе, не создавая твердых юридических оснований прав и обязанностей личности. Именно этим вариантом централизации была, видимо, обусловлена политическая слабость русской буржуазии, ее привязанность к

колеснице самодержавия. [...] Тип подданства в холопской форме способствовал возникновению и длительной стабилизации крепостничества».

В современной историографии исследования по истории России конца XV–XVI вв. выпустили *В. М. Володихин, Л. В. Данилова, А. Ю. Дворниченко, А. Ю. Карпов, М. М. Кром, В. М. Панях, Р. Г. Скрынников, А. И. Филюшкин, Б. Н. Флоря, И. Я. Фроянов, А. Л. Хорошкевич, Ф. Ф. Шамагонов, С. О. Шмидт, А. Л. Юрганов* и другие. Эти исследования принципиально отличаются от работ предшествующего периода прежде всего разнообразием методологических подходов, наиболее распространенными из которых при изучении средневековой Руси следует признать формационный и цивилизационный. Это выражается в разном понимании сущности государства. Большинство сторонников цивилизационного подхода к истории предпочитает говорить, что централизация Российского государства пошла по восточному, «азиатскому», «деспотическому» пути. «Азиатский» компонент в российском обществе, по мнению исследователей, проявляется главным образом в самодержавной и централистской форме управления, которая имеет место в восточных деспотиях.

Основные дискуссии, как и прежде, ведутся между представителями концепций централизации и земско-общинной государственности. Последних в современной историографии квалифицируют как «школу *И. Я. Фроянова*» или как «санкт-петербургскую школу историков» (*А. Ю. Дворниченко, В. В. Пузанов* и др.). Сторонники концепции общинно-земской государственности рассматривают становление средневековой российской государственности как развитие общинных начал древнерусских городов-государств, превращавшихся постепенно в земли-княжения. По их мнению, в средние века на смену городам-государствам пришло «военно-служилое государство».

Сторонники концепции централизации (*А. Л. Хорошкевич, В. Б. Кобрин, А. Л. Юрганов*) называют централизацию России форсированной и проводившейся с постоянным использованием насилия и террора. Они полагают, что централизация в России законсервировала сугубо средневековый тип отношений в обществе, не создавая твердых оснований прав и обязанностей личности.

Если в советской историографии (*Г. Б. Гальперин, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин, С. В. Юшков*) период второй половины XVI–XVII вв. рассматривался как эпоха сословно-представительной монархии, то в современной историографии *А. П. Павлов, С. О. Шмидт* считают, что формировавшиеся в России сословно-представительные учреждения так и не смогли поставить единодержавную власть монарха под свой контроль. Видимо формула «монархия с думой» наиболее правильно отражает форму правления в Московском государстве в конце XV–XVI вв.

М. М. Кром, А. Н. Сахаров, А. И. Филюшкин традиционно оценивают сложившуюся форму правления в едином Российском государстве как самодержавие или единодержавие. В работах *Д. Н. Альшица, С. О. Шмидта* было высказано мнение о формировании абсолютной формы правления в России уже в XVI в. При этом часть историков высказывает мнение, что деспотическая форма власти зародилась под влиянием Золотой Орды, однако большинство исследователей полагает, что та государственная идея, на которой было замешано самодержавие, ставшее основой политической системы с XVI в., имеет не ордынские, а отечественные истоки. Историки относят к ним военный фактор, рост поместной системы, слабость российского общества и отсутствие как государственных учреждений, так и общественных объединений, и корпораций, традиционно сильную княжескую власть в северо-восточной Руси, недостаточную оформленность и политическую слабость сословий, деятельность русской православной церкви и др.

В итоге можно утверждать, что Московское государство, складывавшееся на северо-востоке Русских земель с XIV в., изначально формировалось в уникальных геополитических условиях, обусловивших специфику его социального, политического и экономического развития.

Географические факторы, влияющие на складывание государства, включали в себя следующие компоненты:

1. Удаленность от моря. Данное обстоятельство было причиной внутренней замкнутости Московского государства, консервации в нем традиционных начал, усиливавших контраст России и Европы.

2. Территория будущего государства была разбита реками, что создавало условия для разобщенности населения. В ходе создания единого государства власти приходилось насильственно соединять отдельные регионы, сосредотачивая бразды правления в одном центре, в одних руках.

3. Отсутствие естественных границ. Протяженная граница с Ордой и Литвой – достаточно крупными и сильными средневековыми государствами – требовала колоссальных расходов на оборону, практически не оставляла ресурсов для удовлетворения личностных потребностей.

4. Огромная государственная территория, вызывающая проблемы с контролем населения, требовала усиления власти на местах при жестком ее контроле со стороны центра.

Природно-климатические условия Московской Руси также отличали ее от стран Центральной Европы:

1. Различные природно-климатические зоны, в которых располагалось государство, создавали весьма непохожие условия для жизни и хозяйствования населения, что делало жителей Московии очень пестрой массой, плохо соединимую для достижения общих целей.

2. Суровый климат и относительно плохие почвы позволяли получить минимум прибавочного продукта. Для обеспечения государственных потребностей приходилось прибегать к жестким экспроприационным мерам в отношении населения.

3. Природные богатства Московии (меха, лес, серебро), тем не менее, превращали ее в постоянный объект агрессии со стороны соседей.

4. Широкие возможности для колонизации ставили страну на экстенсивный путь развития. За счет колонизации новых территорий в России, оттока населения на окраины, где традиционно группировались оппозиционные элементы, до известной степени снижалась социальная напряженность. Это дли-

тельное время смягчало формы социального протеста и замедляло консолидацию сословий.

Внешнеполитические факторы складывания государства представляли собой, пожалуй, ключевые обстоятельства формирования уникальной в своем роде Московской государственности:

1. Постоянная военная угроза со стороны Орды и Литвы обусловили милитаризацию всей внутренней жизни страны и постоянное возвышение княжеской власти.
2. Евразийский характер цивилизации подарили россиянам понятия о веротерпимости, полиэтничности, толерантности.
3. Долгое ордынское господство обусловило политическую нестабильность Московии и стремление князей к самодержавию. Монголы искореняли вечевые, демократические традиции Древнерусского государства. Превращение русского великого князя в вассала татарского хана, система выдачи ярлыков на великое княжение способствовали распространению на Северо-Востоке такой системы власти как восточная деспотия. Одной из ее ярчайших черт была абсолютная, ничем и никем не контролируемая власть монарха, превращение всех подданных в рабов.

Социальными факторами складывания государства являлись:

1. Низкая плотность населения, обусловившая постоянную нехватку в Московии трудовых ресурсов и попытки государства решить эту проблему путем закрепощения.
2. Общинный быт, традиции коллективизма, единственно возможные в суровых природных условиях и в жесткой государственной системе.
3. Преимущественно сельский характер населения, обусловивший упадок вечевых структур.

Важную роль играли также религиозные (или идеологические) факторы:

1. Союз церкви и государства, обеспечивший религиозный традиционализм. В западноевропейских странах католическая церковь в значительной степени осуществляла функции некоего социального контроля над монар-

хом. Она составляла существенную оппозицию светской власти, временами даже подчиняя ее своим интересам. В России же ситуация была совершенно иная. Православная церковь, воспринявшая в этом отношении византийские традиции, рассматривала самодержавие как проявление божественного начала, а самого кесаря как «помазанника божьего», посредника между царством небесным и царством земным, высшего судию.

2. Отсутствие надежных идеологических союзников, «сиротство» после падения Византийской империи.
3. Идеократия (идейные соображения главенствуют над экономическими и социальными стимулами), перенятая из Византии.
4. Мессианство, воплотившееся в теории «Москва – Третий Рим». Эта геополитическая концепция обосновывала претензии Москвы на преемственность всемирно-исторической роли Византии как великой державы, центра мирового православия, а также власти ее кесарей.

Перечисленные обстоятельства изначально обуславливали кардинальные отличия Московского государства от любого другого государства Центральной или Западной Европы. Правителем, при котором как раз и начала формироваться особая Московская государственность, которую отмечали как иностранцы, посещавшие Россию, так и сами жители Московии, стал Иван III.

Именно во время правления Ивана III окончательно сложился русский патернализм. Ю. Г. Алексеев, изучивший Судебник Ивана III, пришел к интересным выводам: «Средневековая русская государственность в форме самодержавия опирается на нравственные принципы православия, исповедуемые народом... Общинные отношения, ясно проявившиеся во многих статьях Судебника, отражали тот же дух неизжитого коллективизма, чувства единства и единения, взаимной помощи и поддержки...». На русский патернализм большое влияние оказывали общинные традиции, менталитет, природные условия, православие. Русское самодержавие не регулировалось законодательно, великокняжеская власть была ограничена нравственным законом православия.

Патернализм предполагал, что отношения в Русском государстве строились по типу большой русской патриархальной семьи. Этот принцип был основан на старине и обычае. По традиции, Российское государство понималось как единое целое, объединенное морально-политическим фактором. В основе таких отношений лежал патернализм, ярко проявившийся уже в XV в. Царь воспринимался как отец своих подданных, ближайшее окружение — как нечто вроде старших братьев, и так далее. Неслучайно царя на Руси называли «батюшка», а царицу «матушка».

К началу правления Ивана III Русское государство еще представляло собой не слишком большую территорию, окруженную вполне самостоятельными удельными княжествами. Отношения удельных князей и великого князя строились на родственных связях, взаимном уважении, признании великого князя «первым среди равных». Иосиф Волоцкий в своем сочинении «Просветитель» писал: ««... царю, или князю, или начальствующему, ... следует поклоняться и служить потому, что это угодно Богу — оказывать властям покорность и послушание: ведь они пекутся и думают о нас.

Если же некий царь царствует над людьми, но над ним самим царствуют скверные страсти и грехи: сребролюбие и гнев, лукавство и неправда, гордость и ярость, злее же всего — неверие и хула, — такой царь не Божий слуга, но дьяволов, и не царь, но мучитель. <...> И ты не слушай царя или князя, склоняющего тебя к нечестию или лукавству, даже если он будет мучить тебя или угрожать смертью».

Московские князья и бояре были в ту эпоху нужны друг другу, их интересы тесно переплетались. Первые нуждались в военной силе, чтобы чувствовать себя уверенно в роли единственных ставленников Орды в обстановке потенциальных внутренних и реальных внешних угроз: Москве приходилось выдерживать противоборство с сильной Литвой, тоже претендовавшей на объединение «всей Руси» и уже поглотившей ее западные и юго-западные регионы. Бояре же получали от московских князей земли и должности, высокая доходность которых предопределялась монополией Москвы на сбор дани для Золотой Орды.

Однако уже в Судебнике Ивана III, а затем и в Судебнике Ивана Грозного были зафиксированы совершенно новые для Русского государства права верховной власти:

- Высшей судебной инстанцией становились Боярская дума и Великий князь (царь).
- Были обозначены преступления против государства, должностных лиц и государственных органов (крамола; подым).
- Вводилась смертная казнь, тюремное заключение, насильственный постриг в монахи, ссылка, пожизненное заточение в отношении мятежников и крамольников даже из числа князей, и высокородных бояр.
- Запрещалась выдача тарханных (освобождающих от уплаты налогов) грамот.

Не последнюю роль в складывании новой государственной системы сыграла вторая жена Ивана III византийская царица Софья (Зоя) Фоминична Палеолог, принеся с собой на Русь отдельные элементы византийского политического этикета.

В результате конец XV столетия стал новым началом отечественной истории, которое было подготовлено всем предшествовавшим развитием, началом единой централизованной Руси, объединенной вокруг одного государственного центра и в смысле места (Москва), и в смысле полновластного правителя (московский великий князь). К концу своего правления Иван III превратился в настоящего государя, правителя, мало зависимого от своего боярского окружения. Сохранение за боярством его наследственных земельных владений (вотчин) тоже становилось условным, ибо ставилось в зависимость от государевой службы – прежде всего военной.

Карл Маркс в «Секретной дипломатии» отмечал: «К концу царствования мы видим Ивана III сидящим на вполне независимом троне рука об руку с дочерью византийского императора. Мы видим Казань у его ног. Мы видим, как остатки Золотой Орды толпятся у его дворца. Новгород и другие русские республики покорены. Литва уменьшилась в своих пределах, а ее король является

послушным орудием в руках Ивана. Ливонские рыцари разбиты. Израненная Европа, в начале царствования Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, затиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточной границе».

Политику Ивана III продолжил его сын от брака с Софьей Палеолог – Василий III. По мнению современников, Василий III представлял собой образец самодержавного государя. Сигизмунд Герберштейн, побывавший в России в его царствование утверждал: «Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира... Всех одинаково гнетет он жестоким рабством...».

Такая трансформация княжеского статуса стала возможна вследствие значительных перемен, произошедших в составе боярства. Будучи представителями рода Рюриковичей, «княжата», как их тогда называли, рассчитывали на восстановление в новых условиях старого родового принципа – на сей раз не посредством дележа между собой территории, а посредством коллективного управления страной из одного центра. Они готовы были примириться с превращением княжеской власти в государеву и даже Царскую – «государь всея Руси» стал фактом, произошедшая централизация воспринималась как необратимая, а старые удельные порядки – как невозвратимые. Но «княжата» и бояре хотели «коллективного руководства», т.е. желали иметь зависимого от них государя, между тем как последний стремился к максимальной независимости от них.

Оседание «княжат» в Москве сопровождалось возникновением системы занятия государственных должностей, получившей название местничества. Она предполагала воспроизведение иерархии служебных статусов («мест») из поколения в поколение: представитель каждой семейной ветви по отношению к представителям, других ветвей должен был занимать в этой иерархии то же место, какое занимали его предки. Московские государи эту систему признали – спорить с традицией («стариной») в ту эпоху было не принято. В то же время,

родовые местнические счеты блокировали консолидацию и самоорганизацию боярской элиты, предопределяли ее разрозненность

Одним из первых это явление заметил выдающийся русский историк *И. Е. Забелин*, который видел в этом проявление родового быта. Это родовое начало рассматривало людей с отеческой точки зрения, где могут быть только старшие и младшие. Отсюда брало свое развитие и местничество, которое ограждало московскую элиту от проникновения новых «худородных» лиц. Люди строили свою жизнь исходя из родовых отношений, старшинства рода, а не личных заслуг и достоинств. От «отечества» человека зависел его статус в обществе, отношения к нему со стороны других.

Серьезный удар по родовой аристократии был нанесен в период опричнины. По мнению *Н. А. Рожкова*, «опричнина Ивана Грозного сыграла роль первой решительной попытки уничтожить политические притязания боярства, и что в общем и целом политика правительства до конца века шла по той же стезе, т. е. в духе ограничения боярских притязаний в интересах дворянской массы». Возражая Ключевскому, Рожков писал, что «опричнина была орудием не только личной, но и политической борьбы, не только губила людей, но и уничтожала враждебные самодержавию и дворянскому господству порядки».

В результате осуществленных в течение второй половины XV-XVI вв. политических мероприятий на территории Московской Руси было создано государство вотчинного типа, обладающее целым рядом особенностей:

- Государство – собственность государя.
- Божественное происхождение царской власти.
- Отсутствие идеи законности.
- Население государства – холопы государевы. Закрепощение сословий.
- Нет частной собственности, национального рынка.
- Патернализм. Местничество.
- Подавление личностной инициативы.
- Отсутствие профессиональной управленческой элиты.
- Отсутствие инновационных импульсов.

То, что Московское государство представляло собой, по сути, лишь вотчину московских великих князей, заметил еще *В. О. Ключевский*. Общество смотрело на государство как на вотчину московских князей, княжеской династии, из владений которой оно выросло. В общественном сознании государство понималось в первоначальном удельном смысле, «как хозяйство московских государей, как фамильная собственность Калитина племени, которое его завело, расширяло и укрепляло в продолжение веков».

Участник английской морской экспедиции, побывавший в России в 1553–1554 гг. Ричард Ченслер писал: «Можно сказать, что русские находятся в великом страхе и повиновении...» Русская традиция уважительного отношения к власти понималась Ченслером, вслед за Герберштейном, как рабское подчинение, что и нашло отражение в следующих строках: «Русские ... униженно просят, чтобы им позволили служить великому князю, и кого князь чаще других посылает на войну, тот считает себя в наибольшей милости у государя...».

В работах *С. Ф. Платонова* и *А. Е. Преснякова* обоснованно доказывалось, что в XV–XVI вв. сложилась особая система государственного управления, в которой государь выступал в роли крупного вотчинника, и этой вотчиной было все Московское государство. О закреплении сословий в Московской Руси писали *Б. Н. Чичерин*, *П. Н. Милюков*, *М. Т. Яблочков* и др. *В. Б. Кобрин*, *А. Л. Хорошкевич*, *А. Л. Юрганов* доказывали тезис о деспотической форме правления в России в этот период времени.

В 50–60-е годы на западе также сложилась идея о России как деспотическом государстве и особой психологии русских, склонных к жестокости и рабству. Отметим работу в этом русле *Р. Пайнса* «Россия при старом режиме». Концепция историка заключается в том, что Московское государство было создано по подобию удельного княжества, с характерным деспотическим характером правления. Все население делилось на «служилых» и «тяглых». «Служилые» обслуживали правителя и несли военную службу. «Тяглые» были обязаны работать на землях государя. В «Московской империи» не было аристократии, знати (*nobility*) в западном смысле слова. Русская аристократия не имела лич-

ных привилегий потому, что все жители государства были равны перед великим князем. И виднейшего служилого человека могли лишить жизни и имущества по воле государя. Таким образом, деспотизм Русского государства делал все социальные категории едиными по сущности. Похожие тенденции прослеживаются в работах американского историка *Р. Хелли*. Он отмечал, что «война была главным (major) делом Московского государства». И именно война накладывала отпечаток на взаимодействие власти и общества в России. Война способствовала превращению всех слоев общества в единую служилую массу. Возвышение дворянства проходило одновременно с «порабощением» основной массы страны.

Теорию об отсталости России пытались в свое время оспорить славянофилы. В работах *Н. П. Павлова-Сильванского* также предпринималась попытка доказать, что Россия и Европа шли одним путем. Некоторые выводы ученого получили свое развитие в трудах советских историков (*Б. Д. Греков, В. В. Мавродин* и др.). *Р. Г. Скрынников* отмечал, что Россия представляла собой общество, основанное на устном договоре, заключенном между дворянством и великим князем московским.

Интересные наблюдения о Русском государстве оставила *Н. Ш. Коллман*. На ее взгляд, Россия представляла собой страну, где сложился традиционный, патриархальный уклад жизни, общество было объединено не сословными правами и обязанностями, а общностью религии и чести. Дворянство было очень аморфной, разобщенной группой и не представляло единого сословия. Это позволяло правящим кругам и великому князю проводить свою политику без влияния со стороны крупного дворянства, при этом опираясь на зависимых от государя мелких помещиков — детей боярских.

Все сказанное выше позволяет говорить об уникальной государственной системе Московской Руси, кардинально отличающейся от аналогичных систем европейских стран. Условия, в которых происходило складывание московской государственности, можно назвать сложными для образования, протяженного по территории единого государства. Формирование государства требовало от

носителя верховной власти значительных усилий. Система государственного управления оформилась в основном в правление Ивана III и отличалась жесткой иерархичностью, централизацией власти. Традиции соправления великого князя с боярами постепенно уступали место самодержавию. Патерналистское сознание населения Московской Руси воспринимало эти изменения как естественные. Опричнина окончательно превратила бояр в государевых слуг. Свобода бояр, основанная на их праве земельной собственности и свободного перемещения внутри государства и за его пределы, была ликвидирована. Любые проявления самостоятельности населения жестоко карались. Созданное в итоге государство вотчинного типа максимально соответствовало геополитическим условиям, в которых находилась Московская Русь. Однако специфика вотчинного государства предопределила отставание (экономическое, культурное) Руси от стран Центральной и Западной Европы.

Глава 8. ПРИЧИНЫ, ОСОБЕННОСТИ, ПОСЛЕДСТВИЯ И ЦЕНА ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В научной и учебной литературе история преобразований Петра I рассматривается обычно по крупным темам – реформы в сфере государственного управления, в экономике, военные реформы и т.д. Это вполне оправданно, поскольку, суммируя все это, можно более отчетливо представить и общие результаты. Но такой подход имеет и свою негативную сторону, поскольку отчасти нарушаются причинно-следственные связи между отдельными преобразованиями, теряются многие непосредственные побудительные мотивы реформ и, следовательно, нарушается и целостность всей картины. Перед тем, как говорить об основных направлениях деятельности Петра в отдельности, необходимо именно целостная картина петровских реформ, необходимо уяснить их логику. Поэтому в первой части данной главы разберем хронологию и логику деятельности Петра I, а во второй части остановимся на наиболее принципиальных дискуссиях о том, как оценивать эту деятельность.

Первый период правления Петра I - с 1694 по 1700 гг.

На сегодняшний день в исторической науке утвердилось четкое мнение, что начало самостоятельного правления Петра I необходимо отсчитывать от даты смерти царицы Натальи Кирилловны, т.е с 1694 года. Пока царица была жива, Петр практически не вникал во внутренние дела государства, его не интересовало ни то, что решалось в Боярской Думе, ни функционирование приказов. И царь по большей части передоверил управление страной своему дяде – Л.К. Нарышкину.

Однако уже в начале осени 1694 года, вернувшись из Архангельска в Москву, молодой царь произвел очередные грандиозные маневры, а далее принял решение выступить в уже настоящий поход. Поход был ориентирован на Юг, что впрочем было традиционным для российской военной стратегии того времени, если вспомнить, что еще в 70-е годы XVII века был заключен союз России с Польшей, Австрией и Венецией против Османской Порты. На момент

описываемого похода у Петра еще не было никаких новых внешнеполитических идей и замыслов. К тому же неудача Первого Азовского похода подхлестнула амбиции Петра.

Учтя ошибки азовской кампании, Петр не только не упал духом, но и вернулся в Москву с принципиально новым планом похода. Уже 27 ноября 1695 года, т.е. через два дня после возвращения царя, служивые люди получили нужную информацию о походе. Одновременно большие силы были переброшены в Воронеж и Преображенское для строительства флота. Туда с ближайших округ было согнано около 20 тысяч работников, в основном из крестьян. С топорами и пилами в руках они взялись за работу. Таким образом, можно считать, что была проведена первая широкомасштабная мобилизация населения, опыт которой будет повторен Петром неоднократно. Данная операция позволила за несколько месяцев, т.е. в кратчайшие сроки, построить около 30 различных судов. Проведенная мобилизация, кроме того, показала, что в мероприятиях сугубо военного характера умело использовались меры, сочетавшие насилие со стимуляцией новых форм деятельности.

Второй Азовский поход закончился успехом. Это была значительная победа, укрепившая политический авторитет царя, который в глазах россиян был подпорчен дружбой с иностранцами и тем образом жизни, который Петр избрал для себя.

Важность одержанной под Азовом победы состояла еще и в том, что это была первая победа за довольно долгий период. Поэтому Петр I решил извлечь из нее как можно больше дивидендов для себя и распорядился приготовить в Москве особо торжественную встречу. Торжество велено было провести не в русских традициях, а на европейский манер. Для русского зрителя было непривычно видеть царя в немецком платье, идущего следом за своими генералами.

Успех в военной баталии раззадорил Петра. Через три недели после торжественного въезда в Москву царь собрал Боярскую Думу.

Боярам предстояло решить два важнейших вопроса: как восстановить и сохранить для России Азов с прилегающими территориями и как создать бое-

способный парусный флот? И то, и другое требовало значительных человеческих ресурсов и серьезных финансовых вливаний. Еще не так давно Дума могла воспротивиться, но у Петра-Победителя был совершенно другой статус. В конечном итоге сошлись на том, что в Азов необходимо переселить 3000 семей из поволжских городов, а для строительства флота учредить специальную корабельную повинность, разложив расходы на монастыри, служилых людей и купцов.

Из них же были составлены т.н. «кумпанства» – сообщества ответственных за строительство определенного числа кораблей. Ранее апробированная мобилизация стала распространяться на все социальные слои населения. Думе ничего не оставалось делать, как только санкционировать посылку многих тысяч людей на строительство флота.

Однако одним крестьянским топором построить флот было немыслимо, - нужны были специалисты. Их могла дать только заграница. В 1696 году царь издает указ о посылке на учебу в Европу нескольких десятков молодых людей из знатных семейств.

6 декабря 1696 года в Европу отправилось «великое посольство», в составе которого под именем Петра Михайлова находился сам царь. Это был первый случай в российской истории, когда православный монарх покидал пределы страны, отправлялся в чужие края. Расценить данный шаг можно как явный вызов российской старине. Петр многого ожидал от поездки. Им двигало не только естественное любопытство - царя влекли учеба и желание окунуться в кулуары международной политики.

Выхода в Черное море, которого требовали государственные интересы России, невозможно было добиться без полномасштабной войны. Однако решиться на такое опасное мероприятие, было невозможно без поддержки союзников по коалиции. Те же не спешили проявить себя, что бесконечно удивляло и раздражало Петра. Оказавшись в Европе, Петр попытался дойти до сути всех тонкостей мировой политики и закулисных дипломатических интриг. По все видимости, к концу миссии Великого посольства царь со всей очевидностью

понял, что антитурецкий союз – скорее, фикция, чем помощник в решении Восточного вопроса и стал рассматривать вариант создания антишведского блока в союзе с Данией и Польшей.

25 августа 1698 г. царь вернулся в Москву. Уже на следующий день, заслушивая доклады бояр в Преображенском, он постарался вникнуть во все обстоятельства текущего момента. Тогда же началась его пресловутая «борьба с бородами». Самолично обрезая бороды, Петр тем самым показывал, что теперь в его обязанности входит также воспитание народа. Так стала внедряться в российскую повседневность концепция «регулярного государства» (государства общего блага) с ее мелочной регламентацией всего уклада жизни, быта. Не делалось исключения и для высокопоставленных подданных. Таким образом каждый человек становился винтиком в хорошо отлаженном государственном механизме, имел строго определенные обязанности, от четкого выполнения которых зависело процветание общества.

30 января 1699 года Петр подписал несколько важных указов, ставшими определяющими для реформы управления.

Во-первых, города получили новый орган – выборные бурмистерские палаты, в функции которых вошли сбор налогов и судебные дела. Таким образом, произошло следующее: горожане выводились из-под власти воевод, которая была тягостной для этого слоя населения. Вероятно, Петр, принимая это решение, надеялся на то, что, избавившись от своеволия воевод и получив определенную свободу, горожане активизируются в плане торговли и предпринимательства. Однако для получения быстрой прибыли от предполагаемой активности царь ввел для избравших самоуправление горожан двойную подать. И это решение свидетельствовало о том, что Петр плохо понимал российскую действительность. Общество оказалось не готовым к быстрым переменам по западному образцу. Большинство горожан заявило, что перемены им не нужны, а воеводская власть их вполне устраивает. Осознание ошибки произошло довольно быстро, и уже в октябре 1699 г. Петр отменил двойной оклад, а выборы бурмистра сделались обязательными.

В феврале 1699 г., еще до нового отъезда в Воронеж, Петр вновь обратил внимание на несоответствие внешнего облика подданных с образцами, к которым тяготел сам. Описан следующий эпизод: на освящении Лефортова дворца, на котором присутствовало большое число знати в традиционной русской одежде, Петр, вооружившись ножницами, собственноручно стал укорачивать рукава и полы их кафтанов.

В 1700 году с разовыми акциями было покончено – появился ряд указов, законодательно регламентирующих вид и стиль одежды. Так, всем, кроме священников, крестьян и извозчиков, предписывалось носить европейское платье и обувь. В 1701 году вышли запретительные указы на изготовление и продажу русского платья. По истечении некоторого времени регламентация распространилась и на фасоны немецкого платья.

За столь неординарными новшествами скрывались далеко идущие планы: обрив и переодев в европейскую одежду значительную часть своих подданных, Петр провел разделительную грань: одни должны были жить по европейски, другие – традиционно (позднее, в 1706 г., из числа обязанных носить немецкое платье и ездить, используя немецкие седла, были исключены жители Сибири).

Первопричиной «борьбы» Петра с бородами и длиннополой одеждой было, по-видимому, раздражение, однако царь инстинктивно, но верно нашел путь к достижению куда более амбициозной цели. Человек, переодетый в более рациональный европейский костюм, начинал иначе двигаться: ему уже не мешали ни длинные рукава и полы тяжелых шуб, ни высокие шапки. Со сменой одежды изменилась сама жизнь, менялись мироощущение, стиль мышления. Конечно, труднее всего пришлось людям зрелого и пожилого возраста, которым было приспособливаться к новшествам. Они поневоле стали отходить на второй план, освобождая место для более молодой элиты.

Налицо была быстрая смена поколений, характерная для периодов радикальных реформ. Ярким примером, подтверждающим сказанное, явилась Боярская дума. Созданная, казалось бы, навечно, она за период с 1690 по начало 1700-х гг. трагически вымирает: царь перестал жаловать боярские чины, и дея-

тельность этого могущественного органа затухла, причем без сопротивления. Прежняя политическая элита исчезла с государственного поля, как бы почувствовав свою обреченность

В конце сентября 1699 г. царь возвращался в Москву с созревшим внешне-политическим решением – идти войной на Швецию. Было объявлено о записи на военную службу вольнонаемных, затем пришел черед так называемых «даточных людей». Их собирали по одному от определенного количества крестьянских и посадских дворов. Всего было собрано 32 тыс. человек. Их определили в 29 полков во главе с офицерами-иностранцами.

Конец 1699 г. был ознаменован важнейшим событием – реформой календаря. Петр повелел вслед за Европой вести летоисчисление от Рождества Христова и 1 января отметить 1700 год. Само празднование также регламентировалось: было предписано украшать дворы домов еловыми ветками и деревьями, устраивать фейерверки и др.

Преобразования в сфере управления и реорганизации армии повлекли за собой изменения в системе органов власти. Ряд старых приказов оказались не востребованными и были заменены теми, которые отвечали новым задачам страны. Например, порождением новой эпохи были Адмиралтейский и Рудоканный приказы. В феврале 1700 г. Петр распорядился учредить Палату об уложении, которой поручалось пересмотреть и систематизировать то законодательство, по которому жила страна. Это весьма показательно: новое государство осознавало, что новому государству должны соответствовать и новые законы. Однако результаты деятельности палаты Петра 1 не удовлетворили. По мнению *А.Н. Медушевского*, царя не устроил ярко выраженный сословный характер выработанного проекта.

Таким образом, уже в самых первых преобразованиях Петра проявились особенности, характерные и для его реформ последующего времени: масштабность, распространение новшеств на разные сферы жизни и очевидная бессистемность, отсутствие какого-либо плана, представлений о необходимой последовательности действий. Многие решения принимались под влиянием момента,

конкретных обстоятельств. Главным же для Петра в течение всей первой половины 1700 г. была подготовка к войне. Наконец, в августе 1700 года война со Швецией была объявлена и русская армия выступила в поход на Нарву.

Второй период правления Петра I – с 1700 по 1709 гг.

Определяющим для второго этапа правления Петра I называют то поражение под Нарвой, которое ему пришлось пережить в 1700 г. Некоторые исследователи склонны считать это поражение «холодным душем», подействовавшим на царя отрезвляюще. К Петру пришло осознание того, что успех зависит от серьезной, планомерной и трудоемкой работы.

В ноябре 1700 г., предугадывая замыслы противника, Петр укрепляет Новгород и Псков, отдает распоряжение о формировании новых полков и литье пушек. В кратчайшие сроки было сформировано 10 полков и отлито около 300 орудий. Крайне нужны были металл и деньги. Металл собирали по всему государству и даже, согласно легенде, использовали колокола с церквей. В декабре 1701 г. дала чугун первая домна на уральском заводе, заложенном по приказу царя в 1698 г.

В начале 1702 г. завод стал выплавлять железо, которое по качеству превосходило европейские образцы. Проблема с деньгами также была решена: монетный двор стал чеканить медную монету облегченного веса. (При этом, правда, государство, с одной стороны, получило миллионные прибыли, а с другой – произошел обвал рубля).

С 1701 г. при царе стала функционировать ближняя канцелярия, возглавляемая Н.М. Зотовым. Ей были поручены координация и контроль за деятельностью приказов, особенно их финансовой составляющей.

При этом дело воспитания подданных по-прежнему оставалось в зоне царского внимания. В октябре 1700 г. умирает патриарх Адриан. Петр I назначает на освободившийся пост «местоблюстителя» патриаршего престола. Далее, в январе 1701 г., выходит указ о создании Монастырского приказа во главе со светским чиновником. Вновь созданному приказу вменяется «ведать всеми монастырями и делами священнослужителей». Дело ставится на сугубо контроль-

но-регламентированную основу: проводится перепись монахов, выходит запрещение переходить из одного монастыря в другой, а для пострига в монахи или монахини необходимо было заручиться царским разрешением. Кроме того, ведется строгий подсчет того, во сколько обходится пропитание отдельно взятого монаха, высчитывается сумма дохода монастыря и затем определяется, сколько должен отдавать монастырь в государственную казну.

Так государственная регламентация распространилась еще на один социальный слой – духовенство.

В марте 1702 г. была введена единая форма обращения к царю – теперь каждое прошение на имя царя должно было заканчиваться фразой: «Вашего Величества нижайший раб». Тем самым устанавливалось: царь – хозяин всего населения государства. Показательно, что в богатейшем русском языке Петр выбрал именно слово «раб», хотя им же подразумевалось создание новой системы взаимоотношений власти с народом.

Идеологическая подоплека была и в решении 1702 г. основать первую постоянную газету «Ведомости». В ней публиковались сведения об успехах Российского государства. В том же году началось обустройство публичного театра на Красной площади в Москве. Вскоре там ставились пьесы об Александре Македонском, Юлии Цезаре, Тамерлане, произведения Мольера, в частности «Лекарь поневоле».

Петр I стремился реформировать медицинскую службу в стране. В 1700-1701 гг. в Москве была запрещена бесконтрольная продажа лекарственных трав и прочего зелья. Под контролем Посольского приказа было открыто восемь казенных аптек. Защищать «здравие народа» был призван указ, запрещающий под страхом кнута и ссылки носить при себе острые ножи, так как их очень часто пускали в ход в пьяных драках. В начале 1704 г. царь издает указ, запрещающий убивать младенцев, родившихся с физическими недостатками, а также хоронить мертвых ранее, чем через три дня после смерти.

Регламентации подвергся и институт брака. Согласно царскому указу, свадьбе должно было предшествовать обручение (за шесть недель до свадьбы). В

этот период можно было переменить решение как жениху, так и невесте. Это был первый пример утверждения в законном порядке права женщины на выбор.

Весной 1702 г. царь отправляется в Архангельск и находится там три месяца. В этот период на воду было спущено два новых фрегата и заложен 20-типушечный корабль. Там же созрела мысль атаковать Нотебург, что и было сделано.

11 октября 1702 г. после 12-часового штурма русские войска взяли крепость. Имя ей дали Шлиссельбург – Ключ-город. В апреле 1703 г. был взят Ниеншанц, что сделало Неву от истоков до устья русской. Закрепить успех было решено постройкой крепости, которая была заложена 16 мая, получив название «Санкт-Петербург». С 1773 г. ей было суждено стать новой столицей новой страны.

Один из красивейших городов мира, Петербург и по сей день остается символом петровской эпохи, воплощенной мечтой великого реформатора России. В этом символе своеобразно соединились и противоречия деяний Петра: изящество, роскошь, изысканность проспектов, площадей, набережных и дворцов на фоне слишком часто мрачного неба, пронзительного ветра и постоянно угрожающей городу воды. С точки зрения здравого смысла, трудно было найти место, более неприспособленное для жизни человека. Но и в этом тоже был символ — символ России, по воле Петра, преодолевающей стихию. По все видимости, именно это - возможность создать город буквально с нуля, построить заново, на пустом месте, вопреки природе, в соответствии со своими представлениями об идеальном городе и привлекали государя. Петербург должен был стать для всей России образцом регулярности, разумности, правильной, т.е. по определенным правилам, организованной жизни. Прямые линии улиц и проспектов, пересекающиеся под прямым же углом, определенные указами типы домов для каждой категории жителей с фасадами на улицу, и указами же регламентированные цвет и высота домов, печных труб, потолков и пр. Наконец, одетые в европейское платье жители, вся жизнь которых — и общественная, и частная — подчинялась строгому распорядку.

Петербург был еще и символом внешнеполитических амбиций новой России, свидетельством трансформации старой доктрины "Москва—Третий Рим" из чисто идеологической в политическую. Это проявилось в символике Петербурга, изученной *Ю.М. Лотманом* и *Б.А. Успенским*. "Наименование новой столицы Градом Святого Петра, — отмечали они, — неизбежно ассоциировалось не только с прославлением небесного покровителя Петра Первого, но и с представлением о Петербурге, как о новом Риме. Эта ориентация на Рим проявляется не только в названии столицы, но и в ее гербе... особое значение приобретает подчеркнутое насаждение в Петербурге культов апостолов Петра и Павла".

Открытие, по выражению *А.С. Пушкина*, "окна в Европу" не ограничивалось лишь строительством Петербурга. Еще в апреле 1702 г. на свет появился "Манифест о вызове иностранцев в Россию", в котором, по мнению *Н.И. Павленко*, "развернута программа царствования и изложены способы ее реализации". В Манифесте говорилось о необходимости распространения просвещения, укрепления армии и пр., но основная его часть посвящена гарантиям иностранцам: свободный въезд в Россию, свобода вероисповедания в рамках христианских конфессий, суд по европейским законам и нормам римского права, возможность выхода в отставку по правилам, принятым в других европейских странах. Появление Манифеста — безусловное свидетельство того, что уже в это время Петр более или менее отчетливо представлял цели своей политики, однако *А.Б. Каменский* считает, что вряд ли можно говорить о Манифесте как о программе реформ. Очевидно, что у царя не было каких-либо определенных представлений о необходимой последовательности действий, о тактике преобразований. Да и средства достижения поставленной цели он представлял весьма примитивно. Не случайно слова Манифеста были обращены не к соотечественникам, а к иностранцам, которым пытались внушить, что их приглашают на службу во вполне цивилизованную страну.

Приглашение иностранных специалистов не было оригинальной придумкой Петра, напротив, это была довольно распространенная традиция, однако в России она приобрела широкомасштабный характер.

Армия подверглась реформе в 1705 г., причем военная реформа была полномасштабной. Введены новые принципы комплектования армии путем рекрутирования. Рекруты собирались непосредственно из крестьянского населения. Число рекрутов определялось числом крестьянских дворов. Важно подчеркнуть, что за поставку рекрутов ответственность несла вся крестьянская община. Она регулировала очередность и устанавливала круговую поруку: родственники ручались за новобранца и в случае его побега, в рекруты забирали кого-то из поручителей.

В этом проявлялась одна из особенностей преобразований Петра – проведение реформ с опорой на традиционные социальные институты. Донос возводился в ранг гражданской обязанности.

Рекрутчина, мобилизация людских ресурсов на строительство Санкт-Петербурга, сопровождавшаяся массовой гибелью и болезнями, тяготы все повышающихся налогов, многочисленные трудовые повинности, насильственное насаждение чуждых русскому человеку порядков, вмешательство в быт и культуру повседневности – все это вызывало недовольство и порождало брожение в различных слоях населения. Особо резкий всплеск вылился в восстания в Астрахани (1705 г.) и на Дону (1707-1709 гг.), которые были жестоко подавлены.

К числу важнейших петровских преобразований относится губернская реформа, начало которой было положено указом от 18 декабря 1708 г. Согласно указу, страна была поделена на восемь губерний, во главе которых царь поставил губернаторов (как правило, из числа наиболее знатных сановников). Губернаторы были наделены большой административной, военной и судебной властью, распоряжались всеми ее финансами.

Первопричиной рассматриваемой реформы была военно-экономическая составляющая – нужны были средства для ведения войны.

Позднее за каждой губернией было закреплено определенное число армейских полков, которые она должна была содержать. На первый взгляд, власть перераспределялась между центром и провинциями и царь делегировал часть своих властных функций, но губернаторы становились глазами и руками самодержца на местах.

Третий период правления Петра I – с 1709 по 1717 гг.

«В истории России XVIII века ни одна военная победа не принесла столь богатые плоды, как Полтавская (27 июня 1709 года), - заметил *Е.В. Анисимов*. – Россия с этого времени становится значительной фигурой политической Европы». Полтаву считают знаковым событием, после которого изменилось геополитическое положение России. Победа усилила как влияние российского государства на Европу, так и высоко подняла авторитет самого Петра I.

Победителя помпезно встретила Москва: в состоявшемся шествии Петр в сопровождении маршалов Меншикова и Шереметева впереди Преображенского полка гарцевал на той же лошади, на которой участвовал в Полтавском сражении. За полком преображенцев следовала колонна пленных шведских офицеров.

Одним из этапов военной реформы следует считать создание 22 февраля 1711 года (накануне Прутского похода) Правительствующего Сената. Он представлял собой коллегиальный орган из девяти человек с четко очерченным кругом функций. В указе от 2 марта того же года были определены задачи вновь созданного органа: поиски новых источников средств на военные нужды, отправленние суда, пополнение офицерского состава армии за счет уклоняющихся от службы дворян, забота о развитии и совершенствовании внутренней и внешней торговли (в частности, с Китаем и Персией), упорядочение откупов. Все сенаторы обладали равными правами и должны были принимать решения коллективно.

Петр со своей харизмой и реформаторскими преобразованиями вывел на государственное поле целую плеяду «птенцов гнезда Петрова» - талантливых, энергичных, амбициозных людей, готовых воплощать идеи своего кумира в

практику. Однако по части личных пристрастий к благам далеко не все следовали его примеру. Петр не имел тяги к роскоши и на протяжении ряда лет демонстративно получал из казны то жалование, которое соответствовало его чину, однако такое бескорыстие царя не стало предметом подражания, тем более, что новые должности в новых учреждениях, закупки для армии, набор рекрутов, активизация торговли и производства и др. открывали множество возможностей для обогащения. Ни представители «старой» аристократии, ни выходцы из «низов» не обременяли себя высокими нравственными принципами. Во многом это и теми способами, которыми проводились реформы.

Примерно с 1713 года Петр развернул беспощадную борьбу с казнокрадами, издав серию указов, в том числе приветствующих доноительство на преступления. (Позднее в закон была даже введена жесточайшая мера наказания за недоноительство). Одновременно с Сенатом был создан институт фискалов, которому поручался контроль за деятельностью чиновников, вплоть до самых высших. В последующие годы немало служащих разных рангов подверглось репрессиям за «лихоимство», устраивались публичные казни, вроде казни сибирского губернатора князя М.П. Гагарина. Но победить коррупцию Петр не мог: болезнь проникла в самое сердце государственного организма, поражала самых близких царю людей, много лет пользовавшихся его безграничным доверием, как, например, А.Д. Меншиков.

Поскольку система новой службы только создавалась и описанные выше риски сопровождали ее, необходимы были регламентирующие законы. В марте 1714 г. вышел знаменитый указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществвах», больше известный, как «Указ о единонаследии». Закон закрепил равенство вотчины и поместья как форм недвижимости. Теперь земельные владения нельзя было делить между всеми наследниками умершего. Недвижимость доставалась только одному из сыновей, по выбору завещателя. Петр I был убежден, что в этой ситуации, оставшиеся без источника постоянного дохода будут потенциальными служащими или предпринимателями.

Петр высоко ставил профессиональную подготовку и образование пришедшего на государственную службу. Петровский указ запрещал направляемым на учебу за границу дворянам жениться. Поблажек в этом вопросе не делалось никому. А в 1714 г. вышло предписание, запрещавшее дворянским сыновьям жениться до тех пор, покуда они не получают хотя бы начальное образование. Дворяне без образования не могли претендовать на командные должности в армии, а также на руководящие посты на гражданской службе.

Сама служба позже подверглась реформированию и регламентированию. В 1716 г. Петр лично разработал и представил правительству «Устав воинский», который определял устройство и организацию армии, обязанности военнослужащего, основы строевой и полевой службы, военно-уголовные нормы. Действенность и рациональность этого Устава предопределили его долголетие – он действовал вплоть до Великих реформ. В условиях регулярного государства нормы Устава распространялись по сути и на гражданское общество.

Изменения затронули и политику государства в сфере промышленности. Начиная со второй половины 1710-х гг. становилось все более очевидным, что государство не справляется с финансовым содержанием промышленности, поэтому началась передача казенных предприятий в частные руки. И хотя новым владельцам сулили торговые льготы, на деле оказывалось, что у частника не было прав собственности ни на тот завод, который он построил сам, ни на тот, который он получил от государства. Владелец оказывался по существу лишь арендатором, от которого требовалось выполнение казенных заказов, преимущественно военного характера. В таком положении вещей были и положительные, и отрицательные стороны. К положительным можно отнести то, что обеспечивались стабильность производства и защита от свободного рынка. К отрицательным – отсутствие конкуренции и как следствие – мотивации к совершенствованию производства.

Аналогичная картина наблюдалась и в торговле, которая также развивалась под жестким контролем государства. Купечество задыхалось под бременем военных расходов, страдало от мелочной регламентации (где, как и чем

торговать). Не по душе купечеству пришлось и кампания по переселению в Петербург купцов из разных регионов страны, начатая в 1711 г. В этом году последовал очередной запрет: на этот раз – на вывоз товаров российского экспорта через Архангельск. Новым пунктом был определен Петербург с пока еще плохо налаженной инфраструктурой. Результатом такой политики стало разорение многих купеческих семей.

Четвертый период правления Петра I – с 1717 по 1725 гг.

Примерно с 1717 г., по мнению многих историков, начиная с *В.О. Ключевского*, начинается второй большой этап петровских реформ, характеризующихся наибольшей осмысленностью и целенаправленностью.

В 1718-1720 гг. происходит замена приказов коллегиями. В этом решении прослеживается желание следовать шведскому опыту. И хотя шведская система при простом переносе на почву русского самодержавия оказалась нежизнеспособной, но взять из нее принципы организации коллегий оказалось вполне реальным.

Важнейшим из этих принципов был принцип камерализма, который в то время был широко распространен не только в Швеции, но и в других странах Западной Европы. Содержание двух основополагающих черт камерализма, по мнению историка *Е.В. Анисимова*, заключается в следующем: «Первая из них – это строго функциональный принцип управления, предполагающий существование центральных учреждений, которые специализируются на какой-либо одной сфере государственного хозяйства... Эти сферы не подчинены друг другу и распространяют свои действия на территорию всей страны без изъятия. Вторая черта камерализма – это особое, отличное от средневекового, внутреннее устройство учреждений, основанное на коллегиальности, четкой регламентации обязанностей чиновников, глубокой специализации канцелярского труда, устойчивых штатах служащих, получавших денежное жалованье в определенном размере».

При этом коллежское управление вводилось постепенно, на протяжении ряда лет. Причем царь давал коллегиям право самим решать «которые пункты в

шведском Регламенте неудобны или с сетацею сего государства несходна, и оныя ставит по своему разсуждению».

Создание института прокуратуры как органа надзора за деятельностью учреждений расценивают как своеобразное завершение коллежской реформы. Учреждая данный институт, Петр I, вероятно, планировал его как гарант закона - барьер для злоупотреблений и взяточничества в системе управления.

8 августа 1720 г. Петр I учредил еще одну комиссию по составлению уложения. Результатом ее работы стал очередной проект, о котором *А.Г. Машков* сказал, что если бы новое Уложение было издано, оно подвело бы под государственные реформы Петра I единую систему права, охватывающую все стороны государственной и общественной жизни и регулирующую отношения всех общественных сил. Уложение запрещало продажу крестьян без земли и обязывало всех дворян в обязательном порядке нести государственную службу.

Показательно, что практически одновременно (указом от 18 января 1721 г.) была формально разрешена и широко практиковалась покупка крестьян к заводам недворянами. Таким образом, как видим, Петр не рассматривал владение крепостными как исключительно дворянскую привилегию. Второе важное обстоятельство, связанное с проектом Уложения 1720-1725 гг. – это сделанная в нем попытка законодательно включить крепостное крестьянство в понятие недвижимой собственности. Это, видимо, не устраивало Петра, и в результате новый проект Уложения остался лишь на бумаге.

С 1718 г. в стране началась податная реформа. Ее концепция и ход высветили отношение Петра к проблеме взаимоотношений различных социальных слоев между собой и государством. Поводом к созданию указанной реформы стало возвращение регулярной армии из заграничных походов. Многочисленность войск создавала проблемы с размещением и обеспечением. Выход был найден в том, чтобы разместить воинские части в тех регионах, которые брались их кормить. При этом были проведены расчеты: сколько крестьян могут прокормить одного пехотинца, сколько – кавалериста и т.д. Расчеты легли в основу подушной подати, заменившей прежнюю подворную. Новая подать (с

«души мужского пола») стала взиматься с 1724 г. Прежде чем ее вводить, осенью 1718 г. была проведена предварительная работа – сбор «сказок» о количестве душ в каждом населенном пункте. Однако результаты «сказок» вызвали у власти вполне обоснованное предположение об «утайке» значительного числа «душ». На этот раз решено было проверить ранее полученные данные с помощью чиновников-ревизоров. По сути это была первая перепись населения, которая выявила еще одну проблему – большое количество беглых. Началась кампания по их поимке и возвращению на прежнее место жительства. Меры были столь жесткими, что удалось вернуть даже тех, кто обосновался на новом месте давно и даже успел сменить род занятий.

Для предотвращения побегов в будущем была введена паспортная система. Теперь крестьянин мог покинуть место жительства, только имея при себе паспорт, в котором было указано, куда и на какой срок он отправляется.. Тех, кого задерживали без этого документа, сразу же арестовывали, наказывали и отправляли назад. Таким образом, резко усилился полицейский контроль за подданными и произошло ужесточение крепостнической системы.

В результате этих нововведений изменилась социальная структура российского общества. Податная реформа требовала четкого разграничения подлежащих и неподлежащих обложению. К последним были сразу же отнесены дворяне, что было закреплено в качестве их важнейшей привилегии. Правда, и в этом вопросе Петр столкнулся с трудностями, так как в России не существовало узаконенной процедуры жалования дворянства: не было дипломов на дворянское достоинство, о присвоении титула и т.д. А поскольку указанных документальных подтверждений, как правило, не было, за основу служебное положение или факт наличие поместья с крепостными крестьянами.

Дворянство и духовенство были единственными категориями, освобожденными от подушной подати. Все остальное население страны податью облагалось.

Податная реформа сделала Россию государством еще более «регулярным»: была унифицирована социальная структура, сведена к минимуму юридическая

возможность перехода из одной социальной категории в другую, ограничена свободой выбора занятий и возможность передвижения по территории государства.

Практически одновременно с созданием коллежской системы и осуществлением податной реформы проходила реформа местного самоуправления. И здесь вновь использовался шведский опыт, хотя и кардинально скорректированный. Так, была отменена нижняя ступень шведской системы областного управления – приход, который предполагал выборное самоуправление крестьян. (Интересно, что решение об отмене этой ступени Сенат аргументировал красноречиво: «ис крестьянства умных людей нет»). Красной нитью в документе проходила мысль о том, что управление в России должно осуществляться только из центра, Участие в управлении церкви даже не рассматривалось.

В ходе реформ первоначально было создано 45, а затем 50 провинций во главе с провинциальными воеводами. Провинции раздели на уезды, уезда – на дистрикты (округа). Реформа привела к значительному увеличению числа учреждений разного уровня.

Реализация в областном устройстве принципов камерализма привела к унификации системы управления в разных регионах страны, независимо от особенностей их хозяйственного национального развития. Лишь Украина и Прибалтика управлялись через традиционные для них системы власти.

«К началу 20-х годов XVIII века, - замечает *Е.В. Анисимов*, - корабль империи был вчерне построен великим плотником, и под звуки последних залпов Северной войны он уже плыл».

Период с 1720 по 1722 гг был отмечен нововведениями и реформами, содействующими окончательному оформлению «регулярной» империи. Так, 28 февраля (10 марта) 1720 г. был издан Генеральный регламент, т. е. устав государственной гражданской службы, ставший на долгие годы основой бюрократической системы. В январе 1721 г. увидел свет Генеральный Регламент Главного магистрата, после выхода которого началась новая реформа городского самоуправления. Главный магистрат был создан на основе петербургской ра-

туши и напрямую подчинялся Сенату, а президента нового органа назначал сам царь. В подчинении Главного магистрата находились избираемые горожанами городовые магистраты. Города, в свою очередь, делились на пять отделов, в зависимости от количества дворов, жителей поделили на две гильдии. К первой было причислено состоятельное купечество, городские доктора, аптекари, ювелиры, иконописцы и художники; ко второй – мелкие торговцы, ремесленники, люди, работавшие по найму. Согласно Регламенту Главного магистрата, горожане, по примеру Западной Европы, должны были объединиться в цеха по профессиям.

Введение указанных новшеств шло параллельно с переписью, так как устанавливалось подушное обложение. Такое нагромождение мероприятий привело к ошибкам и казусам. Так, в ряды купечества была записана масса тех, кто не имел ни капитала, ни собственности и зарабатывал хлеб «черной работой». Из-за подобных ошибок не удалось выполнить наказ Петра, повелевшего «всероссийское купечество, яко рассыпанную храмину паки собрать», однако фискальная цель была достигнута.

Реформа не предоставила никаких стимулов к развитию русского города как центра торговли и промышленности.

Неудачным решением было и учреждение Главного магистрата, идея которого также была заимствована на Западе. Но в отличие от западных аналогов, учрежденный Петром орган не был органом сословного управления, а тем более самоуправления, а был типичным бюрократической организацией, по сути еще одной коллегией. Целью создания этого учреждения и подчиненных ему городских магистратов было не намерение дать русским городам европейскую систему самоуправления, а желание усилить полицейскими мерами контроль над жителями городов и обеспечить исправное несение повинностей и выплату податей.

В том же январе 1721 г. был подписан регламент еще одной коллегии – Духовной. Этим документом Петр окончательно решил вопрос соотношения церкви и монархии в системе власти Российского государства. В Духовном ре-

гламенте давалось теоретическое обоснование идеи о том, духовная власть воплощена в самодержавии.

В феврале 1721 года, в соответствии с регламентом, был создан Священный Синод, представлявший из себя коллегиальный, куда вошли назначенные царем высшие иерархи. Вступая в должность, они приносили клятву на верность государю. В мае 1722 г. Св. Синод заполучил обер-прокурора – светского чиновника, в чьи обязанности входило следить за деятельностью вверенного ему «духовного департамента».

Таким образом, Петр снял все различия между церковью и светским учреждением, рассматривая первую как часть государственной машины. Показательно, что он стал инициатором вышедшего в мае 1722 г. специального постановления Синода, которое обязало священников доносить на своих прихожан в случае, если в исповеди будет содержаться опасная для царя и государства информация. При этом его не остановило явное нарушение основополагающего правила церкви о тайне исповеди.

Вполне заверченный вид новая система управления страной приобрела примерно к 1722 г. с введением коллежских и Генерального регламентов, установлением строгой соподчиненности учреждений по схеме Сенат—коллегии—губерния—провинция—уезд, созданием института прокуратуры.

Последними штрихами государственной реформы стали еще два законодательных акта того же 1722 г. – Табель о рангах и Указ о порядке престолонаследия.

Неизбежным следствием принятия Табели о рангах стало укрепление дворянства как единой сословной корпорации, причем закрепление за дворянами высших чинов Табели означало для них гарантию принадлежности к политической элите. Но одновременно в основу Табели о рангах был положен принцип личной выслуги, обеспечивавший выходцам из иных социальных групп также возможность проникновения в состав этой элиты. Если в большинстве европейских государств служба монарху была привилегией членов феодального сословия, то в России она стала для них и обязанностью (т.е. формой повинности) -

Табель о рангах увеличивала служебное бремя для представителей дворянского класса, дополнив его обязанностью учиться. Иначе говоря, принцип крепостничества, последовательно проводившийся Петром на протяжении всего царствования в построении взаимоотношений с дворянством, был закреплён юридически.

Прямым продолжением петровской политики в отношении дворянства стало и учреждение спустя две недели после появления Табели о рангах должности герольдмейстера, которому была дана специальная инструкция. Уже название должности, казалось бы, указывало на то, что император имел намерение повысить статус российского дворянства, придав ему некоторые черты европейского, в частности, снабдив его гербами. Но по факту основной его функцией, как и Герольдмейстерской конторы, которую он возглавил, стал учёт дворянства, ведение специальных дворянских списков, организация смотров с целью определения годности к службе, свидетельствование и определение в службу дворянских недорослей (новики), выявление уклоняющихся от службы.

Сам Петр вряд ли сознавал противоречивость созданной им системы взаимоотношений власти и общества, и в особенности власти и дворянства. Укрепление дворянства как политической силы, конечно, не входило в его планы, а при разработке Табели о рангах он руководствовался тем, что считал интересами государства. Противоречие, заложенное в созданной Петром I системе, стало залогом одного из важнейших для XVIII в. явлений — постоянного противоборства дворянства и государства, в конце концов закончившегося почти полной победой первого над вторым.

Смерть Петра I в январе 1725 г. была неожиданной, но в сущности его политическая программа к тому времени была выполнена: Россия превратилась в мощную империю с ведущей ролью на мировой арене, твердым положением на побережье Балтики, развитой индустрией, современной армией и модернизированной системой управления. Место его преобразований в русской истории определяется уже долговременностью большинства созданных Петром институ-

тов власти и управления, социальных отношений и пр. Несомненно и громадное влияние петровских реформ на культуру, быт, менталитет русского общества. Однако оценка реформ с позиции исторической ретроспективы не может, конечно, исходить лишь из их восприятия самим преобразователем.

Далее мы будем говорить об общей оценке деятельности Петра Великого в исторической литературе.

Споров вокруг реформ Петра I в исторической науке огромное количество. Практически по каждой реформе ведется дискуссия в аспектах причин, последствий, влияния иностранных образцов и т.д. Мы будем говорить об обобщающей оценке деятельности Петра I в науке. Эта обобщающая оценка связана с ответом на 4 ключевые проблемы: связь реформ с развитием допетровской России; плановость преобразований; историческая сущность петровских реформ; личное влияние Петра I на процесс преобразований. Рассмотрим каждый из этих вопросов отдельно.

Связь реформ с развитием допетровской России

В большинстве обобщающих работ петровский период рассматривается как начало новой эпохи в истории России. Однако глубокое несогласие царит среди историков, пытающихся ответить на вопрос, в какой степени эпоха реформ означала кардинальный разрыв с прошлым, отличалась ли новая Россия от старой качественно?

Революция. Ярким выразителем одной из крайних точек зрения в рамках «революционной» концепции был *С.М. Соловьев*, который своей «Историей России» и «Публичными чтениями о Петре Великом» сделал крупный вклад в научное исследование эпохи правления Петра. Его взгляды находятся в прямом родстве с представлениями, господствовавшими во всей предшествовавшей этому труду историографии и публицистике. Он интерпретирует петровский период как эру ожесточенной борьбы между двумя диаметрально противоположными принципами государственного управления и характеризует реформы как радикальное преобразование, страшную революцию, расщепляющую историю России надвое и означавшую переход из одной эпохи в истории народа в дру-

гую. Однако, в противоположность славянофилам, *С.М. Соловьев* считает, что реформы были вызваны исторической необходимостью и поэтому должны рассматриваться как целиком и полностью национальные. Русское общество XVII в. находилось, по его мнению, в состоянии хаоса и распада, что и обусловило применение государственной властью радикальных мер — точно так же, как серьезная болезнь требует хирургического вмешательства. Таким образом, ситуация, которая сложилась в России накануне петровских реформ, оценивается Соловьевым негативно.

Схожая точка зрения, но с позиций марксистской историографии проводилась *М.Н. Покровским* и *Б.И. Сыромятниковым* — оба они основывали свое мнение относительно революционного характера преобразований на переменах в расстановке классовых сил в начале XVIII в.

Эволюция. Среди ученых, отстаивающих «эволюционную» концепцию, особенно выделяются *В.О. Ключевский* и *С.Ф. Платонов*, историки, глубоко исследовавшие допетровский период и в своих опубликованных курсах лекций по отечественной истории настойчиво проводившие мысль о наличии преемственности между реформами Петра и предшествующим столетием. Они резко отмежевываются от данной *С.М. Соловьевым* характеристики XVII в. как эпохи кризиса и распада и, в противоположность ему, утверждают, что в этом столетии шел позитивный процесс создания предпосылок для реформаторской деятельности и была не только подготовлена почва для большинства преобразовательных идей Петра Великого, но и пробуждено «общее влечение к новизне и усовершенствованиям». «XVII столетие не только создало атмосферу, в которой вырос и которой дышал преобразователь, но и начертало программу его деятельности, в некоторых отношениях шедшую даже дальше того, что он сделал». Петр в порядках старой Руси ничего кардинально не менял, он продолжал возводить постройку в развитие уже существовавших тенденций». По мнению *В.О. Ключевского* и *С.Ф. Платонова*, если в реформах Петра и было что-то «революционное», то лишь насильственность и беспощадность использованных им методов.

В советской и современной науке господствующим также является мнение, что реформы Петра имели истоки в XVII веке, но при этом они дали толчок к резкому убыстрению развития – именно эта черта в первую очередь придает петровской эпохе ее особый характер.

Связь реформ Петра I с развитием допетровской России:

- революционный разрыв с прошлым (С.М. Соловьев, М.Н. Покровский, Б.И. Сыромятников);
- эволюционная связь (В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, Б.Б. Кафенгауз, Н.И. Павленко, Е.В. Анисимов).

Планомерность петровских преобразований

Насколько для реформаторской деятельности Петра были характерны планомерность и систематичность?

Систематичность. У С.М. Соловьева реформы Петра представлены в виде строго последовательного ряда звеньев, составляющих всесторонне продуманную и предварительно спланированную программу преобразований, имеющую в своей основе жесткую систему четко сформулированных целевых установок. В этой системе даже войне отведено заранее определенное место в числе средств реализации общего плана. Эти идеи бытовали в умах еще задолго до С.М. Соловьева – деятельность Петра и ее результаты рассматривались как порождение почти сверхчеловеческого разума: осуществлением дьявольского плана или проявлением высшей мудрости, реформатор традиционно характеризовался как «антихрист» (раскольниками) или «человек, Богу подобный» (М.В. Ломоносовым).

Спонтанность. П.Н. Милюков поставил на этом традиционном положении вызывающий знак вопроса. Для него реформы выступают в виде непрерывной цепи просчетов и ошибок. Преобразовательная деятельность Петра обнаруживает, по его мнению, поразительное отсутствие перспективной оценки ситуации, систематичности, продуманного плана, следствием чего и явилась взаимная противоречивость многих реформ. Объясняет это явление Милюков тем обстоятельством, что внутренние реформы были случайной, спонтанной

реакцией на требование момента, конкретно - ситуации, складывавшейся на театре военных действий, что вся внутренняя политика была лишь средством, инструментом для достижения внешнеполитических целей, реализация которых была оплачена разрухой, разорением страны.

Спонтанность в начале царствования, систематичность – в последнее десятилетие жизни Петра I. Точка зрения относительно очевидной бесплановости и непоследовательности преобразовательной деятельности разделяется *В.О. Ключевским*, который с еще большей, чем *П.Н. Милюков*, настойчивостью подчеркивает, что главной движущей пружиной реформ была война. По его мнению, структура реформ и их последовательность были обусловлены потребностями, навязанными войной, которая, впрочем, также велась довольно бестолково. В противоположность. *С.М. Соловьеву* *В.О. Ключевский* отрицает, что Петр уже в ранний период своей жизни ощущал себя призванным преобразовать Россию; лишь в последнее десятилетие царствования он начал осознавать, что создал нечто новое; вместе с этим и его внутренняя политика стала утрачивать черты скоропалительности и, незавершенности решений. Это, последнее утверждение *В.О. Ключевского* положило начало ряду более нюансированных точек зрения, характерных для последующей фазы дискуссии. Современные исследователи не выработали единую позицию по вопросу планомерности реформ. Однако самая новейшая позиция начинает этап систематичности с 1717 года (*А.Б. Каменский*).

Степень планомерности преобразований Петра I:

- систематичность (*С.М. Соловьев*);
- спонтанность (*П.Н. Милюков*);
- спонтанность до 1715-1717 гг., систематичность – в последнее десятилетие царствования (*В.О. Ключевский, А.Б. Каменский*).

Историческая сущность петровских реформ

В чем был смысл петровских преобразований?

Стремление Петра европеизировать Россию. «Европеизация» — термин, которым оперировала историки самых разных направлений. «Модерниза-

ция России, ее вхождение в круг европейских государств являются существеннейшими чертами петровской эпохи — причем не только для главного научного выразителя и защитника этой точки зрения *С.М. Соловьева*, но и для славянофилов и западников. Встреча с европейской цивилизацией была, по мнению *С.М. Соловьева*, естественным и неизбежным событием на пути развития русского народа, она стала переходом от жизни чувствами к жизни разумом, свершившимся под руководством Петра. Но *С.М. Соловьев* рассматривал «европеизацию» не как самоцель, а как средство - прежде всего для стимулирования экономического развития страны: «Бедный народ сознал свою бедность и причины ее через сравнение с народами богатыми и устремился к приобретению тех средств, которыми заморские народы были обязаны своим богатством. Следовательно, дело должно было начаться с преобразования экономического...».

Теория «европеизации», ярко представленная в литературе XIX в. дерптским профессором *А. Бриннером*, не встретила, естественно, одобрения у историков, стремящихся подчеркнуть преемственность эпохи Петра по отношению к предшествовавшему периоду. Возникли бесчисленные дискуссии о том, насколько та или иная реформа обязана зарубежным образцам или же основана на национальной русской традиции.

Приоритет внешнеполитических целей в политике. Гипотеза о той преобладающей роли, которую в планах Петра играла внешнеполитическая ситуация, была, как я вам уже сказал, выдвинута *П.Н. Милюковым* и *В.О. Ключевским*. Убежденность в ее непогрешимости привела Ключевского к выводу, что реформы имеют разную степень важности: по его мнению, военная реформа была начальным моментом преобразовательной деятельности Петра, а реорганизация финансовой системы — конечной ее целью. Все же остальные реформы являлись либо следствием преобразований в военном деле, либо предпосылками для достижения упомянутой конечной цели.

Реформы как выражение принципа государственности. В наиболее яркой форме эта точка зрения сформулирована *М.М. Богословским*; реформы характеризуются им как практическая реализация воспринятых монархом прин-

ципов государственности. Идеалом Петра I было абсолютистское государство, «регулярное государство», которое своим всеобъемлющим бдительным попечением («полицейской деятельностью») стремилось регулировать все стороны общественной и частной жизни в соответствии с принципами разума и на пользу «общего блага».

Выражение интересов правящего класса. «Русская история» М.П. Покровского, бесспорно, представляет собой первую попытку при определении сущности реформ Петра взять за основу марксистское понимание истории. М.Н. Покровский характеризует петровскую эпоху как раннюю фазу зарождения капитализма, когда торговый капитал начинает создавать новую экономическую основу русского общества. Как следствие перемещения экономического центра тяжести власть перешла от дворянства в руки буржуазии (купцов) — наступила «весна капитализма». Купцам был необходим эффективный госаппарат, который смог бы служить их целям как в России, так и за рубежом: именно поэтому, по М.Н. Покровскому, административные реформы Петра, его войны и экономическая политика в целом объясняются интересами торгового капитала.

В период с середины 1930-х до середины 1960-х гг. общепризнанной была точка зрения, согласно которой петровское государство считалось «национальным государством помещиков» или «диктатурой дворянства», и его политика выражала прежде всего интересы феодалов-крепостников, хотя известное внимание уделялось при этом и интересам набирающего силу класса буржуазии. В результате проводимого в рамках этого направления научного анализа политической идеологии и социальной позиции государства была вскрыта сущность идеи «общего блага» как демагогической, которой прикрывались интересы правящего класса.

Заметное исключение из этого общепринятого положения составляют выводы Б.И. Сыromятникова о петровском государстве и его идеологии (Сыromятников Б.И. «Регулярное» государство Петра I и его идеология. М.-Л., 1943). Отличается оригинальностью его интерпретация классового фундамента петровского государства. Неограниченные полномочия Петра базировались, со-

гласно *Сыромятникову*, на реальной ситуации: противоборствовавшие классы (дворянство и буржуазия) достигли в этот период такого равенства экономических и политических сил, которое позволило государственной власти добиться известной независимости по отношению к обоим классам, стать своего рода посредником между ними. Благодаря временному состоянию равновесия в борьбе классов государственная власть стала относительно автономным фактором исторического развития и получила возможность извлекать выгоду из усиливающихся противоречий между дворянством и буржуазией. То, что государство, таким образом, стояло как бы над классовой борьбой, тем не менее не означало, что оно было беспристрастно. Изучение социально-экономической политики Петра привело *Сыромятникова* к выводу, что преобразования имели антифеодальную направленность.

Анализ петровских реформ Сыромятниковым не нашел значительного положительного отклика у его советских коллег, но его выводы критиковали за близость к выводам Покровского, а не за искажение фактов.

Ряд известных историков (*И.А. Федосов, С.М. Троицкий*) приняли тезис о равновесии, но в новом варианте – не как социальное равновесие двух различных классов, а как противоречивость интересов внутри одного правящего класса. То есть речь идет о «внутриклассовой борьбе» между старой аристократией и новым, бюрократизированным дворянством. Поднимающаяся буржуазия выступала в союзе с последней группировкой.

Историческая сущность петровских преобразований:

- стремление Петра I европеизировать Россию (*А. Бриннер, С.М. Соловьев*);
- стремление достичь внешнеполитических целей (*В.О. Ключевский, П.Н. Милюков*);
- стремление создать «регулярное» государство (*М.М. Богословский*);
- защита интересов правящего класса (*М.Н. Покровский, Б.Б. Кафенгауз, В.В. Мавродин, Б.И. Сыромятников, И.А. Федосов, С.М. Троицкий, Н.И. Павленко*).

Классовый фундамент государства Петра I:

- буржуазия (М.Н. Покровский);
- дворяне-крепостники (Б.Б. Кафенгауз, В.В. Мавродин);
- государственная власть была в тот период относительно автономным

фактором исторического развития, извлекала выгоду из равенства сил противоборствующих классов (феодалов и буржуазии); при этом государственная политика была, в целом, антифеодальной (М.М. Богословский);

- государственная власть была в тот период относительно автономным фактором исторического развития, извлекала выгоду из «внутриклассовой борьбы» между старой аристократией и новым, бюрократизированным дворянством, к которому примыкала зарождающаяся буржуазия (И.А. Федосов, С.М. Троицкий, Н.И. Павленко).

Личное влияние Петра I на процесс преобразований

«Реформы без реформатора». П.Н. Милюков первым открыто и вызывающе усомнился в величии Петра. Он утверждал, что сфера влияния Петра была весьма ограниченной: реформы разрабатывались коллективно, а конечные цели преобразований осознавались царем лишь частично. Таким образом, речь идет о «реформах без реформатора».

В трудах М.Н. Покровского Петр также предстал безвольным орудием торгового капитала.

Огромное влияние. Н.П. Павлов-Сильванский в 1897 году сделал прямо противоположный вывод: в области реформ Петр, и никто иной, был побудительной и движущей силой. Петр часто действовал без учета мнений своих советников. Советский историк Н.А. Воскресенский в 1945 году в ходе специального исследования также пришел к выводу о том, что роль Петра в преобразовательной деятельности была «руководящей, многосторонней, полной энергии и творчества. Им были сформулированы все наиболее важные нормы, отразившие основные тенденции, задачи, содержание и приемы предполагаемых реформ». Эта позиция является сегодня господствующей в исторической науке,

хотя полемика о личной роли Петра в выработке отдельных законов продолжается.

Личное влияние Петра I на преобразования I-й четверти XVIII века:

- Петр I – руководящая и вдохновляющая сила реформ (Н.П. Павлов-Сильванский, Н.А. Воскресенский, Н.И. Павленко, Е.В. Анисимов);
- реформы разрабатывались коллективно, а конечные цели преобразований осознавались царем лишь частично /концепция «реформ без реформатора» (П.Н. Милюков, М.Н. Покровский).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

К главе 1. Образование Древнерусского государства и роль варягов в этом процессе.

Геденов С.А. Варяги и Русь. СПб., 1876.

Горский А.А. Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1984. № 9.

Горский А.А. Начало Руси: славяно-варяжская дилемма? // Родина. 2009. № 9.

Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.

Грот Л.П. «Варины - варяги - вэринги»: судьбы в истории и историографии // Начала Русского мира. 2014. № 1 (1). С. 67-88.

Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1999.

Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005.

Каменецкая Е.В. Варяги и славяне: вечный спор // Россия XXI. 2010. № 2. С. 184-190.

Кац В.И. К проблеме образования Древнерусского государства // Система ценностей современного общества. 2015. № 41. С. 93-96.

Комаровских К.Ф., Комаровских Н.И. Откуда есть пошла земля русская- Русь святая // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2014. Т. 203. С. 351-360.

Коновалова И.Г. Образование Древнерусского государства: взгляд с востока // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 9 (152). С. 35-44.

Королев А.С. О роли варяжских князей в образовании Древнерусского государства // Преподаватель XXI век. 2009. № 4 (1-2). С. 206-213.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X—XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2.

Миннибаев Б.И. Теории и признаки происхождения Древнерусского государства // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4. С. 310-312.

Писклова Т.В. Образование Древнерусского государства // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. № 10-2. С. 71-73.

Плотникова О.А. Становление института княжеской власти в Древней Руси // Власть. 2008. № 4. С. 95-99.

Пузанов В.В. Пути формирования высшей правящей элиты в эпоху образования Древнерусского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2008. № 2. С. 3-10.

Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989.

Пчелов Е.В. Начало Руси в письменных источниках и роль варягов в образовании Древнерусского государства. к 1150-летию зарождения российской государственности // Вестник архивиста. 2012. № 3 (119). С. 3-16.

Фроянов И.Я. К истории зарождения Русского государства // Фроянов И.Я. Начала Русской истории. Избранное. М., 2001.

Цветков С.В. Экономическая основа образования Древнерусского государства // Начала Русского мира. 2014. № 1 (1). С. 89-111.

Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. Л., 1965.

К главе 2. Существование древнерусской народности и восприятие наследия Древней Руси как общего фундамента истории России, Украины и Беларуси.

Аванесова Г.А., Иванова Е.В. Этногенез русских и украинцев в рамках развития государственности державного типа // Власть. 2015. № 4. С. 58-64.

Алексеева Т.И. Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002.

Археология СССР. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.

Болтенкова Л.Ф. Этнический состав древнерусского государства как связующий элемент современных России, Украины, Белоруссии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2011. № 1. С. 90-108.

Головань Н.А. Эволюция религиозной традиции в свете формирования древнерусской народности (X-XIII вв.) // Преподаватель XXI век. 2007. № 1. С. 135-138.

Демченко Т.И. Этнический, территориальный и темпоральный аспекты образования славяно-русского народа // Lex Russica. 2016. № 2 (111). С. 122-146.

Лебедева А.К. Этнические процессы в древнерусском государстве IX-XIII вв. (к постановке проблемы) // Научный диалог. 2015. № 8 (44). С. 8-22.

Лебединский М.Ю. К вопросу об истории древнерусской народности. М., 1997.

Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964.

Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999.

Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.

Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Толочко П. Древняя Русь глазами московских историков // Электронный ресурс:
<http://www.russdom.ru/node/3143>

Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб, 2005.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М., 1962

Филин Ф. Я. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972.

Юсова Н.Н. Научная легитимация концепции древнерусской народности: вклад Л.В. Черепнина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2006. № 7. С.3-25.

К главе 3. Исторический выбор Александра Невского.

Алексеев С. Александр Невский: жизнь, ставшая житием // Родина. 2013. № 8. С. 2-5.

Ауров О. Защитник земли русской Александр Невский // Свободная мысль. 2011. № 6 (1625). С. 215-218.

Горский А.А. Александр Невский // Родина. 1993. № 11.

Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). М., 2001.

Егоров В.Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2;

Князь Александр Невский и его эпоха. Сборник статей. СПб., 1995.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991.

Кучкин В.А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5.

Лапшин А.Г. Политика Ватикана на Руси в XIII в.: Александр Невский и теократические устремления Иннокентия IV // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 3. С. 181-184.

Пашков В.И. Вклад великого князя Александра Невского в развитие традиций духовно-нравственного воспитания русских воинов // Вестник экономической безопасности. 2015. № 6. С. 111-114.

Пашуто В.Т. Александр Невский. М., 1974. С. 146.

Политов В.В. «Образ этого замечательного полководца и патриота будет вдохновлять русский народ в его нынешней борьбе с немцами» лекция А.Н. Насонова «Александр Невский». 1942 г. // Исторический архив. 2015. № 2. С. 172-187.

Ранне А. Святой благоверный великий князь Александр Невский и Великий Новгород // Родина. 2013. № 8. С. 7-10.

Рыбаков С.В. Стратегический выбор Александра Невского // Мир Евразии. 2013. № 4 (23). С. 50-54.

Сахаров А.Н. Александр Невский. - М.: Директ-Медиа, 2014. - 121 с.

Селезнёв Ю.В. Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 36-42.

Федоров В.И. Александр Невский - национальный герой или предатель? // Научный альманах. 2016. № 2-3 (16). С. 423-427.

Фенел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200-1304. М., 1989.

К главе 4. Роль Ивана IV Грозного в российской истории: реформы и их цена.

Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988.

Боханов А.Н. Царь Иоанн IV Грозный. М., 2008.

Васильев А.А. Государственное учение Ивана IV Грозного. – М., 2014.

Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1944.

Володихин Д. Опричнина: НКВД XVI века или реформа Ивана Грозного? // Родина. 2015. № 3. С. 56-61.

Гумелёв В.Ю., Пархоменко А.В., Хрыканов Е.Н. О реформах Ивана Грозного // История и археология. 2014. № 11 (19). С. 8-14.

Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964

Иван Грозный как религиозный тип: Статьи и материалы. Нижний Новгород, 2009.

Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003.

Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989.

Литературные памятники. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1993.

Мутя Н.Н. Иван Грозный. Историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. - СПб.: Алетейя, 2010. - 495 с.

Росторгуева А.А., Мартыненко А.С. Приказы как органы централизованного государственного управления в административной и уголовной сферах (на примере Разрядного, Поместного и Разбойного приказов) // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 25. С. 238-241.

Скрынников Р.Г. Опричный террор. М., 1969.

Фомина О. Иван Грозный. Жестокий правитель. - М.: Рипол Классик, 2014. - 256 с.

Швец Ю.П. Крах реформ Ивана IV Грозного // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-3. С. 264-266.

К главе 5. Попытки ограничения власти главы государства в период Смуты и в эпоху дворцовых переворотов, возможные причины неудач этих попыток.

Авдеев Д.И. Великая Смута и проблемы восстановления государственности в России // Юридическая мысль. 2006. № 4. С. 5-12.

Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. Л., 1986.

Белова Т.А. Дореволюционная и советская отечественная историография о высших государственных органах власти в России в эпоху «дворцовых переворотов» // Вестник Омского университета. 2010. № 3. С. 60-65.

Волкова И.В., Курукин И.В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII-XX вв. // Вопросы истории. – 1995. - №5-6. – С.40-61.

Герич А.А., Гатина Г.Ф. Смута и оформление крепостного права // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 9. С. 19-20.

Драган С.Н. «Эпоха дворцовых переворотов»: стереотип и реальность // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1 (40). С. 46-51.

Згурская М.П. Загадки истории. Дворцовые перевороты. - Харьков: Фолио, 2009. - 380с.

Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946.

Коваленко Г. Печальная выгода Смутных времен //Родина. – 1999. - №4. – С.45-49.

Крамми Р.О. «Конституционная реформа» в Смутное время //Американская русистика: веки историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология. Самара, 2001. С.240-258.

Лисейцев Д.В. Центральная власть в России эпохи Смуты начала XVII в.: существовала ли альтернатива укреплению самодержавия? // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 5. С. 3-14.

Морозова Л.Е. Василий Иванович Шуйский // Вопросы истории. – 2000. - №10. – С.72-97.

Назаров В.Д., Уваров П.Ю. Западные источники о русской Смуте: предчувствие «новой волны» (вместо вступления) // Средние века. 2011. № 72 (3-4). С. 98-109.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995.

Плотников А.Б. Ограничение самодержавия в России в 1730 году: идеи и формы // Вопросы истории. – 2001. - №1. – С.60-69.

Савельев А.Н. 1612. Минин и Пожарский. Преодоление Смуты: 400 лет борьбы Русского государства против самозванцев, цареубийц, мятежников, революционеров и террористов. - М.: Книжный мир, 2013. - 352 с.

Седов С.А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. №7. С.47-62.

Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века. Смута. М., 1988.

Станиславский А. Л. Гражданская война в России в XVII веке. Казачество на переломе истории. М., 1990.

Тазьмин Ю.Н. Легитимность как фактор дворцовых переворотов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-1 (55). С. 186-188.

Чацкий Д.В. Влияние эпохи дворцовых переворотов на дальнейшее развитие России // Новая наука: От идеи к результату. 2015. № 6-1. С. 195.

Шаповалов В.Ф. XVIII век в России: эпоха «дворцовых переворотов» или модернизация? // Экономика и управление: проблемы, решения. 2015. № 6. С. 7-14.

Шахмагонов Ф.Ф. «Смутное время» в Российском государстве в XVII веке. М., 1995.

Швец Ю.П. Русская Смута XVI-XVII вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-3. С. 260-263.

К главе 6. Присоединение Украины к России (причины и последствия).

Андреев А. «Хотим царя восточного, православного!» //Родина. – 1999. - №8. – С.64-67.

Андреев А. Об измене неизменявшего //Родина. – 1997. - №7. – С.28-32.

Антоненко С. Богдан Хмельницкий // Родина. – 1999. - №8. – С.68.

Блищенко В.И. Присоединение Украины к России: мифы и реальность // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2014. № 2 (289). С. 99-106.

Бутырская И.Г. Москва и Богдан Хмельницкий. Присоединение Украины к России // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 11-3. С. 134-140.

Воссоединение Украины с Россией: Сб. статей. М., 1954.

Голобуцкий В. Освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого (1648-1654). М., 1954.

Греков И.Б. и др. Воссоединение Украины с Россией в 1654 году. М., 1954.

Дикий А.И. Неизвращенная история Украины-Руси / под ред. Л.М. Сурис. - М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. - Том II. Российская Украина-Малороссия в XIX-XX веках. - 533 с.

Долгов В.В. Славянство, Русь и Московия, или как украинская пропаганда делит «древнерусское наследие» // Преподавание истории в школе. – 2014. - №9. – С. 22-30.

Замлинский В.А. Богдан Хмельницкий. М., 1989.

Кулецкий М. Лях и москаль – заклятые друзья //Родина. – 2001. - №1-2. – С.79-83.

Любичанковский С.В. Отношения России с Крымским ханством в XVII - XVIII веках, или почему присоединение Крыма к Российской Империи было исторически закономерным?/С.В. Любичанковский // Преподавание истории в школе. 2014. №6. С.3-8.

Петрухинцев Н., Смирнов А. Брак по расчету //Родина. – 2004. - №1. – С.14-19.

Рафальский О. Наибольшая легенда славянской истории: Переяславский договор 1654 года и его современное эхо //Родина. – 2004. - №1. – С.10-13.

Россия и ее «колонии»: Как Грузия, Украина, Молдавия, Прибалтика и Средняя Азия вошли в состав России / ред.-сост. И.М. Стрижова, Н. Терехова. - М.: ДАРЪ, 2007. - 576 с.

Сас П. Иафетовы правнуки //Родина. – 1999. - №8. – С.60-62.

К главе 7. Фундаментальные особенности социального и политического строя России (крепостное право, самодержавие) в сравнении с государствами Западной Европы.

Алексеев В.П. Начало и конец самодержавия в России / под ред. С.П. Мельгунова. - М., 1906. - 50 с.

Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л., 1988.

Асонов Н.В. Политические доктрины российского самодержавия как фактор целостности национального государства // Власть. 2009. № 3. С. 97-100.

Асонов Н.В. Развитие идеи самодержавия в политической мысли русского зарубежья // Социология власти. 2009. № 3. С. 65-72.

Ахиезер А.С. и др. История России: конец или новое начало? М, 2005.

Захаров В.Ю. Абсолютизм и самодержавие: соотношение понятий // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. 2008. № 6. С. 2.

Земцов Б.Н. Самодержавие как национальный политический режим // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2013. Т. 323. № 6. С. 301-306.

Иллерицкая Н.В. Проблема крепостного права в интеллектуальной динамике политической истории России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 1. С. 30-40.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция XXIX.

Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987.

Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительное историческое исследование. - М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. - 320 с.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). СПб., 2000.

Пайпс Р. Россия при Старом режиме. М., 2004.

Панова Л.Н. Отмена крепостного права как первый шаг на пути капиталистической модернизации России // Приоритетные направления развития науки и образования. 2015. № 3 (6). С. 29-33.

Перхавко В.Б. Дискуссия о российском крепостном праве и его последствиях // Российская история. 2012. № 5. С. 209-217.

Перхавко В.Б. «Круглый стол» на тему «Крепостное право в истории России» // Труды Института российской истории РАН. 2012. № 10. С. 475-490.

Радионенко А.Г., Журавков А.Е. Крепостное право в России // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2015. № 9-5-2. С. 86-92.

Сидорова И.В., Колотова А.С. Крепостничество как система усиления государственной власти в России // Научный альманах. 2015. № 9 (11). С. 1306-1309.

К главе 8. Причины, особенности, последствия и цена петровских преобразований.

Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989.

Анохина О.А. Петр Первый – великий преобразователь России // Инновационное образование и экономика. 2013. № 13 (24). С. 61-67.

Баггер Х. Реформы Петра Великого. М., 1985.

Иванов И.М. Петр Великий. Его жизнь и государственная деятельность. - М.: Директ-Медиа, 2014. - 104 с.

Иеромонах М. Некоторые аспекты влияния церковной реформы Петра I на жизнь русского православия // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 4 (20). С. 29-35.

Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. М., 2001.

Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: Традиции и модернизация. М., 1999.

Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Тищенко А.Г., Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Значение петровских реформ для государственно-правового развития России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 3. С. 84-93.

Коваленко О.А. Реформы Петра I в контексте культурно-исторического диалога России и Европы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 2[18]. С. 164-171.

Кульпин Э.С. Уроки петровской модернизации: социоестественный взгляд // Историческая психология и социология истории. 2012. Т. 5. № 1. С. 93-110.

Лугвин С.Б. Российская бюрократия на ранних этапах ее институционализации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. Т. 19. № 36 (216). С. 171-177.

Мавродин В.В. Петр I. М., 1969.

Мавродин В.В. Экономический рост России, внутренняя и внешняя политика царизма в конце XVII – первой половине XVIII вв. М., 1957.

Мехдиева Н.Г., Магомедова М. Россия на пути модернизации в начале XVIII в. основные предпосылки петровских реформ // Вестник науки и образования. 2015. № 2 (4). С. 27-29.

Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994.

Павлушков А.Р. Влияние петровских реформ на поведенческую культуру духовенства // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 2. № 4 (52). С. 60-63.

Пенская Т.М. Цена реформ // Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования. 2015. Т. 1. № 2 (4). С. 47-59.

Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра I и его идеология. М.-Л., 1943.

Фрумак И.В. Становление и развитие местного самоуправления в дореволюционной России: ретроспективный анализ // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2012. № 20. С. 110-117.

Черникова Т.В. О российских истоках петровских реформ государственного управления // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 10-17.